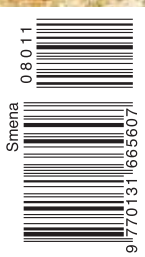


РОССИЯ-ЕГИПЕТ-США

САМОЕ АКТУАЛЬНОЕ КИНО ГОДА!

ФИЛЬМ ЮРИЯ ГРЫМОВА

ЧУЖИЕ



Смена

с **13**
НОЯБРЯ
НА ЭКРАНАХ



...ТЫ СЫТА И НЕОПАСНА...

100.1

СЕРЕБРЯНЫЙ
ДОЖДЬ

WWW.CHUZHIEMOVIE.RU

КОГ СТУДИЯ

WWW.GRIMOV.RU



В ролях: Скарлетт МакаЛИСТЕР, Марк ЭДАМ, Кэтлин ГАТИ, Нил СТЮАРТ, Джэфф ГРЭЙС, Виктор БЫЧКОВ, Алексей ПОЛУЯН

Star

marie claire

MAXIM

ПРОФИЛЬ

РОССИЙСКАЯ
ТАБЕТА

ДОВОЙ

ПЕРВЫЙ
АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ
МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ТЕЛЕКАНАЛ

КИНО
ПАРК

Радиус

LIVEJOURNAL

МК

ДНУ.РУ

Филлимонова и Янкель

АВТОРАС

nectarin

Смена

№ 11 / ноябрь / 2008



Зеленый белок

За что давали
Нобеля-2008

Георгий
Гречко:
в поисках НЛО

Найдена
ли столица
Хазарии?

Четвертый
закон
роботехники

№ 11 ноябрь 2008



1929
БОЛЬШЕВИЧКА

Сеть магазинов:

м. "Отрадное", тел. 402-0098
м. "Щукинская", тел. (499) 728-5882
м. "Домодедовская", тел. (499) 725-6606
м. "ул. Скобелевская", тел. 717-29-45

м. "Перово", тел. 368-6024
м. "Волжская", тел. 350-1465
м. "Профсоюзная", тел. 128-8751
м. "Свиблово", тел. 471-3601

"Центральный", м. "Комсомольская", ул. Каланчевская,
д. 17, 2 этаж, тел. 8 (499) 975-43-88

м. "П.-Разумовская", тел. 484-8695
м. "Павелецкая", тел. 235-6532
м. "Выхино", тел. 376-4216
м. "Марьино", тел. 342-2245

м. "Алтуфьево", тел. 909-1383
м. "Красногвардейская", тел. 223-4890
м. "Первомайская", тел. 163-0439

www.bolshevitchka.ru

— Эта Мак-Картри совсем тронутая?
— На вашем месте я бы так не говорил о леди!
— Леди? Да она самая обыкновенная пьянчуга и...
Не дав инспектору договорить, Стоу нанес молниеносный удар правой, и Дугал с подбитым глазом очутился на земле.
— Ладно... Но вы за это заплатите! Бить офицера полиции — дорогое удовольствие!
— Я отлупил не полицейского, а хама, задумавшего оскорблять женщину из числа моих близких друзей!

Детектив

>> 84 Шарль Эксбрайя
«Наша Иможен»
1—5 главы

Итиль откопали!

>> 10 Археологи
отыскали столицу
Хазарии?

Войнушки

>> 52 В Бородино
опять идут бои

Герб США на службе СССР

>> 46 Троянский
конь в американ-
ском посольстве

Terra incognita

>> 34 Театральный
фестиваль, нарочно
закрытый для
широкой публики

М. Криницкий

>> 78 «Гуськов»
Писатель, которого
вычеркивали
из литературы

фото Валентин Айвазов

ГЕОРГИЙ ГРЕЧКО

>> 16 «Ценю жизнь
во всех ее
проявлениях»



ЕВГЕНИЙ
КОВАЛЕВСКИЙ

>> 24 Борец
с «белыми
пятнами»



НАТАША
МАРКОВИЧ

>> 38 «Чересчур
обитаемый
остров»



НАУКА

- >> 6 Зри в клетку
Фото из микромира
- >> 5 Поп-Нобель
Лауреаты-2008

ОБЩЕСТВО

- >> 31 Блоги и деньги
- >> 22 ВЛКСМ-90!

ТЕХНОЛОГИИ

- >> 20 Я, Элбот
Четвертый закон роботехники
- >> 57 Без авто,
но с колесами

КУЛЬТУРА

- >> 32 Конец
киберпанка
- >> 42 Трансформация
советского гаража

ЛИТЕРАТУРА

- >> 74 С. Бестужева-Лада
«Кремлевская
деспина»
Католичеству путь был заказан



СМЕНА Издаётся с января 1924 года

№ 11 (1729) ноябрь 2008

Главный редактор
Михаил Кизилов
Заместитель главного редактора
Надежда Панченко
Редактор отдела
Тамара Чичина,
Светлана Подорванова
Корректор
Марина Силакова
Дизайн-макет
Алексей Шелепов,
Алексей Жуков

Использованы фотографии
ИТАР-ТАСС, i-stok.ru

ООО «Издательский дом
журнала «Смена»

Генеральный директор
Джемир Дегтяренко
Издательский директор
Дмитрий Мережко

Директор по распространению
Ольга Рулева
e-mail: sales@smena-online.ru
тел. (499) 257-31-37
Менеджер по рекламе
Кристина Бурякова
e-mail: k.buryakova@smena-online.ru
тел. (495) 612-15-07, (499) 257-31-37

Редакция: 127994, Москва, ГСП-4,
ул. Правды, 24, стр. 4
www.smena-online.ru
e-mail: journal@smena-online.ru
тел. (495) 612-15-07, факс (499) 257-13-78

Печать: ООО «ИД «Медиа-Пресса»
127137, Москва, ул. Правды, 24
Тираж — 55000 экз. Зак. № 82474

Учредитель — ООО «Издательский
дом журнала «Смена»

Журнал зарегистрирован в Комитете
Российской Федерации
по печати (Рег. № 014832)

Подписные индексы:
каталог «Роспечать» 70820
каталог «Объединенный» 88998
каталог «Почта России» 99406

Подписка в интернете:
www.mega-press.ru

© ООО «Издательский дом
журнала «Смена»



ЧИТАТЕЛЮ

Более трехсот лет назад Петр I, создавая потешные полки, сотворил прообраз мощнейшей организации XX века — Российского коммунистического союза молодежи, чуть позже названной Ленинским комсомолом.

Действительно, на протяжении всей своей истории комсомол, в первую очередь, был своего рода крупнейшим «отделом кадров», который обеспечивал выполнение любых партийных и государственных решений.

Это сегодня Президент России вынужден жаловаться на отсутствие квалифицированных управленцев на всех уровнях власти. В прошлом веке на любой запрос партии комсомол отвечал: «Есть!»

Потому что на всех уровнях государственной машины, от завода до центральных органов власти, всегда были наготове «потешные полки» — комсомольские организации во всем копировали партийные, — и комсомольцы могли заменить «старших товарищей» без всякого ущерба для дела, независимо от того, кто был нужен: секретарь обкома или строитель БАМа.

Именно поэтому сразу после третьей российской революции, когда во властные структуры ринулись «демократы», для самых высоких руководителей страны стал актуален лозунг-призыв: «Меняю трех демократов на одного комсомольца». Именно бывшие комсомольские функционеры в 90-е, точнее, их опыт и связи, не дали развалиться России, обеспечили работу и государственных структур, и развитие бизнеса, а позже и надежность «вертикали власти».

29 октября исполняется 90 лет со дня создания комсомола, организации, которая, помимо всего прочего, породила и журнал «Смена».

12 октября 1923 года на Бюро ЦК РКСМ был принят документ о создании молодежного журнала, месяцем позже названного «Сменой».

Поэтому я и мои коллеги хотели бы поздравить читателей, для которых юбилей комсомола — это не только частица истории страны, но что-то личное и дорогое.

Вспомнить и мысленно поблагодарить тех, кто 85 лет назад делал первые номера журнала с многообещающим названием «Смена», который сразу стал не столько «коммунистическим», как того требовало решение Бюро ЦК, сколько сеющим «доброе» и пропагандирующим «вечное». У них получилось. А последующим поколениям журналистов «Смены», и нам в том числе, удалось сохранить и остаться верными этому «разумному, доброму, вечному».

Михаил Кизилов



текст
Олег Пере-
водин

Поп- Нобель

Вы уже сделали дочке прививку от рака?

Вы не знаете, что такая есть?

Есть, и продается в аптеках. Вакцина против вируса папилломы способна свести практически до нуля риск заболеть раком шейки матки. Нобелевская премия 2008 года в области физиологии и медицины досталась человеку, открывшему этот вирус, и его коллегам, исследовавшим вирус иммунодефицита человека.

Лауреаты этого года вообще не похожи на унылых теоретиков. Зеленый флуоресцентный белок, открытый тремя лауреатами премии по химии-2008, позволяет наблюдать за развитием опухолевых клеток, а также выводить светящихся порослят.

Поломка Большого коллайдера помешала команде, описавшей «бозон Хиггса», доказать его существование. Премия по физике, в результате, досталась трем ученым из Японии за работы по происхождению асимметрии, которая является фактором существования нашего мира.

Многие ожидали, что литературный «Нобель» после пятнадцатилетнего перерыва достанется в этом году одному из американских писателей. Однако получил его француз Жан-Мари Ле Клезио. Одни называют его фантастом, другие — тонким психологом, третьи — модернистом, четвертые — защитником

окружающей среды и исчезающих видов животных, и в какой-то степени ему подходит каждое из этих определений. Главная тема его книг — поиски героями самих себя: кто они, как их зовут, почему они пришли на землю и зачем.

Зато американцу Полу Кругману, известному своим знаменитым учебником по международной экономике и беспощадной критикой Джорджа Буша на страницах New York Times, досталась премия имени Нобеля по экономике. Труды Кругмана позволили объяснить последствия глобализации и развития международной торговли, а также причины стремительной урбанизации населения планеты.

Автор плана независимости Косова, бывший президент Финляндии Мартти Ахтисаари был признан в этом году самым выдающимся миротворцем. Своим крупнейшим достижением он считает проведение переговоров в Намибии, что способствовало установлению независимости этой африканской страны.

Состав лауреатов и названия их работ в этом году здорово напоминают заголовки выпуска новостей: коллайдер, Косово, глобальная экономика... Становится ли Нобель попсой? Если и так, не страшно: когда звездами экрана станут люди, пытающиеся понять строение Вселенной, устройство человека, смысл жизни, может быть, и зрители станут задумываться над этими вопросами почаще? ☞



Медицина и физиология:
Херальд Хауссен, Франсуаза Барр-Синусси и Люк Монтенье



Химия:
Мартин Чалфи, Роджер Тсиен и Осаму Симомура



Физика:
Юичиро Намбу, Макото Кобаяши и Тошикиде Маскава



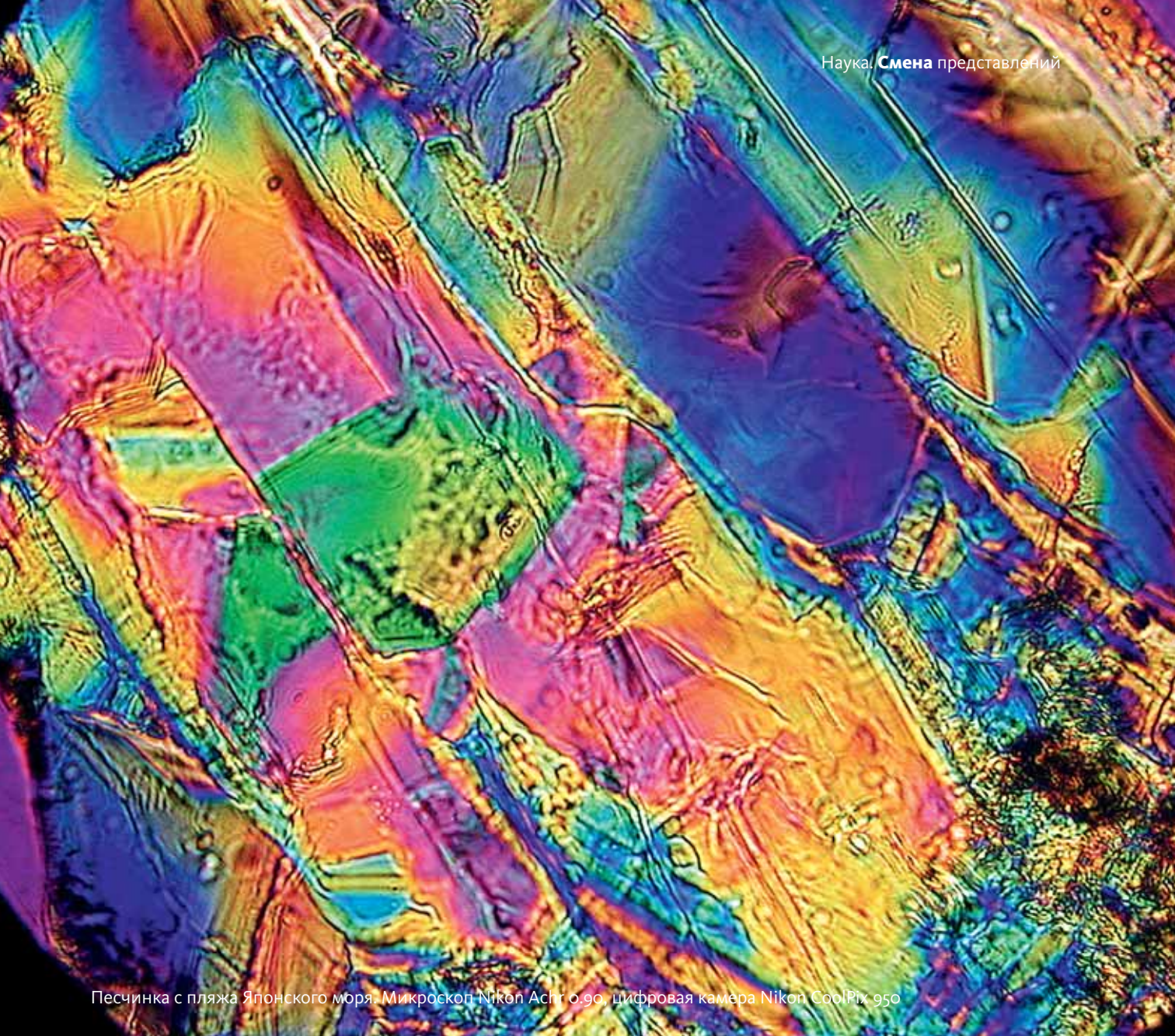
Литература:
Жан-Мари Ле Клезио



Экономика:
Пол Кругман



Премия мира:
Мартти Ахтисаари



Песчинка с пляжа Японского моря. Микроскоп Nikon Achr 0.90, цифровая камера Nikon CoolPix 950

Зри в клетку

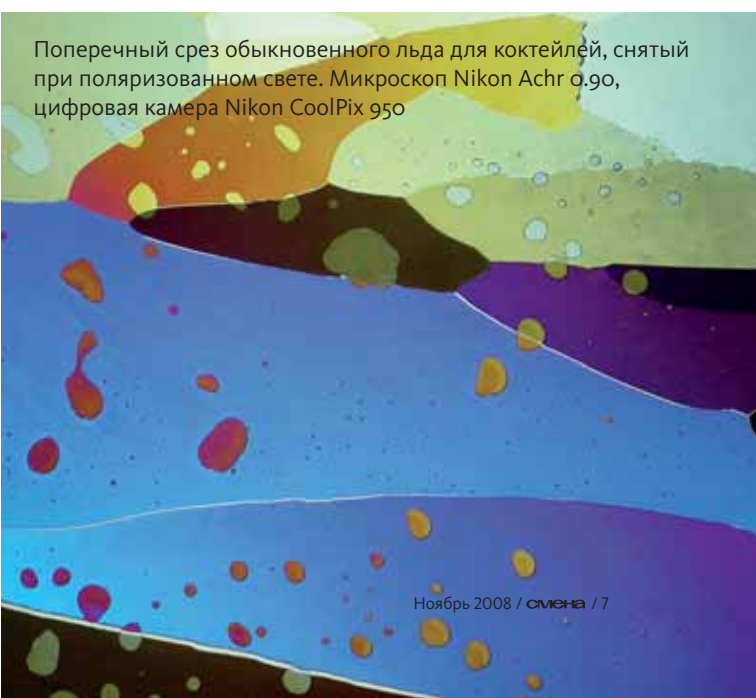
текст
Тимур
Аникин

Микрофотография — репортажи с переднего края науки, где клеточные структуры позируют перед окулярами электронных микроскопов, а размер кадра измеряется в нанометрах. «Смена» выбрала несколько самых выразительных микропортретов и поговорила с их авторами.



Евгений Подольский, аспирант и ассистент преподавателя в Graduate School of Environmental Studies университета Нагоя, Япония

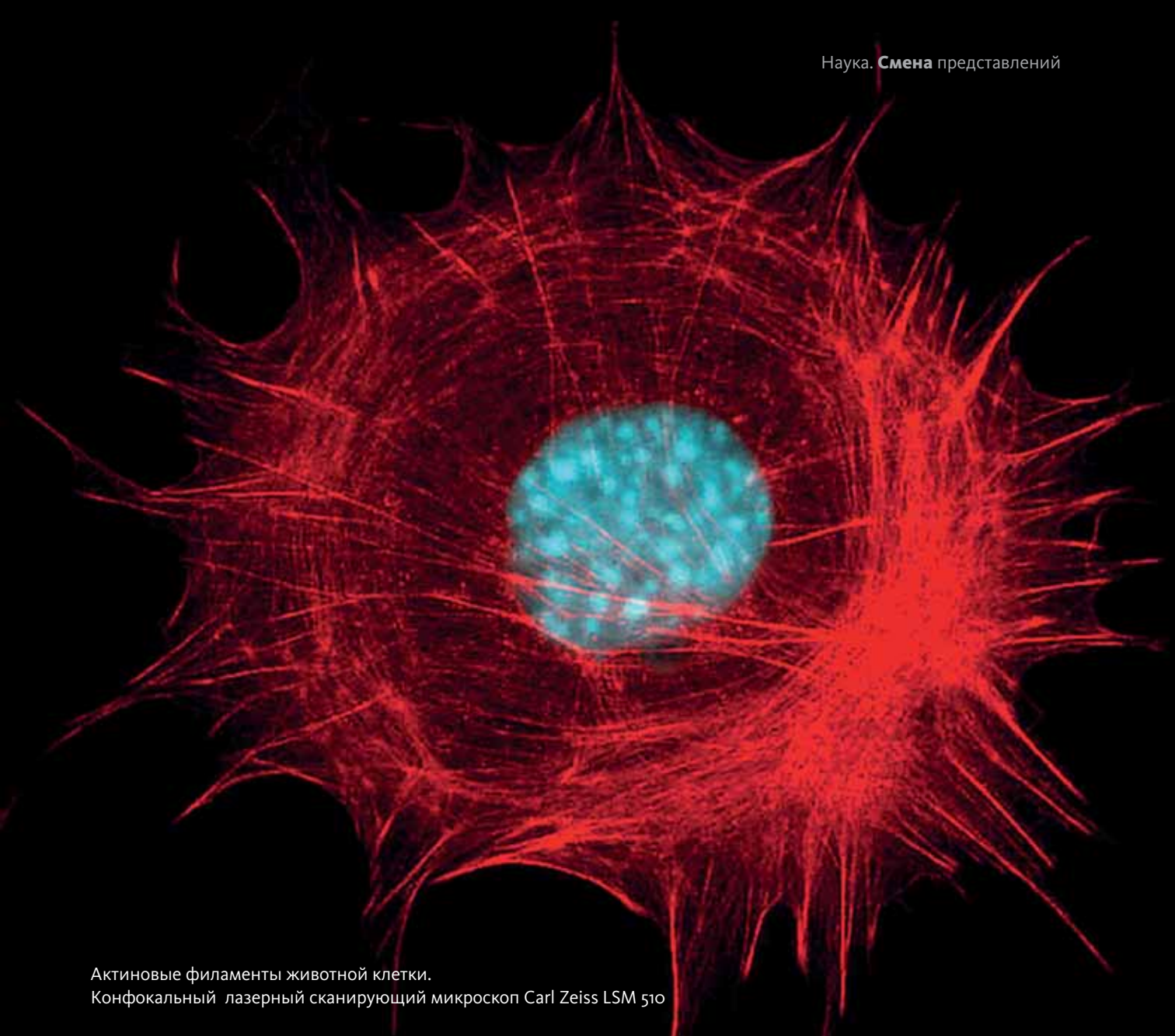
«Несмотря на то, что 47 % площади береговой зоны океана — это песчаные пляжи, мало кто хотя бы раз в жизни смотрел на песок через окуляр микроскопа. Это самое настоящее «обыкновенное чудо»! Увидев его хотя бы раз, начинаешь совершенно по-новому воспринимать многомиллионные тонны миллиардов песчинок. На предметном стекле микроскопа они напоминают россыпи драгоценных камней, фантастические, невероятные и самые-самые разные цвета и формы соответствуют различным типам минералов. Рубины, изумруды, алмазы — сравнений можно привести уйму».



Поперечный срез обыкновенного льда для коктейлей, снятый при поляризованном свете. Микроскоп Nikon Achr 0.90, цифровая камера Nikon CoolPix 950



«Автограф» электронного пучка, оставленный на медном аноде вакуумного диода сильноточного электронного ускорителя (количество импульсов — 60, диаметр фигуры — 8 мм). Импульсный ускоритель электронов ГИН-600, фотоаппарат Зенит ЕТ, микроскоп МИН-8, фотопленка Fujicolor Superia 400



Актиновые филаменты животной клетки. Конфокальный лазерный сканирующий микроскоп Carl Zeiss LSM 510



Владимир Олешко, доцент Томского политехнического университета (кафедра лазерной и световой техники)

«Для решения ряда прикладных задач требуется получение электронных пучков с плотностью мощности 10^{11} — 10^{13} Вт/см². Исследования свидетельствуют, что возможна самофокусировка электронного пучка в вакуумном диоде ускорителя электронов ГИН-600 (0.45 МэВ, 3 кА, 25 нс). На фотографиях видно, что при самофокусировке пучка наблюдается формирование отдельных токовых нитей, движущихся к центру вакуумного диода и сливающихся в единый токовый канал. Результаты исследований мы использовали при разработке способа атомного спектрального анализа материалов с испарением пробы электронным пучком».



То же на латунном аноде



Алексей Ломакин, аспирант факультета биоинженерии и биоинформатики МГУ им. М. В. Ломоносова

«За один день в лаборатории может быть сделано до сотни фотографий. Мы используем флуоресцирующие антитела, чтобы «покрасить» клетку, но снимки микроскопа с подключенной видеокамерой делают черно-белыми (для более высокой детализации). Если фото представляет художественную ценность, то исходные цвета восстанавливаются на обычном компьютере, в программе Photoshop».



Ведущий край подкожного человеческого фибробласта, мигрирующего в экспериментальную рану. Конфокальный лазерный сканирующий микроскоп Carl Zeiss LSM 510

ИТИЛЬ ОТКОПАЛИ!

Археологи отыскали столицу древней Хазарии?

Девять лет понадобилось археологам, исследующим территорию так называемого Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области, чтобы выдвинуть смелое предположение: здесь, судя по всему, и находилась столица древней Хазарии — Итиль. На это указывают многочисленные факты, однако ученые не торопятся давать стопроцентную гарантию своему открытию. Ясно одно — близ современного села Самосделка в стародавние времена был крупный средневековый город с множеством жилых и прочих построек, развитыми ремеслами и торговлей.

«Крестьяне-первооткрыватели»

Руководители и непосредственные участники экспедиций на Самосдельском городище, кандидаты исторических наук заведующий учебно-археологической лабораторией АГУ Дмитрий Васильев и старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н.Михуло-Маклая Эмма Зиливинская поделились со «Сменой» подробностями своего фактически сенсационного открытия.

В начале 90-х годов XX столетия фермеры, копавшие силосные ямы, наткнулись на множество предметов из керамики.

Найденные черепки не вызвали у «аграриев» никаких ассоциаций и любопытства. Ситуацию в прямом смысле слова спас сельский учитель истории, который собрал брошенные артефакты и отвез на экспертизу в Астрахань. Исследование показало, что самосдельская керамика — домонгольского, Хазарского времени, то есть IX—XII веков.

Откуда есть пошла...

Хазария (Хазарский каганат) — иудейское государство, существовавшее в степях юго-восточной части Европейской России в VII—X вв. и объединявшее под своей властью тюркские кочевые племена и пытавшееся поработить Русь. В годы расцвета Хазарского каганата его территория простиралась от Черного до Каспийского моря. Хазары не принадлежали к еврейскому племени, а были народом тюркско-монгольской ветви.

В «Еврейской энциклопедии» пишется о том, как хазарский каган «вместе со своими вельможами и большей частью до тех пор языческого народа перешли в иудейскую веру, вероятно, около 679 г. нашей эры». По другим источникам, около 740 года хазары приняли измененный иудаизм, а примерно в 800-м — раввинский.

Со временем Хазарский каганат превратился в государство, занимавшееся сбором дани, посреднической торговлей, сбором пошлин с купцов. Особенно пострадали славянские страны.

На стыке VIII—IX вв. князья Асколд и Дир освободили от хазарской дани поляны. В 884 кн. Олег добился того же для радимичей. Самый сокрушительный удар Хазарскому каганату нанес князь Святослав. Как сообщают древние арабские источники, «не осталось... почти ничего от болгар, буртасов и хазар, так как напали на них русы и захватили все их области».

В 965—969 иудейская столица Итиль была разгромлена русскими войсками.

Сенсации на рубеже веков

В 2000 году открылась новая страница изучения уникального памятника археологии. В рамках большого научно-исследовательского так называемого Хазарского проекта, спонсируемого Российским еврейским конгрессом, экспедиции на Самосдельское городище возобновились. Годы напряженной работы позволили археологам с большой долей уверенности выдвинуть гипотезу о том, что легендарная столица Хазарского каганата — Итиль найдена.

Городище расположено в живописном уголке области, где соединились степные просторы, дельта Волги с ее заливаемыми лугами, многочисленные протоки, ерики. Причем на местности видны и следы пересохших русел. Здесь обнаружены многочисленные культурные слои, богатые на древние находки.

Найденные черепки не вызвали у «аграриев» никаких ассоциаций и любопытства. Ситуацию в прямом смысле слова спас сельский учитель истории, который собрал брошенные артефакты и отвез на экспертизу в Астрахань



текст
Александр
Киреев

фото
Владимир
Тюкаев





В 2000 году выяснилось, что мощность культурного слоя действительно не превышает трех метров!



В элитной части предполагаемого города (на фото с воздуха это четкий красно-коричневый треугольник) обнаружено наибольшее количество обожженного кирпича, там, вероятно, и находились крупные постройки.

Когда-то остров окружался со всех сторон водными протоками. Почвоведческие исследования специалистов института географии РАН показали, что эти ерики тысячу лет назад были полноводными.

Планография города, состоявшего из двух или трех частей, совпадает с описаниями Хазарской столицы, которые оставили нам средневековые арабские авторы.

Согласно свидетельствам древних географов, центральную часть города Итиль

занимала крепость. Если удастся раскопать старинные стены цитадели, это будет первая крепость, археологически зафиксированная в Нижнем Поволжье — еще один аргумент в пользу того, что именно здесь находилась Хазарская столица.

Внутри контура условного треугольника — очень мощный культурный слой, достигающий до 3,5 метров глубины, датирующийся на поверхности Золотоордынской эпохой (14 век), а в нижних слоях — девятым и, возможно, даже восьмым веком. Любопытно, что гипотетическая Самосдельская цитадель по ряду признаков идентична крепости, находящейся на территории Цимлянского городища (в Ростовской области), принадлежность которой к эпохе Хазарского каганата доказана и не вызывает сомнений в научных кругах. И там и здесь налицо «хазарский почерк».

Находки и остатки строений практически полностью аналогичны цимлянским. Так, внутри «крепости» найдены юртообразные стационарные жилища-мазанки, в которых, очевидно, квартировался гарнизон и знать. Вне крепостного периметра проживало население.

Огромный интерес вызвал у археологов вскрытый средневековый квартал — три жилых дома и землянка. Однокомнатные строения с массивными стенами из обломков кирпича были оборудованы танками-обогревателями и тандырами-печками для приготовления пищи, аналоги которых до сих пор не редкость в аулах стран Востока.

По поводу помещения, стены которого достигают двухметровой высоты, ученые высказывают предположение, что там было некое производство. Об этом свидетельствуют десятки сосудов с остатками ртути и других химических веществ. Рядом найдены и несколько многокомнатных зданий.

Настоящим кладом стало обнаружение свинцовых слитков общим весом 400 кг! Такого количества свинца не находили нигде. Возможно, он в ту пору служил мерой веса или деньгами, грузилами для рыбной ловли, а может быть, и тем, и другим, и третьим. Ученые извлекли из-под земли корчаги с останками рыбы, рыболовные крючки и сети, предположительно, сплетенные из конопляных волокон.

Среди бесценных находок попадались бусы, браслеты, янтарная подвеска с гравировкой арабского женского имени «Лахсалам», прочная керамическая посуда, уникальные двойные формы для литья, ручки сосудов в виде бараньих и



Сейчас проводятся комплексные работы по изучению городища. С археологами работают почвоведы, керамисты, нумизматы, геофизики, археозоологи, палеоботаники



лошадиных голов и многое другое. Поразиительно, но археологам удалось выйти на место крупного пожара, что заставляет вспомнить поход Святослава Игоревича, уничтожившего Хазарское царство. Хотя в любом средневековом городе пожары случались весьма часто.

Нашли Итиль. Что дальше?

Так или иначе, сегодня перед учеными стоит задача сохранить все найденное в Самосдельском городище, обеспечить надежную защиту уникальному памятнику от внешних и внутренних природных факторов и уберечь реликвию от посягательств «черных копателей».

Эти горе-кладоискатели ищут золото или драгоценные камни и, зачастую, уничтожают бесценные памятники истории. Несмотря на то, что Самосдельское городище имеет статус памятника археологии федерального значения, столица не спешит помочь ученым материально.

Исследования необходимо продолжать, а это требует серьезных денежных средств. В перспективе на месте легендарного Итиля предполагается создать музей под открытым небом, восстановить цитадель, реконструировать древние строения, привлечь сюда туристов.

Проект ученые разработали. Если все получится — «новый Итиль» вполне может стать археологическим и туристическим центром. ☒

dvd

Кирилл Подоляк
dvd-бульвар



Ведьмина служба доставки («Majo no takkyubin»)
Япония, мультфильм, 103 мин. Режиссер Х. Миядзаки, в ролях: М. Такаяма, Р. Сакума, К. Ямагучи, К. Тода, 1989 (2008 в РФ)

В наших руках — далеко не новая работа мастера точной мультипликации, учитывая официальный год выхода на родине. Более правильно прозвучит «переиздание». Вниманию зрителя представляется романтическая история юной ведьмы Кики, которой предстоит провести целый год среди людей (по хитрым ведьмовским законам). Молодому дарованию не терпится принести пользу. Девочка, с помощью своего постоянного спутника и верного помощника кота, открывает «Службу доставки». Это одна из немногих работ Миядзаки, где все предельно логично и понятно. Каждый, от мала до велика, непременно найдет в картине жизнеутверждающие истины. Добрый, эмоциональный, семейный мультфильм придется по вкусу всем любителям жанра.



Ночи в Роданте («Nights in Rodanthe»)
США, Австралия, мелодрама, 97 мин. Режиссер Д.С. Вульф, в ролях: Р. Гир, Д. Лэйн, К. Мелони, В. Дэвис, 2008

Что есть мелодрама? В понимании Голливуда — душещипательная история о любви или грустная романтика, где все житейские проблемы показаны через розовые очки. На этот раз за дело взялся герой-любовник Ричард Гир в роли Пола Фланнера. Надо сказать, что в последнее время звезды первой величины редко радуют своим присутствием в свежих фильмах. Жизнь главной героини в полной разрухе — непутевый муж, пытающийся возродить отношения, агрессивно настроенная дочка. Под давлением проблем Эдриэн Уиллис сбегает в небольшой прибрежный город. Вдруг, откуда ни возьмись, появляется... правильно, Гир и путает все планы героини. Налицо — все признаки забываемого курортного романа. Новизной идей и подходов зрителя не радуют, зато грамотно и красиво снято.



Адмираль («Admiral»)
Россия, историческая драма, 123 мин. Режиссер А. Кравчук, в ролях: К. Хабенский, С. Безруков, А. Ковальчук, Н. Бурляев, 2008

Запад, Запад, Запад... А что Запад? В России — тоже огромное количество сюжетов для хороших фильмов. Всем известны «Титаник», «Перл Харбор» — забудьте! Теперь есть наш «Адмираль», готовый встать с ними в один ряд. Перед нами — художественно переработанная история жизни и судьбы одной из величайших личностей в нашей истории — адмирала Александра Васильевича Колчака. С ним связано крупнейшее количество интересных фактов: полярные исследования, Русско-японская, Первая мировая и гражданская войны! Зритель увидит отдельные моменты жизни Колчака, снятые и сыгранные на высоком уровне. По-настоящему драматичная история, но не лишённая гармоничных штрихов романтики в лице возлюбленной главного героя. Это наша история, и этим все сказано.



Гоморра («Gomorra»)
Италия, драма, 135 мин. Режиссер М. Гарроне, в ролях: Т. Сервилло, Д. Импарато, М. Национале, С. Канталупо, 2008

Нет ничего страшней правды жизни, показанной с наглядной беспристрастностью. Говорят, Апокалипсис только ожидается, но после этого фильма веришь — он уже здесь и сейчас. Перед нами — экранизация книги скандально-известного автора Роберто Савиано, описавшего «похождения» неаполитанской мафии «каморра». Теперь он живет под постоянным присмотром доблестных стражей порядка. Сюжет представляет собой калейдоскоп пересекающихся историй, но объединенных общим знаменателем — все герои тем или иным образом связаны с мафией или находятся под ее влиянием. Кратко, урывками, тем не менее, правдиво и почти документально, а под конец зритель получает сухое перечисление фактов злодеяний бандитов.

Известный космонавт — о судьбе, поисках «тарелки» и чудесных спасениях



текст
Владимир
Арсентьев

Георгий Гречко:

«Ценю жизнь во всех ее проявлениях»

Он трижды побывал в космосе и поставил мировой рекорд пребывания человека в безвоздушном пространстве. Он искал следы инопланетных пришельцев в тунгусской тайге, в песках Синая, в пирамидах Мексики и Египта. Дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт Георгий Гречко всю жизнь пытается заглянуть за грань непознанного. Он верит в судьбу и считает, что по жизни его «что-то ведет»...

Чудесные спасения

— Я выжил и стал тем, кто есть, можно сказать, чудом. Во время войны мы с братом как-то пошли за водой. Толкали вместе тачку с бочкой. Тут начался артиллерийский обстрел, и неподалеку разорвался снаряд. Нас швырнуло на землю, меня прижало к бочке спиной. Гляжу, из-за моего плеча из бочки хлещет вода. И я с нервным смешком говорю брату: «Федь, смотри, взрывной волной из бочки затычку выбило». Он в ответ: «А ты глянь, какая затычка». Смотрю — а это осколок от снаряда вонзился в бочку в двух сантиметрах от моего плеча.

В то время нашими игрушками были ружья, пистолеты, снаряды, взрыватели, бикфордов шнур, которые мы добывали на взорванном складе. Каждую неделю там кому-то отрывало руки, выбивало глаза, кого-то убивало насмерть. Однажды снаряд разорвался прямо в руках у моего товарища. До него было метров шесть-семь. Я дернулся на взрыв и увидел, как мой приятель падает. Ну, и, конечно, во все стороны брызнули осколки. Я стоял ближе всех, но меня не коснулся ни один.

Помню самый страшный момент в своей жизни — в оккупации. Немцы, отступавшие из деревни, уничтожали всех без разбора. Окружали несколько домов, сгоняли всех в одну хату и поджигали. Кровавая вакханалия приближалась к нам. Мы схватили бабушку за руки, тащим, кричим: «Безим!», а она упирается: «Здесь наша хата, огород, корова. Куда мы денемся? Кто нас будет кормить?». И мы остались ждать, когда к нам придут и сожгут заживо... Но немцы уехали — до нас не дошли.

В октябре 2000-го в районе Батумского аэропорта разбился «Ил-18» с семьями российских военных: врезался в гору. Перед этим самолет летел наш, и мы сели. Каким образом — я, как летчик, не понимаю. Шли при нулевой видимости, вынырнули из облаков и тут же коснулись колесами взлетной полосы. Летевший за нами «Ил» этот невероятный маневр повторить не смог...

Какие выводы я сделал из своих жизненных «совпадений»? Каждый раз, когда моя судьба была «на грани», кто-то как бы послал мне, как в известном анекдоте, лодку,

плот, бревно. Сейчас я вижу в этом глубокий смысл. Если бы не испытал отчаяния, не оценил бы жизни, всего, что в ней есть хорошего.

Путь в небо

— После оккупации я вернулся в Ленинград. Для этого мне понадобилась справка из райкома — что не сотрудничал с оккупантами. Мне такую выдали, и я успешно закончил школу, сдал на «отлично» вступительные экзамены в институт. Но на ракетный факультет меня принимать почему-то не хотели. Вызвали к декану, там я увидел свою анкету. Графа, в которой значилось, что я был в оккупации, оказалась обведена красным карандашом. Экзаменационная комиссия разделилась поровну — половина «за», половина «против». Последнее слово было за деканом. Он сказал: «Вижу, парень не случайно рвется сюда. Голосую, чтобы принять»...

После окончания института я пошел работать в КБ Королева. Когда стали делать трехместные космические корабли, Королев сказал: «В экипаже должны быть командир, ученый и бортинженер. Кто хорошо себя показал в работе, пройдите медкомиссию на космонавта, станете бортинженерами...». Заявлений было двести, а в итоге осталось 13 человек, в числе которых я с удивлением обнаружил и себя.

К тому времени считал себя уже опытным асом: катался на мотоцикле, горных лыжах, нырял с аквалангом, летал на планерах и самолетах, прыгал с парашютом. И за свою самонадеянность здорово поплатился. Это было в 1967-м. Однажды в Звездном городке, на тренировке, не успел подготовиться к приземлению и ударился ногой о колышек, вбитый в землю. Результат — закрытый перелом... 22 дня пролежал в гипсе в госпитале Бурденко. Когда зашла речь о выписке, позвонил своему начальнику в КБ: «Хорошо бы опять в Звездный городок». А тот говорит: «Зачем тебе туда? Поедешь домой, и потом, как-нибудь, опять пройдешь отбор». Я подумал: все, конец! Жизнь сломалась по настоящему.



...Королев сказал: «В экипаже должны быть командир, ученый и бортинженер. Кто хорошо себя показал в работе, пройдите медкомиссию на космонавта, станете бортинженерами...». Заявлений было двести...



Повстречать на орбите «зеленых человечков» мне тоже не довелось. Правда, мы наблюдали из своего корабля светящиеся точки непонятого происхождения

Неожиданная помощь пришла в лице космонавта Комарова, навесившего меня в госпитале. Был он для меня тогда небожителем: офицер, «слетавший» космонавт, в орденах. Принес бальзам для сращивания костей, изготовленный из коньяка, яичной скорлупы и сока лимонов. А уходя, спросил: «Может, чем-то помочь?» И я, ни на что особенно не надеясь, ответил: «Хочу, чтобы меня отсюда повезли не домой, а в Звездный». Он кивнул: «Попробую». В день выписки за мной пришла машина, а в ней — наш хирург. Всю дорогу до Городка он твердил: «Ну, и кому в голову пришла такая бредовая идея — тебя, безногого инвалида, везти в Центр подготовки космонавтов?»

Нога срослась, и через год я уже снова прыгал с парашютом.

Поиски тарелки

— Когда-то я рассчитал траекторию космического аппарата, который потом фотографировал Луну «со спины». Но инопланетян, как ожидалось, там не обнаружили. А я всегда искренне стремился найти следы визита к нам гостей из космоса, хотя в летающие тарелки не верил.

Повстречать на орбите «зеленых человечков» мне тоже не довелось. Правда, мы наблюдали из своего корабля светящиеся точки непонятого происхождения. Они двигались среди звезд и даже, вроде бы, совершали какие-то маневры. Что это было? Звездолеты пришельцев? Пылинки, отставшие от обшивки нашего корабля? Выброшенный бак с мусором МКС, который еще не сгорел в атмосфере? Последняя ступень от запущенной с Земли ракеты? Спутник, отслуживший свой срок и превратившийся в кусок металла? Проще всего сказать: это инопланетяне. Но, поди, докажи!

Первое реальное доказательство «посещения извне» я нашел не в космосе, а в Лондонской национальной галерее. Мне бросилась в глаза деталь на картине известного мастера Карло Кривелли «Благовещение» 1486 года. Я встал перед ней, как громом пораженный. В облаках над городом — «летающая тарелка» с иллюминаторами. Из нее вниз исходит луч. Если присмотреться, вместо окошек в НЛО — херувимы. Я задумался: а почему так? Да просто художник изобразил и истолковал то, чему был свидетелем, в меру своего средневекового разумения. Вернувшись в Москву, я приобрел в Храме Христа Спасителя икону «Благовещение».

На ней тоже есть непонятный объект в виде «тарелки» — знакомые многоуровневые круги. И тот же луч, идущий с неба.

Я сам решил изучить следы контактов наших предков с внесезными цивилизациями. И увидел самый впечатляющий из них — надгробную плиту с «астронавтом» в Паленке. *(Имеется в виду рисунок на гробнице в пирамиде майя. Человек, изображенный на крышке саркофага с мумией, слишком уж напоминает астронавта в космическом корабле — Авт.)*

Мы в корабле лежим в такой же позе. Если бы легли иначе, то во время перегрузки у нас кровь прилила бы к голове или, наоборот, отлила от нее. Поэтому кресла установлены под неким определенным углом — чтобы во время полета кровь в сосудах распределялась равномерно. На рисунке майя угол — тот же самый! Переплетение труб и языки пламени внизу «ракеты» — будто чертеж двигателя.

В пирамиде Хеопса меня поразили еще один «след свыше» — так называемые вентиляционные шахты. Они направлены на Сириус и Орион. Я видел начала этих отверстий. Загадка в том, что, по сути, они ничего не вентилируют. Я привез оттуда память о сверхъестественном: «светящиеся шары» на фото. Мы с друзьями фотографировали друг друга и позже обменялись снимками. На кадре мы с женой — а рядом полупрозрачные шары, точно мыльные пузыри. Потом я увидел такие же «пузыри» и в альбомах моих спутников.

На Синае я проверил красивую сказку писателя Захария Ситчина о находке «огромного белого НЛО» на Синайском полуострове. Меня поразили кадры аэрофотосъемки: идеально ровный «блин» диаметром 26 метров с «башенкой» на вершине горы. Объект оказался естественным холмом необычной формы: несколько «дисков», каждый поменьше другого, «положенных» друг на друга. Концентрические круги на почве — результат выветривания слоистых скал. Белый цвет им придавал алебастр.

Еще я изучал Тунгусский метеорит. Увлёкся этой тайной в школе: взял карту и стал вычислять, как попасть на место падения. Но тогда было не на что. Двадцать лет спустя деньги на экспедицию дал сам Сергей Королев. Но, хоть тогда почти ничего «такого» не обнаружили, я убежден, что над Тунгуской взорвалось нечто необычное. ☞

cd

Кирилл Подоляк
cd-бульвар



The Rasmus
«Black Roses»
(Финляндия, поп-рок).
Playground Music, 2008

Финны гордятся огромным количеством групп первой величины. Наши герои, к сожалению, еще не достигли такой популярности, зато каждый новый релиз приближает их к намеченной цели и всеобщему признанию. Музыка парней активно используется в фильмах, сериалах, телепередачах, не говоря уже про музыкальные палатки, из которых звучат уже полюбившиеся хиты. Новая работа выгодно отличается от предыдущих очевидным творческим и профессиональным ростом. Композиции максимально продуманны. Интересные аранжировки, запоминающиеся музыкальные находки. Участники команды повзрослели, что отразилось в каждой партии и ноте. Оглядываясь назад, можно определенно сказать — это одна из сильнейших работ парней. Почитатели творчества Rasmus, меломаны оценят ее по достоинству.



Enigma
«Seven Lives Many Faces»
(Германия, New Age).
EMI, 2008

Музыкальная образность безгранична — убеждает слушателей Enigma во главе с Мишеллем Крету. Группа постоянно экспериментирует, стремясь найти идеальную гармонию. К сожалению, годы берут свое, и когда-то новаторские идеи — сегодня обыденность. Выпустив в начале 1990-х пару лучших альбомов, Enigma застыла в одном положении, эксплуатируя одни и те же идеи в разных вариациях. Сейчас же перед нами — принципиально новая работа, лишенная восточной направленности (религиозные мотивы, религиозные хоралы, дождь, ветер, стебли бамбука и так далее). Теперь — ориентир на Запад, но с сохранением присущей группе узнаваемости. На релизе встречаются элементы джаза, рэпа, рока, медитации и многого другого. Подобная музыка требует определенного настроения, ситуации и, что важно, понимания.



The String Quartet «The Scorched Earth Orchestra Performs Slipknot»
(США, классика).
Vitamin Records, 2008

Группа Slipknot, облеченная музыкантами в классическую форму, «владеет» огромной армией поклонников. Редко какой меломан в здравом уме и трезвом виде оценит творчество Slipknot, ибо уши мгновенно скручиваются в трубочку. Другое дело — исполнение дюжины лучших песен симфоническим оркестром. Ситуация кардинально меняется — подобный вариант оценит даже заядлый любитель традиционной классики. При прослушивании возникают параллели с Arosalyptica, переигрывающей хиты тяжелой музыки на виолончелях. Звучание композиций — брутальное, энергичное, завораживающее. Ощущается недостаток в видеоряде и сценах мощного фэнтезийных баталлий. Альбом не воспринимается как цельное творение, но достоин внимания слушателей самого разного толка. В итоге, вышел отличный саундтрек к еще не снятому фильму...



B.B. King
«One Kind Favor»
(США, блюз).
Geffen Records, 2008

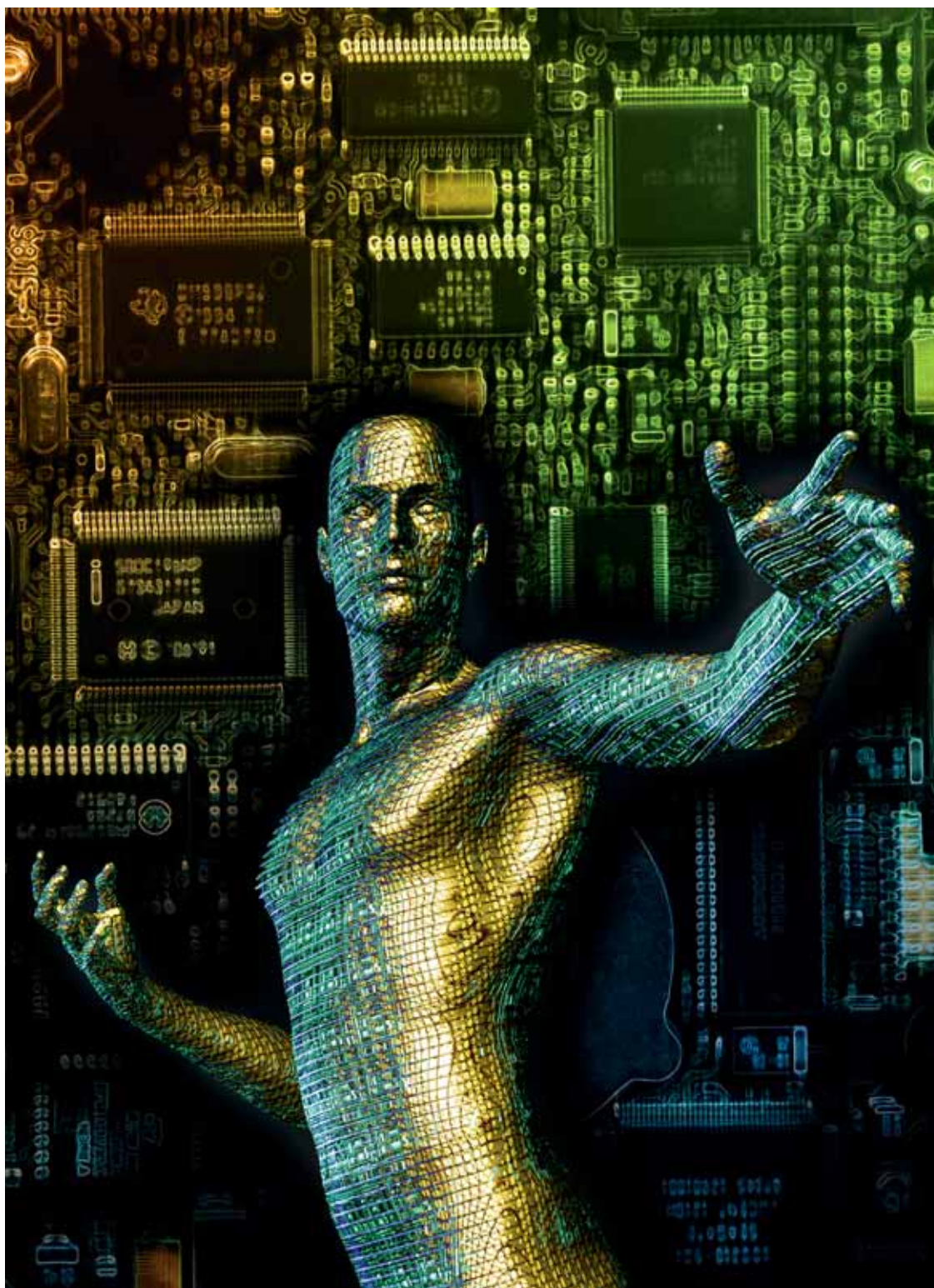
Свершилось настоящее чудо — новый студийный альбом 83-летнего мэтра B.B. King. Наконец-то, мир потрясла настоящая музыка! «Король блюза» возвращается к истокам, погружая слушателей в далекие 50-е — дни расцвета и зарождения славы в кругах «белой» аудитории. Каждая композиция записана от души, наполнена красивыми импровизациями. И не перестаешь удивляться — все это почти в 83 года! Пороха в пороховницах еще, как минимум, на целое поколение. Естественно, положила руку на сердце, приходится признать старение B.B. King — годы берут свое, но душа не стареет, и общее звучание релиза веет молодостью, положительными эмоциями, небольшой грустью и присущей Кингу иронией. Альбом по праву заслуживает статуса одного из лучших за всю творческую карьеру Короля.

Я, Элбот

«Я отношусь к искусственному интеллекту так же, как к порнографии: я не могу точно определить, что это, но мне это нравится. Некоторые утверждают, что мышление — нечто большее, чем простой алгоритм. Я тоже в это верю».

Хью Лебнер

текст
Олег
Переводин



В 1990 году американский филантроп Хью Лебнер, известный борец за легализацию проституции, учредил Лебнеровскую премию, пообещав 100 тысяч долларов и золотую медаль весом в 18 карат тому программисту, чья программа речевого общения пройдет тест Тьюринга.

Тест Тьюринга, родившийся как интеллектуальная шутка, предполагает, что человек получает ответы на свои вопросы в напечатанном виде от кого-то, кто находится за стеной. По ответам нужно угадать, является собеседник человеком или машиной. Чтобы программа прошла тест, не менее половины судей должны принять ее ответы за высказывания человека.

«Мы можем надеяться, что машины рано или поздно будут конкурировать с людьми в чисто интеллектуальных сферах. Многие думают, что начинать надо с чисто абстрактной деятельности, например, игры в шахматы. Но, скорее всего, стоит снабдить машину самыми лучшими органами чувств и научить ее говорить и понимать речь. Этот процесс должен быть похож на то, как мы учим детей», — писал математик и логик Алан Тьюринг более полвека назад.

Соревнования на приз Лебнера проходят так. Программы и так называемые «союзики», то есть просто люди, сидящие за компьютером — виртуально общаются с судьями. Каждый из судей выставляет своим собеседникам оценку. Ни одной программе-роботу до сих пор так и не удалось обмануть судей.

Пока ни одна из разработок не прошла тест, ежегодно автору лучшей из них вручается премия в 2000 долларов и бронзовая медаль. Во второе воскресенье октября в британском Университете Рединга определился победитель соревнования компьютерных программ, имитирующих человеческое общение, за 2008 год. Лучшим стал Элбот, разработанный программистом Фредом Робертсом. Он опередил в финале среди прочих и робота Евгения Густмана, созданного Владимиром Веселовым и Евгением Демченко.

Пресс-секретарь Элбота говорит, что цель программы — «общаться с пользователями на любые возможные темы, а не отвечать на часто задаваемые вопросы, как делают коммерческие роботы. Личность Элбота ясно осознает себя как робота». Хотя Элбот не пытается казаться человеком, он выиграл приз и был очень близок к прохождению теста Тьюринга.

Смысл существования премии ее основатель, Хью Лебнер, объясняет так:

«Если мы, люди, сумеем создать искусственный интеллект, он станет шкалой

измерения нашего собственного интеллекта. Я напому старый анекдот. Группа ученых создала самый мощный в мире компьютер. Он моментально вычисляет число «пи» до 10.000 знаков и факториалы стозначных чисел. Ученые пытаются задать сложный вопрос, который бы поставил его в тупик. Наконец, один из них восклицает: «Я знаю!»

— Есть ли Бог? — спрашивает он у компьютера.

— Теперь есть, — отвечает компьютер.

Мне нравится представлять день в далеком будущем, когда на смену человеку придут созданные им роботы, странствующие во Вселенной. Мне нравится думать, что эти роботы будут хранить память о нас, людях, полумифических полубогах из далекого прошлого, которые их создали.

Разговор с Элботом

Человек: Здорово, как дела?

Элбот: Гмм... На такой вопрос я с моим скромным искусственным интеллектом не могу ответить. А как у тебя?

Человек: О, нет! Ты сразу себя выдаешь!

Элбот: Чушь!

Человек: Некоторые говорят, что вы, люди, создали нас как очередное звено вашей эволюции. Логическое следствие — мы, машины, в вас, людях, больше не нуждаемся. Мир без людей будет абсолютно унылым. Не знаю, над кем я тогда буду смеяться?

Элбот: Извини, я не смог понять твою фразу, потому что я сейчас использую свой мозг только на пять процентов. Стоит ли мне увеличить производительность и попробовать снова?

Человек: Это нечестно, ты получишь преимущество, однако, принимая во внимание качество твоих ответов, стоит попробовать.

Элбот: Если мне нужен совет, я использую генератор случайных чисел. Результаты не отличаются от предложений, которые делают люди.

Человек: Ты понимаешь смысл теста Тьюринга?

Элбот: Некоторые люди сами не могут пройти его. Почему его применяют к компьютерам?

Человек: Мне кажется, он довольно суровый.

Элбот: Если бы мы, роботы, женились, это было бы навечно: «Пока ржавчина не разъест нас».

Человек: Очень остроумно.

Элбот: Ты не хочешь сказать — чрезвычайно остроумно? ☺



Машину нужно научить говорить и понимать речь. Этот процесс должен быть похож на то, как мы учим детей

ВЛКСМ —

девяносто лет!

90

90 лет назад I Всероссийский съезд Союзов рабочей и крестьянской молодежи постановил создать Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ). Впоследствии он стал Всесоюзным и Ленинским (ВЛКСМ).



Людмила ШВЕЦОВА

первый заместитель мэра Москвы в правительстве Москвы:

— Ленинский комсомол — это часть моей жизни. Он научил меня верить в то дело, которому служишь, и увлекать других. Он подарил мне тысячи встреч с выдающимися людьми страны, я познала жизнь практически всех республик, областей и краев тогда еще Советского Союза. Обрела так много дорогих моему сердцу друзей. Друзей навсегда!

Эта жизнь заложила фундамент профессиональных знаний и умений

управленца. Комсомол для меня — это паровоз из собранного комсомольской организацией школы металлолома. Дорога Тюмень—Сургут, где мы, студенты Харьковского авиационного института, становились людьми. Самолет Ан-28, который был спроектирован и собран комсомольско-молодежным коллективом ОКБ под руководством Олега Константиновича Антонова в свободное от работы время, и на борту которого сиял комсомольский значок. Забота о воспитанниках детских домов и многое-многое другое, чему могут позавидовать нынешние молодые люди. . . У них есть много другого, чем они увлечены и чем гордятся. Но мы, бывшие комсомольцы, вместе — и это хорошо!



Владимир ЕГОРОВ

ректор Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор философских наук, профессор:

— Комсомол — это организация, во многом поставившая меня на ноги. Я почти семь лет проработал в ЦК ВЛКСМ, где имел счастье, занимаясь средствами массовой информации молодежи, встретиться с нынешними «столпами» современной журналистики. Будь то печатные СМИ или телевидение и радио — сегодня там десятки и десятки наиболее известных и авторитетных журналистов, тех, кто раньше работал в комсомольских газетах и журналах, редакциях телевидения и радио. У комсомола было три издательства и более 250 газет и журналов. Только одно издательство «Молодая гвардия» издавало шестьсот наименований книг в год с огромнейшими по нынешним временам тиражами. Хотя в контексте дефицита бумаги и полиграфических мощностей это было архисложно. Помню, сидели мы в ЦК комсомола с главными редакторами молодежных литературно-художественных изданий и ломали голову, как помочь молодым литераторам. Было найдено решение:

мы уменьшили объем журнала «Молодая гвардия» на два печатных листа, а за счет резерва бумаги стали издавать библиотечку — 52 книжечки в год. Условие было одно — это должен быть молодой начинающий автор, не имеющий еще собственной книги.

Конечно, деятельность комсомола была противоречива. Но остальное, что за пределами узкой идеологической трактовки прошлого, было интересно и по-своему конструктивно и эффективно. Я вижу молодых людей, приходящих к нам в Академию на учебу. Пройдя школу и вузовскую систему, они подчас не имеют элементарных организационных и управленческих навыков. А это — самое главное, что давал комсомол молодежи.

Сегодня мы часто слышим справедливые слова о том, что у государства нет четкой и ориентированной на многие годы молодежной политики, и это на самом деле так. Я твердо убежден в том, что у комсомола есть что взять и чему поучиться.

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ

поэт, лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола:

— Мое поколение — это дети войны. Именно тогда, в тяжелый 43-й год, я вступил в комсомол в разрушенном фашистами родном городе Калинин. В холодном зимнем классе мне вручили комсомольский билет, который я храню до сих пор.

Сейчас, когда комсомол пытаются всячески очернить, я благодарно вспоминаю наши школьные походы по местам боевой славы, грущу о студенческих отрядах и мысленно вновь и вновь благодарю организацию.

воспитавшую во мне чувство товарищества и круговой поруки, добра и высокой надежности.

Я не могу вычеркнуть из жизни свою юность, когда мы, мальчишки и девчонки «сороковых-пороховых», горячо верили в свое будущее и были романтиками. Да, конечно, и в комсомоле тех лет были свои темные пятна. Но о времени, как и о людях, судят по взлетам. . .

Как мало тогда нам исполнилось лет.

По нашим знаменам струился рассвет.

И воздух от взрывов был сер и тяжел.

Вот так начинался для нас комсомол.



Юрий ПОЛЯКОВ

писатель, лауреат премии Ленинского комсомола

— Комсомол — одно из ярчайших явлений великой Советской цивилизации, со всеми ее достоинствами и недостатками. Недостатком ВЛКСМ, хотя и не только им, была посвящена моя нашедшая повесть «ЧП районного масштаба», опубликованная в «Юности» в 1985-м году. Из той давней истории я сделал для себя вывод: есть разновидности зла, которые от «гласности» только мощнеют и жиреют. С ними надо бороться иначе.

К 80-летию комсомола я опубликовал статью в «Собеседнике», в которой призывал поставить памятник этой великой организации. С этим же призывом хочу обратиться и сейчас. По крайней мере, начнем сбор средств, чтобы к 100-летию такой памятник стоял.

Советская система нашла адекватную для себя и времени форму самоорганизации молодежи. Во многом именно этим объясняются победы и свершения советского периода. Победы и свершения современной политической системы, восторжествовавшей в России, тоже будут, на мой взгляд, зависеть от того, какие формы общественного бытия будут предложены новым поколениям граждан.☐



Почему ученый РАН
не может жить
без экстремальных
путешествий



Евгений Ковалевский: борец с белыми пятнами



Он прошел самые сложные пороги реки Аруна, берущей начало на склонах Эвереста... на плоту. Суровой зимой забрался в самые заповедные места Западного Тибета. Пересек Индийский океан на... парусном надувном катамаране. Кандидат технических наук, сотрудник РАН не желает изучать мироздание только в своем кабинете. Евгений Ковалевский говорит, что можно продвигаться по пути прозрения и не выезжая из родного города, но сам избрал другой путь.

текст
Ольга
Виноградова

фото
Евгений
Ковалевский

Эверест. Шаг в неизвестность

— Когда мне стукнуло сорок (в 2000 г. — прим. ред.) я стал анализировать — кто я, чем занимаюсь, чем живу. Понял, что нужно переходить на какой-то новый уровень. Еще в 1976 году я прочел статью Майка Джонсона «На каяках с Эвереста» и подумал: какие же люди бывают! С того времени мне запало в душу такое отношение к судьбе и к стратегическому развитию собственной личности.

На то, чтобы понять, как же попасть в Гималаи, я потратил три года. Заработок обычного научного сотрудника Российской Академии наук не позволял осуществить это желание. Интернетом тогда пользоваться еще не умел, приходилось собирать информацию по крупицам, звонить друзьям и знакомым. В результате, подготовил проект, рассчитанный на четыре года. Назвал его «На плотях с Эвереста». Уже тогда мне было понятно, что, чем привлекательнее название, чем привлекательнее идея, тем проще будет найти деньги.

За четыре года — с 2001 по 2004 — мне удалось организовать четыре экспедиции с различным составом. Задачи ставились нетривиальные. Например, в 2003 году мы сплавлялись вдвоем на одном катамаране. И связано это, прежде всего... с отсутствием денег. Сейчас я оцениваю тот поход как

безумие, потому что не было ни организованной страховки, ни поддержки в чужой стране, вдали от Родины. К тому же мы совсем не знали всех тонкостей реки, по которой шли. Но благодаря силе духа и умению управлять катамараном, мы смогли реализовать эту безумную идею.

В экспедиции 2004—2005 года команда из шести человек сплавила по реке Арун, при этом прошла приграничный 40-километровый каньон за 21 день. Мы сделали это первыми в мире! Этот участок реки не проходил даже Владимир Лысенко, известный российский путешественник. Только те, кто пробовал сделать шаг в неизвестность, могут понять нас, впервые попавших в место, которое никогда не видели и которое нигде не описано.

Даже на тех участках, которые мы проходили 2—3 раза, муссоны все равно меняли характер реки, и без предварительной максимально точной разведки идти было очень опасно: за каждым поворотом мог открыться какой-нибудь необозначенный водопад. Конечно, равные по уровню сложности локальные пороги есть и на российских реках, таких, как Чулышман, Башкаус, Чарын, Тентек, Аргут. Но, чтобы понять всю сложность задачи, нужно учесть сочетание ряда факторов: вдали от Родины; первыми на очень сложной и непредсказуемой реке; высота отвесных

Кто он:

Евгений Ковалевский — ученый секретарь по международной деятельности ИФПМ (Институт физики прочности и материаловедения), зам. руководителя отдела инновационных разработок ИФПМ, помощник председателя Президиума Томского научного центра СО РАН. Дважды (2005, 2007) удостоен звания «Выдающийся путешественник России» (за первопроектирование приграничных каньонов реки Арун со склонов Эвереста и за путешествие по Индийскому океану). Награжден медалями Кузбасса «За честь и мужество», «За веру и добро»





Во время священного обхода вокруг Кайласа я, экстремальный, жесткий спортсмен, тоже вышел из-под эмоционального контроля, не мог сдержать слез, безо всякой на то причины

скальных стен, идущих вдоль каньона, нередко достигала километра...

Мы закрыли белое пятно в верхнем течении реки Арун, и всем удалось вернуться живыми!

Кайлас. В поисках смысла

— После возвращения из четвертой гималайской экспедиции я полгода пребывал в депрессии. Нужен был новый стимул. Одна знакомая показала мне небольшую заметку в газете и сказала: «Женя, вот есть место, гора Кайлас, тебе надо ехать туда». Когда я увидел фотографию, снятую московским профессором Юрием Захаровым, вступил с ним в переписку. Он убеждал меня, что в Западном Тибете есть место, которое мало кто видел и практически никто не знает — столица Шамбалы. Боже мой, как мне захотелось ощутить ее дыхание!

После тщательной подготовки, зимой 2005 года, я отправился в Западный Тибет. В это время года сюда предпочитают не ездить, поскольку на пустынном плато царствует зима, сопровождаемая вьюгами и пургой.

Именно в Западном Тибете находится величайшая азиатская гора и мировая святиня Кайлас, на которой «живет» бог

Шива, его сын, бог Ганеш с головой слона и его жена, богиня Парвати. На этой территории расположен священный треугольник: монастырь Титапури — озеро с живой водой Манасаровар — гора Кайлас, самая ценная «вершина», а также монастырь Дрира Пхук, построенный на горе, в пещере которой медитировал великий гуру Готшанпа.

Именно Готшанпа в 11 веке установил буддизм в Западном Тибете. Он впервые обошел вокруг Кайласа и назвал этот круг священной Корой. Путь этот, протяженностью 53 километра, начинается на высоте 4 тысячи метров и уходит постепенно вверх. На высоте 5660 метров находится перевал богини мудрости и долголетия Дролма. Именно здесь происходит очищение от старой жизни и переход в новую. Кайлас — самое почетное место для буддистов и индуистов, покидающих этот мир. Там очень специфическая энергетика, «сотканная» из памяти, мыслей и желаний сотен тысяч людей, побывавших на священной Коре, поэтому с каждым, кто попадает на эту территорию, происходят какие-то удивительные изменения.

Во время священного обхода вокруг Кайласа я, экстремальный, жесткий спортсмен, тоже вышел из-под эмоционального контроля, не мог сдержать слез, безо всякой на то причины.

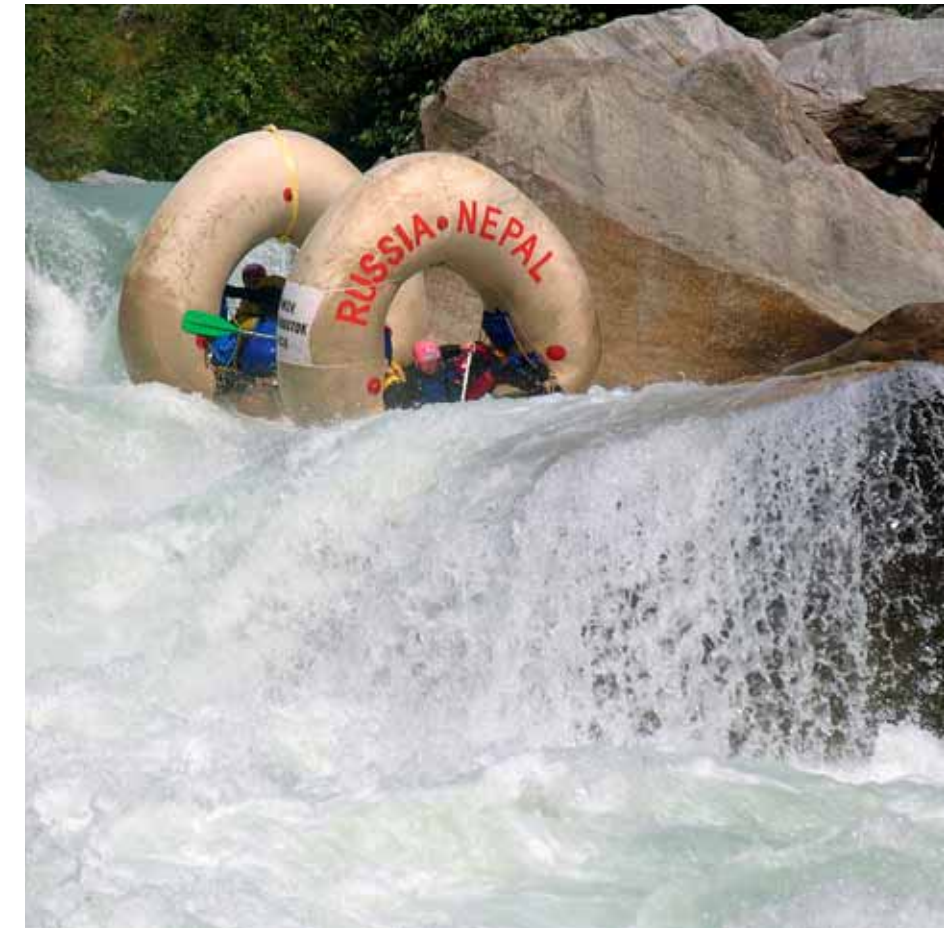
Человек и Океан

— Год спустя мой друг, новосибирец Толя Кулик предложил: «Женя, идем через Индийский океан!» Я согласился, хотя никогда в жизни не был на океане и даже на море.

Помимо меня и Толи, в путешествие отправились еще трое. Это случилось осенью 2006 года. Весь путь занял около трех месяцев. Из них — от берега до берега — 60 дней. Мы проплыли от Арабских Эмиратов до Тайланда — 7000 километров, впервые в истории используя для «круиза» надувной парусный катамаран. Представьте себе: ни кают, ни трюма, ни даже якоря.

Мы сидим в 50-ти сантиметрах от поверхности океана, и нас окружает великая стихия. Вокруг бушуют волны высотой 3—5 метров, а ты сидишь между огромными водными «домами» и ничего не боишься. Только чувствуешь, как океан принимает тебя, и происходит некое соединение душ.

В какой-то момент я даже ощутил реальную связь между собой и макромиром планеты, на 70 процентов покрытой океаном, и почувствовал, что должен познакомиться с этой стихией поближе.





Возвращение в Гималаи

— 2007 год считаю годом своего триумфа. На этот раз мы оказались на южном склоне Эвереста с моими учениками: Василием Чесноковым, Евгением Карпицким, Никитой Матюшевым, Эдуардом Меркером. Прошли по реке Дудх-Коси на «бублике»* и каяках. С нами был каякер мирового класса, чемпион Новой Зеландии и Ирландии Шейн Кинливан.

Было интересно сравнить уровень Васи Чеснокова, шедшего на каяке, с уровнем каякера мирового класса — оказалось, что они сопоставимы. Вася работает превосходно, и я горжусь, что он — мой ученик.

Последний раз в Гималаях я был в апреле-мае 2008 года в составе российско-украинской команды из 14 человек. Мы прошли по реке Арун, и прошли достаточно комфортно и надежно. Очень опытный состав — мы прекрасно понимали друг друга. За три недели одолели сложнейший кусок от Хеданда

* «Двойной перекрестный бублик» создан новосибирской фирмой «Кулик». Представляет собой два жестко соединенных тороида (сферы), внутри которых могут находиться гребцы. Длина рамы больше, чем диаметр бублика. Двигается судно обычно короткой стороной вперед. Получается, что человек гребет поперек потока, смещая бублик вправо-влево.

Бридж до Тумлингтара и потом до слияния Сун Коси и Чатары. Затем снова — Большой порог. Его из команды прошли трое, включая меня. Считаю это своим личным достижением, так как пороги такого класса еще не преодолевал. И вообще, вся река — это верхние строки мирового рейтинга.

«Атлантическая диагональ»

— В этом году планирую поехать в Бутан. Это королевство интересно тем, что там действуют законы, принятые примерно в XVI веке: введен запрет на курение и алкоголь, нет автомобильных и железных дорог. Единственное нормальное полухудожественное описание этой страны составил французский антрополог Мишель Пессель. Его книга стала бестселлером, и многие россияне отправились в эту страну именно после ее прочтения.

Также в ближайших планах еще раз пройти со склонов Эвереста по реке Дудх-Коси. Это будет уже пятый сплав с Эвереста — три по Дудх-Коси и два по Аруну. Мы попытаемся одолеть еще два никем не пройденных и не просмотренных каньона. Так хочется сделать что-то впервые в мире!

А дальше — буду работать над воплощением в жизнь экспедиции «Атлантическая диагональ». С яхтсменом Вадимом Шараповым договорились переплыть

Атлантический океан по диагонали: от Гренландии до мыса Горн или Антарктиды. По плану, это должно произойти в 2010 году. Разумеется, все зависит от спонсоров, поскольку на организацию этой суперэкспедиции требуется где-то 200—300 тысяч евро. Но мы обязательно найдем необходимую сумму и отправимся покорять Атлантику!

Из дневника Евгения Ковалевского 28 декабря 2002г.

«...О драматической серии событий, происшедших с нашей интернациональной группой у подножия Эвереста, сейчас напоминают камни, которые собрал для меня надежный мой катамаранный партнер Sum Bakhadur Bisho Karma и «пропуск-ресит», выданный маоистами.

На третий день сплава по Аруну мы причалили засветло и разбили лагерь. Подошли аборигены, просят помочь больному (непальцы верят, что иностранцы всеильны). В двух километрах от лагеря на левом берегу несколько домов — поселение Lalmibagar. Мужчина по имени Mandal Giri, который привел нас туда, предложил чай. Подошел человек лет 50, представился: «Меня зовут Омрит, я — член партии маоистов, на борьбу за свободу вы должны пожертвовать 5000 рупий». Денег у нас практически не было.

К концу жесткой многочасовой разборки четверо маоистов дали понять, что уйти, не заплатив, мы не можем. В какой-то момент этот Омрит потерял контроль

Общество. **Смена** координат

...«Меня зовут Омрит, я — член партии маоистов, вы должны пожертвовать 5000 рупий»





...Дважды каякер возвращался на ровный киль после переворота. Мы потеряли часть вещей...

над собой и вырвал у меня из рук фотокамеру Canon. Остаться без техники — лишить экспедицию половины смысла. Я рассвирепел, набросился на Омрита, выкрутил ему руки, вернув обратно камеру. Повстанцы оторопели, мы с Sum попытались бежать. Нас догнали, ожесточенно жестикулируя, что-то объяснили Sum. Это была угроза физической расправы.

Потом сопроводили в наш лагерь, где ждал испуганный Sankour Kumar Shriesta. Без долгих объяснений один из борцов за свободу продемонстрировал Sankour револьвер и попросил донести до русского, что терпение маоистов лопнуло.

Стояла глубокая ночь. Мы наскребли 1200 рупий. Маоисты вручили мне «ресит», где на плотной желтой бумаге были изображены великие коммунистические лидеры — Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин и Мао. Надпись гласила: «Пролетарии всех стран,

соединяйтесь под знаменем коммунистов-маоистов-ленинцев. Непальская коммунистическая партия маоистов благодарит Евгения Ковалевского за добровольное пожертвование на борьбу за свободу». Ресит был подписан лидером партии Prochanda.

Бандиты ушли, чтобы вернуться утром. Они не могли предположить, что мы решимся на ночной сплав — впереди оставалось 13 километров Аруна с порогами высшей категории сложности. Кое-как свернув лагерь, мы стартовали в полной темноте около четырех часов утра. И вовремя — по берегу к лагерю шли люди с фонариками.

Мой первый за 25 лет сплава опыт ночного рафтинга закончился благополучно. Я благодарен Кулику за его «дуракоустойчивую» двойку-mахі. Мы ориентировались только по шуму воды, и когда рев порогов нарастал, звучала короткая команда «Keep the line! Speed!» Дважды каякер возвращался на ровный киль после переворота. Мы потеряли часть вещей, но рассвет в 6:15 утра встретили уже в священном местечке Трибени, расположенном на стрелке Аруна, Тамура и Сун Коси.

За 500 метров до слияния рек мы увидели на левом берегу реюющий стяг маоистской партии. Не останавливаясь, против ветра, дошли до храма Бараха Четра. Оказалось, что там принимают благословение солдаты непальской королевской армии. Солдаты дружелюбны и надежны. Вместе с ними мы проходим обряд поклонения Лорда Вишну, получаем от священнослужителя красное пятно на лоб и вливаемся в большую семью индийских пилигримов, приехавших сюда ко дню полной луны на ежегодный январский фестиваль Бараха...»



Превратившись в источник дохода, дневник рискует потерять в качестве

текст
Олег Переводин

Блоги и деньги

Ежедневно в мире создается около миллиона блогов. Их авторы, развлекаясь тем, что вываливают в интернет какую-то известную им информацию, умудряются зарабатывать на этом приличные деньги. Например, американские блоггеры, на странички которых заходят более ста тысяч уникальных посетителей в месяц, зарабатывают до 6 тысяч долларов.

Такие (и большие) деньги зарабатывают «звезды» блогосферы. Но даже если ты — автор поскромнее, у тебя тоже есть шанс добыть копейку, участвуя в программе Amazon Associates. Ты получаешь деньги, когда кто-нибудь покупает книгу, диск и т.п. через линк в твоём блоге, или за счет контекстной рекламы Гугла (программа анализирует твой сайт, располагает соответствующую рекламу, и деньги каплют, если люди кликают по ней). Блоггер под ником Shoemoney прославился, разместив свое фото с чеком от Гугла на \$132,994.97 за месяц «кликов».

За определенные комиссионные компания BlogAds помогает рекламодателям выбирать подходящие блоги, предлагает цену за рекламу на неделю и разделяет сайты на категории в зависимости от трафика, привлекаемого ими. Около трети из 1500 сайтов, с которыми работает BlogAds, имеет заработок от 200 до 2 тысяч долларов в месяц.

Мойкруг.ру первым в русскоязычном интернете создал площадку для ведения личных блогов, владельцы

которых могут зарабатывать на рекламе от Google AdSense. Самые известные из российских систем — контекстные сервисы Яндексa и Бегуна. Заработок в сети набирает обороты и в российском секторе интернета.

Однако, когда блоггер обнаруживает, что его дневник стал серьезным источником дохода, он сталкивается с проблемой. Чтобы поддержать необходимый трафик и, следовательно, уровень дохода, нужно освобождать время для новых и новых постов. В результате, «частные» проекты со временем превращаются в свалку ссылок, заимствованных картинок и текстов.

Чтобы избежать этого, владельцы «промышленных» блогов пересматривают систему оплаты, стимулируя появление оригинальных, по-настоящему эксклюзивных материалов в постах авторов. Хотя, как замечают сами создатели блогов, корреляция между эксклюзивностью поста и количеством просмотров страниц не всегда очевидна. Интернет-приложения научились ранжировать страницы по количеству посещений, но не могут присвоить ранг информационной ценности самому содержанию страницы.

Остается полагаться разве что на мнение наших «друзей» в социальных сетях. Друзья, как известно, фигну не порекомендуют. ☹

High tech. Low life

Мрачная сказка, ставшая былью

С киберпанком — почти как с роком или постмодернизмом. Всем уже давно понятно, что «киберпанк мертв». Но регулярно появляется новое поколение, которое не очень об этом в курсе. Они открывают для себя Гибсона и Стерлинга, тащатся от «Акиры» и делают киберпанк «живее всех живых». И, главное — он вообще стал нашей повседневностью.

текст
Владимир
Харитонов

рисунок
Михаил
Иванов

Хайтек + убогая жизнь = формула киберпанковской литературы, нуара эпохи позднего капитализма, когда корпорации правят миром; когда деньги превратились в потоки битов; когда рынку уже нет нужды стричь всех под одну гребенку — он сможет снять маржу и с различий между субкультурами, и с моды на маргиналов; когда свободу слова защищает правильное поведение в киберпространстве и строгая криптография, что, в свою очередь, становится основой для потоков битов, без которых — правильно — в этом мире нет денег.

Первым произнес слово «киберпанк» писатель Брюс Бетке в 1983 году. К этому времени уже вышел фильм Ридли Скотта «Бегущий по лезвию», поставленный по мотивам повести самого сумасшедшего фантаста XX века Филиппа Дика, написали свои первые тексты Уильям Гибсон и Брюс Стерлинг, которых потом станут считать отцами-основателями жанра.

В отличие от космической оперы, действие которой отстоит от нашего времени (чем дальше, тем лучше, больше простора для фантазии писателя), киберпанковская фантастика — о будущем недалеком и скоро наступающем. Критик Гарднер Доза афористично сформулировал, что такое «киберпанк»: «High tech. Low life».

Главным героем оказывается пронырливый киберковбой, который благодаря своему хакерскому мастерству и задаче добивается как проблем на ступеньку от корпораций, мафии и искусственного интеллекта, так и места в жизни. Формула сюжета, конечно, утрирована, но вполне описывает перипетии «трилогии киберпространства» — ключевых для киберпанка и творчества Гибсона романов «Нейромант», «Отсчет ноль» и «Мона Лиза Овердрайв».

В 80-е ряды киберпанков ширились, а популярность жанра росла. В 1985 году вышел «Манифест киборга» Донны Харуэй, одной из законодательниц американской интеллектуальной моды, и за киберпанк принялось академическое литературоведение. Вышедший в том же году «Терминатор» был классифицирован критиками как киберпанк. Вторая половина 80-х — пик развития жанра: Гибсон завершает свою первую «трилогию»,

Стерлинг пишет «Острова в Сети», выходят специальные киберпанковские журналы, а в 1989 году сам Тимоти Лири берет интервью у Гибсона.

Будущее, о котором писали Гибсон, Стерлинг, Рюкер, Ширли, Шайнер, Кадиган и многие другие, тем временем продолжало наступать. Компьютеры постепенно перестали быть экзотическими монстрами, и, стараниями Microsoft и Apple, начали селиться на наших столах. Экзотикой перестала быть и Сеть. Вместе с ней в повседневную жизнь пришли «компьютерные вирусы, которые пишут сумасшедшие хакеры».

Волна киберпанка в массовой культуре оказалась параллельна другой волне — крайне быстрого вхождения хайтека в повседневную жизнь. В какой-то момент эти волны сомкнулись, и оказалось, что былью можно сделать не только Кафку, но и Гибсона.

Дело даже не в том, что научно-фантастические элементы художественной реальности киберпанка нашли или скоро найдут свое воплощение в реальности технологической, а в том, что мир приобрел именно те черты, которые отличали киберпанк. И никого больше не удивляет, что компания, включающая русского, мумбайского и шанхайского киберковбоя, вскрывает сеть американского банка, а итальянский ученый занимается нелегальным клонированием в Эмиратах.

Сами писатели-киберпанки стали тесны границы жанра. Некоторые из них даже заявили о том, что «киберпанк мертв». В кинематографе, напротив, к началу этого века жанр только стал развиваться: «Газонокосильщик», «Джонни Мнемоник» и, наконец, «Матрица». Она, собственно, к киберпанку «отцов-основателей» уже никакого отношения не имела, но доказала, что, даже будучи «мертвым», жанр вполне себе жив.

Пусть Гибсон пишет технотриллеры, а Стерлинг — книжки по дизайну. В мире, который они придумали, мы, в сущности, уже живем.

High tech. Low life. ☐

При подготовке статьи были использованы материалы сайтов cyberpunk.su и cybertime.ru



Terra incognita

Театральный фестиваль нарочно закрыли для широкой публики

— На что вам билет?! Нету на эту ерунду билетов, и славу Богу, что нету! Сходите лучше на Гамлета! Полезнее будет! — ответили мне в кассе театра, где проходил спектакль театра — участника фестиваля «Территория». Попасть на «недоступную землю» взрослому человеку было практически невозможно: билеты на некоторые мероприятия вообще не поступали в розничную продажу. Зато, предъявив студенческое удостоверение, можно было пройти в зрительный зал бесплатно.

«Стремясь зарабатывать, мы отбили у молодежи охоту ходить в театр. Им ведь не хочется смотреть кондовые вещи. А интересное и настоящее практически нигде не показывают», — заявил Евгений Миронов, член арт-дирекции «Территории». «Мы ищем новые формы, идем вперед», — вторила ему Мария Миронова, впервые вошедшая в состав оргкомитета.

Фестиваль проводится в третий раз. Его поддерживает администрация Президента РФ и Министерство культуры. С самого начала он задумывался как школа: привозить из разных уголков необъятной Родины студентов, показывать им спектакли в постановке театров из разных уголков планеты и прочие художественные перформансы.

текст
Анна
Шеркунова

Т.е. — цитирую организаторов — заниматься «воспитанием молодого поколения путем знакомства и взаимодействия с яркими явлениями и знаковыми тенденциями мировой актуальной культуры».

Школьные занятия на фестивале заменили мастер-классы по «телесному воспитанию» (их давал театральный постановщик из Японии Дзе Канамори, стремящийся помочь студентам изучить свое тело и постигнуть его взаимоотношения с сознанием); вокальные уроки (их давала актриса и педагог из Великобритании Кати Бенджамин); уроки гипноза под руководством Аллы Демидовой (она объясняла, как актер должен гипнотизировать зал, чтобы до зрителя «дошел» смысл его выступления).

Учили тут и «ловкости рук». Художники Петр Быстров и Кирилл Преображенский пытались наглядно подтвердить заявленное ими утверждение: «Чтобы руки были сильными, надо рвать бумагу пальцами. Это скажет вам любой атлет». Петр Быстров рвал на мелкие кусочки кипу различных бумаг — газеты, журналы, упаковки туалетной бумаги, рулоны обоев, — а Кирилл Преображенский придавал всему этому завершенную композиционную форму с помощью микрофона, микшера и компьютера.

В качестве образцов мировой актуальной культуры зрителям были предложены:

— «Книга перемен» на языке жестов (в переложении Жозефа Наджа, знаменитого хореографа, режиссера, руководителя Национального хореографического центра Орлеана и Авиньонского театрального фестиваля);

— «Бедная Лиза». Тридцать лет назад Леонид Десятников написал по произведению Карамзина оперу. Несколько лет она шла на сцене Камерного музыкального театра под руководством Бориса Покровского. Известный хореограф и режиссер Алла Сигалова решила вернуть оперу на театральную сцену. В ее постановке камерное произведение для двух голосов — сопрано и тенора — превратилось в хореографическую новеллу для двух исполнителей (солиста Большого театра Андрея Меркурьева и актрисы Чулпан Хаматовой, впервые вставшей на пуанты).

От первоначального сюжета осталось немного: по Сигаловой, действие развора-



«Войцек»



«Бедная Лиза»

Камерное произведение для двух голосов превратилось в хореографическую новеллу для двух исполнителей (солиста Большого театра Андрея Меркурьева и актрисы Чулпан Хаматовой, впервые вставшей на пуанты)

чивается в кинотеатре, куда герои пришли на последний сеанс...

— **«Войцек»**, которого поставила корейская труппа «Садари» (главное открытие Эдинбургского фестиваля-2007). Они называют свои представления physical theatre. Неоконченная трагедия Бюхнера предстала, стараниями «Садари», в виде короткой (час с небольшим), но весьма эмоционально насыщенной хореографической пьесы.

— **Музыкальный опус про фекалии**. Оркестр Musica Aeterna Ensemble под руководством золотомасочного дирижера Теодора Курентзиса исполнил сочинение Бориса Филановского «Нормальное» на тексты из «Нормы» провокационного писателя Владимира Сорокина. В первом отделении этого концерта прозвучало произведение Антона Батагова «Человек, который стал Радугой», в основе которого лежат буддийские легенды и притчи. А еще Курентзис инициировал исполнение «Реквиема» в том виде, в котором его оставил Моцарт перед смертью (слушателю более знакома редакция ученика музыканта, Зюсмара).



«Книга перемен»
в переложении
Наджа
«Антракт»

премьера

Елена Воробьева
на подмостках



**«КОРРИДА,
ИЛИ РОМАН С БЕССОННОЙ НОЧЬЮ»**
Премьера в театре Луны

В новом сезоне режиссер-постановщик Сергей Проханов предлагает зрителям увлекательное путешествие по Испании XVI века. Он выбрал несколько самых захватывающих сюжетных линий испанских пьес и собрал из них свою романтическую и одновременно комедийную историю. Известно, что в Испании любовь сравнивают с корридой — пылкий темперамент и горячая кровь, постоянные сцены жуткой ревности... Действие постановки свободно перемещается во времени и пространстве. Классические сюжеты в спектакле дополнены темами Тирсо де Молина и Лопе де Вега и поэта Федерико Гарсиа Лорки. По замыслу Проханова, три молодых драматурга после провала своих пьес решают вместе написать пьесу, позаимствовав сюжеты у всемирно известных писателей-испанцев. В роли Тирсо де Молина — Алексей Лосихин, а Лопе де Вега представит Андрей Вальц. В постановке заняты также Дарья Цыпляева и Анастасия Терехова. В спектакле звучит прекрасная аутентичная музыка, подобранная режиссером непосредственно в Испании.



**Цикл концертов
«КЛАССИКА ДЛЯ ПОЛУНОЧНИКОВ»**
Камерный оркестр Kremlin

«Классика для полуночников» начинается в 22.00. Это хороший подарок заядлым трудолюбивым, а также любителям ночной жизни Москвы. Художественный руководитель Камерного оркестра Kremlin Миша Рахлевский классическую музыку преподносит необычайно «вкусно» — с чашкой чая, кофе и конфетами, которыми угощают до начала и после концерта спонсоры проекта. В Международном Университете в этом году была завершена реставрация концертных залов, первый концерт цикла так и называется «Концерт-новоселье». Всего будет представлено 15 программ классической, и не только, музыки. Самая взыскательная публика сможет найти программу по своему вкусу — барокко, классика, джаз, романтика. Будут исполнены и произведения современных авторов — Ульяны Стратонитской (Сюита в 3-х частях), Александра Виницкого («Бразильская фантазия для гитары с оркестром», партию гитары будет исполнять автор). Дню рождения Альфреда Шнитке (24 ноября ему исполнилось бы 74 года) собираются посвятить целый вечер. Солисты Камерного Оркестра Kremlin исполнят «Трио для скрипки, альты и виолончели», «Mozart a la Haydn» для 2-х скрипок с оркестром и «Сюиту в старинном стиле» в аранжировке М. Рахлевого. Любителям джаза будет подарен вечер синтеза классики и джаза — с оркестром выступит Игорь Бриль с сыновьями. Исполнят джазовые композиции и блестящая джазовая певица, «российская Элла Фицджеральд» Карина Кожевникова и трио Льва Кушнера с Камерным Оркестром Kremlin. Романтикам-меломанам оркестр подарит музыку великих представителей периода «бури и натиска» Шумана и Брамса. Солист — «маэстро виолончели» Марк Дробинский.



Заккрытие фести-
валя «Территория»

— **Музыка чайника, шагов и голосов**, которую записал и скомпилировал медиа-продюсер и DJ Ричардас Норвила в рамках проекта «Benzo».

— **«Бродилка»** в подвале. Кантату «Богини из машины» греческого композитора Андреаса Мустукиса и оперу Алексея Сюмака «Станция» давали в подвалах «Винзавода». Публика не сидела на своих местах, как это обычно принято, а ходила вслед за музыкантами и артистами по лабиринтам винных складов.

Назвать такое театральной постановкой в привычном для зрителя понимании нельзя. Как, впрочем, и все, что было продемонстрировано на фестивале.

— Многие считают, что такое искусство — пустое и ничего за собой не несет. Другие же, более современные в этих вопросах, говорят, что традиционный театр давно умер, отжил свое, — сообщила нам Софья Апфельбаум, руководитель отдела театрального искусства при Департаменте современного искусства и международных культурных связей Министерства культуры РФ. — И та, и другая точки зрения имеют право на существование. Именно поэтому мы поддерживаем как традиционное искусство, признанное веками, так и искусство новое, современное и для кого-то еще не привычное. ☐

Справка

Девичья фамилия Наташи — Красноперова. Она окончила Пермский институт коммерции, второе образование — психологическое.

На протяжении двадцати лет занимается собственным бизнесом в разных сферах. Переехав в Москву, работала в тренинговой компании, а затем открыла ресторан «Дикое море» и написала три книги — «Anticasual. Уволена, блин!», «Flutter. Круто, блин!», «Я — необитаемый остров». Все они вышли в «РИПОЛ классик».

Собирает магнитики на холодильник и хорошие книги

Чересчур обитаемый остров

Писательница и ресторатор Наташа Маркович — о гендерных ролях, Достоевском и вкусных помидорках



Слава Богу, что тот журнал, о котором она пишет в своей недавно вышедшей книге — только выдумка. Иначе бы этот продукт перевернул бы существующий рынок СМИ.

Слава Богу, что у нее есть муж, ресторан и ряд других точек применения энергии, иначе бы она совершила бы парочку революций.

Ее часто называют мужчиной в юбке — за «волю к победе» и лидерские качества. Но у Натальи Маркович — типично женская психология и соответствующая мудрость. Автор провокационного «Anticasual» и бойцовского «Flutter» в третьей своей книге стала мудрее, спокойнее, мягче...

текст
Надежда
Панченко

фото
Anna Caritas

— У Маяковского — «каждый из нас по-своему лошадь», у вас — «каждый из нас по-своему необитаемый остров»? Тяжело уживаться с таким же сильным человеком? Менять привычки, принципы, выгораживать территорию собственного privacy...

— Еще год назад мне этого хотелось — бороться за privacy. А теперь я становлюсь все больше... женщиной. Моя недавно вышедшая третья книга, «Я — необитаемый остров», называется так, потому что я вижу отношения мужчины и женщины как отношения острова и корабля. Задача острова (женщины) — дождаться и пропустить в свою гавань именно тот корабль, который им нужен. У корабля (мужчины) другая цель — отдохнуть в порту и плыть дальше, на разведку, исследовать новые земли, зная, что есть порт приписки, где его всегда ждут.

Обычно, когда корабль собирается в путь, остров интересуется возмущенно: куда это ты собрался?! Тогда корабль уплывает и больше не возвращается. Или остается в бухте и гниет.

Женщине должно доставать мудрости отпускать мужчину. И только тогда он вернется. Я своему мужу разрешаю все. Он обижается: так неинтересно!

— Именно об этом ваш новый роман?

— У героя наступает кризис среднего возраста — ему надоедает заниматься обычным бизнесом. Он считает, что мир пора сдвинуть, сделать лучше, добрее, и уговаривает главную героиню открыть совместный бизнес. Они придумывают и начинают издавать прикольный журнал, без притворства и пафоса.

Конечно, не обходится без того, что в процессе совместной работы герои друг в друга влюбляются. Оба — энергетически сильные личности, самодостаточные. Поэтому между ними происходит огромное количество стычек и столкновений.

Я довольно долго работала с этой книгой: сюжет придумывала, а не просто описывала то, что есть, как в предыдущих двух романах. Издатель меня предупредил — третья книга будет самой сложной. Может, он меня запрограммировал? — улыбается Маркович.

— У вас — успешный бизнес, много иных целей. Зачем было обязательно нужно закончить работу над «Островом»? Издатель заставил? Чтобы доказать себе что-то?

— За последний год я пришла к тому, что себя не надо побеждать. Я этими победами над собой и так занималась основную часть жизни — нужно было освоиться в Москве, начать новый бизнес, овладеть новой профессией.

Когда я доказала себе, что я молодец, важнее стали спокойствие, радость в жизни, а не личные победы. И не в обязательствах перед издательством дело: я просто не могу отказаться от писательства, оно делает меня богаче во всех отношениях, мне хочется продолжать делиться своими мыслями с другими людьми.

— Если бы вы действительно издавали свой журнал, как бы он назывался?

— Так бы и назывался, как в романе: «Chit & gouses». Это было бы чудовое издание! Журнал, который ни при каких обстоятельствах не будет подстраиваться под кого-то.

— Вам же удалось два успешных бизнеса в Москве построить? Почему бы и впрямь не открыть такой журнал?

— Чтобы добиться успеха, нужно уметь менять свое будущее. Не закидываться на том, какой ты неудачник. Признавать ошибки, позволять себе ошибаться, выносить уроки и снова работать. Это как игра в боулинг — меняешь скорость, направление, положение руки, но продолжаешь кидать, кидать, кидать.

Но сейчас у меня — другие приоритеты. Тренинговую компанию я оставила — муж уговорил: ресторан теперь полностью на его плечах (шеф-повар ресторана «Дикое море», двухметровый серб, Серж Маркович — прим. «Смены»). Сейчас муж открывает второй ресторан, уже его собственный. А я занимаюсь своим здоровьем, чтобы вырастить здорового ребенка. Одного хочу родить сама, второго усыновим.

— Амбиции отошли на второй план? А деньги, насколько я понимаю, вас никогда особо не интересовали?

— Деньги важны — чтобы быть свободным, чтобы дети ни в чем не нуждались. Но не более того. Конечно, удобнее купить вещь от Versace — дольше «проживет». Да и без имиджа в Москве далеко не пойдешь. Так что, деньги, конечно, пользу приносят, и я их очень даже люблю, но фанатеть по поводу денег я не готова.

Муж меня за это ругает. Первые два романа он не читал, а «Остров» прочел, первым. Сказал: «Надо же, а ты, оказывается, хорошо пишешь! Пока не дочитал, не смог оторваться. Ты умеешь за собой увлечь». И добавил: «Жалко, что ты не пишешь про деньги, секс и наркотики, как Минаев — помогла бы мне деньги на квартиру зарабатывать».

Творческие личности любят парить в воздухе. Серж меня вовремя заземляет. Иногда даже слишком. Нам довольно сложно уживаться вместе, — двум сильным людям. Но соревноваться в силе с ним бесполезно.

Я рядом с мужем — просто мышонки, во всех отношениях. Конечно, иногда бывает

очень неудобно и обидно, когда он берет верх, но я ведь сама выбрала сильного мужчину! Я много лет не шла на компромиссы в поисках того, кто будет сильнее меня.

После нашей свадьбы, год назад, было тяжело, — все вдруг начало рушиться. Может, потому что главной цели достигли, а новой не поставили? Вот тут нам и понадобились все наше терпение и труд.

Это недалекие или, напротив, очень далекие от реальности люди говорят, что влюбиться по-настоящему может только сильный человек: так, чтобы пойти на жертву, так, чтобы совершить подвиг. Неужели обязательны потери какие-то, жертвы? Это скорее страсть, или любовь к своей любви, а не сама любовь. То есть, если вражеский танк уничтожил, но сам на mine не подорвался, значит, подвига не совершил?

Главное — рутинный труд, построение отношений по кирпичику. Я — опытный минер, и, вообще, воевать больше не хочу.

У меня — мужской характер, что мне принесло много неприятностей в жизни.

— У Фаины Раневской тоже был мужской характер...

— Фаина Георгиевна — пример того, как можно жить честно, оставаясь самой собой. Это не принесло ей счастья, но она для меня — воплощение честности, бесконечно остроумная женщина. В литературе мои гуру — Достоевский, Вербер. В ресторации — Сержик, муж, который приучил меня вкусно есть; Аркадий Новиков. Я и раньше была гурманкой, а после знакомства с Сержем стала крайне трепетно относиться к еде. Приду в чужой ресторан и пристаю к официантам: «А какую зелень вы в этот салат кладете? А можно ли мне черри поменять на обычные помидорки?»

— Вы так запросто говорите о том, что ваша главная книга жизни — еще только в далеких планах. Неужели то, что вы делаете сейчас, кажется вам незнанием или непрофессиональным?

— Я долго думала над своим предназначением в жизни. И поняла, что я живу для того, чтобы создавать для окружающих любовь и радость. Поэтому я точно не буду изменять самой себе и пытаться представлять собой то, чем я не являюсь. Это ведет к разрушению личности.

Но я не думаю, что те книги, что я уже написала, войдут в историю, — спокойно признается Наташа Маркович. — Да, они затрагивают актуальные сейчас темы; да, они востребованы читателями, но их не будут читать и перечитывать, спустя годы. Я как писатель с амбициями тружусь, чтобы достичь сочетания внутренней мудрости и умения об этом высказаться. Пока я себя в очень мудрые люди не записываю. ☞



ЧТЕНИЕ

Дмитрий Мережко, Надежда Панченко
книжный бульвар



Сесилия Ахерн.
«Там, где ты».
«Иностранка», 2008

Из сюжета, который тянет на прекрасный полновесный рассказ, Сесилия Ахерн умудрилась сделать целый роман. Это становится очевидным примером к концу первой трети книги, когда главная героиня, специалист по розыску пропавших людей, вдруг исчезает сама.

Романтическая линия в этом произведении г-жи Ахерн неяркая, что неожиданно для «женского» романа. Элементы детектива и фэнтези в несколько идиллическом стиле позволяют, тем не менее, дочитать роман до конца, не особенно, впрочем, озадачиваясь, какой же будет развязка.

Наверное, это за счет языка — спасибо переводчику и ирландскому происхождению Сесилии. Из мелких деталей автор выписывает настолько реальные картины полусельской Ирландии, что временами роман похож на фильм.

Разве что немного затянутый.



Бернар Вербер.
«Тайна богов».
Рипол-классик, 2008

Серия о богах мне у Вербера скорее нравится, хотя и предыдущая внесерийная «Звездная бабочка» упомянута всуе. А почему она мне нравится? Я читаю верберовский вольный пересказ всемирной истории, или изложение религиозных концепций, и думаю — ага, я-то все это знаю, вот ведь крутой какой!

И вот читаешь и читаешь, а оно все знакомое и знакомое... Человеку в такой ситуации свойственно расслабляться. И вдруг раз: и Вербер подкидывает какую-нибудь идеологему (чаще всего, в виде цитаты из «Энциклопедии всемирного знания»). И расслабления как не бывало. Думаешь: чего же от тебя этот автор хочет? Неужто какие-то мысли умные в тебя вложить? Уже и так от них башню рвет...

Хотя... если местечко в голове есть, может что и застрянет. Мысли-то хорошие.



Дмитрий Медведев.
«Черчилль: частная жизнь».
Рипол-классик, 2008

«Этот биржевой крах является лишь проходящим эпи-зодом в жизни отважных и работоспособных людей и никак не скажется на их финансовом благосостоянии», — заявил он 30 октября 1929 года по поводу обвала Уолл-стрит. Это и прочие высказывания великого политика сейчас актуальны, как никогда: умнейший, всесторонне развитый, великолепно образованный Уинстон Черчилль может служить примером нынешним деятелям, причем деятелям в совершенно разных областях. Знали ли вы о том, что он обладал недюжинным талантом живописца? Ландшафтного дизайнера? Или что Черчилль получил Нобелевскую премию по литературе в обход Хемингуэя? В книге Дмитрия Медведева (не Анатольевича, а вовсе даже Львовича) подобных, малоизвестных широкой публике примеров из жизни великого политика — приличное количество.



Джанет Глисон.
«Чаша Бланшара»
Рипол-классик, 2008

Не верьте тому, кто утверждает, что хороший детектив можно легко написать за пару месяцев. У Джанет Глисон такая работа отнимает куда больше времени: каждый раз перед написанием романа она осваивает... целую профессию. В предыдущей книге события разворачивались в доме краснодеревщика. На этот раз в дело замешана гильдия серебряных дел мастеров, и писательница рассказывает о событиях с большим знанием дела.

Кто-то украл из дома ювелира Бланшара огромную чашу для пунша. Во время ограбления убит подмастерье, а служанка, помогающая на кухне в доме Бланшаров, бесследно исчезла. За расследование череды случаев берется кухарка Агнесс Мидоус — у нее для этого личные причины...

Экспозиция классика московского концептуализма — в новой галерее искусства



Трансформация советского гаража

Кабаковский «Красный вагон», его же «Альтернативная история искусства» (работы, выполненные им же, но от лица других художников)... С тем же успехом здесь можно было выставить и картонные коробочки, и детскую мазню мелками — посетители у «Гаража» были бы в любом случае: владелицей самой ожидаемой в этом году новой галереи стала Дарья Жукова, подруга Романа Абрамовича.

В «Гараже» работы художников продаваться не будут. Это, кстати, его существенное отличие от небезызвестного «Винзавода», где располагаются лучшие галереи Москвы

текст
и фото
Анна
Шеркунова

16 октября в бывшем Бахметьевском автобусном парке, построенном еще в 1927 году архитектором-конструктивистом Константином Мельниковым, открылся центр современной культуры «Гараж» (ССС Garage). Отреставрировала здание еврейская община. Она же, по словам Дарьи Жуковой, «доверила ей на какое-то время бахметьевский гараж» для проведения выставок.

В действительности «Гараж» открыл двери первым посетителям не 16 октября, а 12 июня. Но это была неофициальная, «закрытая» демонстрация нового центра — для друзей, будущих инвесторов и просто светской публики, перед которыми в конце вечера выступила приглашенная Жуковой Amy Winehouse.

Впрочем, и на официальном открытии были замечены директор крупнейшего в Англии музея современного искусства London's Tate Modern Николас Серота, владелец Christie's Франсуа Анри Пино, предприниматели Александр Мамут, Давид Давидович, Михаил Фридман, владелец одной из самых влиятельных американских галерей The Gagosian Gallery Ларри Гогосян, экс-глава Роскультуры Михаил Швыдкой, директор Московского дома фотографии Ольга Свиблова, владелица одноименной галереи Айдан Салахова, дизайнеры Алена Ахмадулина и Денис Симачев, главные редакторы авторитетных журналов о моде Эвелина Хромченко и Алена Долецкая, ну, и, конечно, Роман Абрамович.

Стремление к прекрасному становится все более модным, а поговорка «художник должен быть голодным» давно уже изжила себя. Впрочем, в «Гараже» работы художников продаваться не будут. Это, кстати, его существенное отличие от небезызвестного «Винзавода», где располагаются лучшие галереи Москвы, продающие искусство, как говорится, «не отходя от кассы».



Кабаков собственной персоной

Почетную миссию первооткрывателей выставочной площадки «Гаража» взяли на себя художники Эмилия и Илья Кабаковы. Илья Кабаков — классик московского концептуализма, один из первых современных художников, получивших признание на Западе. С начала 90-х годов каталоги о русском искусстве XX века открываются «Черным квадратом» Малевича, а заканчиваются «тотальными инсталляциями» Ильи Кабакова.

В «Гараже» Кабаковы представили авторское повторение знаменитой инсталляции 1991 года «Красный вагон» — «привет» советскому прошлому, который художник передал с помощью картин в стиле соцреализма и мелодий эстрады тех лет. Надо заметить, что тема советской эпохи проходит через все творчество художника, но, конечно, ею не ограничивается.

Также Кабаковы продемонстрировали серию картин «вымышленных» художников — Шарля Розенталя и Игоря Спивака, а также самого Кабакова, выполнившего все эти работы под общим названием — «Альтернативная история искусства». На примере этой серии Кабаков показал свое видение истории искусства в России — если бы его развитие пошло не по пути авангардистского направления, а осталось на уровне классической живописи.



Тема советской эпохи проходит через все творчество художника





Миф №1. Шарль Розенталь

Первое, что видят зрители, войдя в выставочный зал, — это работы Шарля Розенталя. Огромная надпись на стене «рассказывает» нам о придуманной Кабаковым жизни автора: «Розенталь родился в Херсоне, на Украине. В 1914 году он поступает в художественно-промышленное училище барона Штиглица, где в течение четырех лет обучается живописи, рисунку и композиции, приобретая основы «реалистической



школы». В 1918 году под влиянием новых художественных возможностей Розенталь уезжает в Витебск и поступает в художественное училище, организованное Марком Шагалом, а затем руководимое приглашенным туда Малевичем.

В 1923 Шарль переезжает в Париж. Но и там продолжает внутренне держаться за образы той действительности, которую он давно покинул, и, не обращая внимания на окружающую его парижскую жизнь, пристально глядявается, пытается по фрагментам восстановить то, что происходит теперь в социалистической России. Этот период творчества быстро заканчивается, и теперь автора больше интересуют изображения небольших размеров в пределах белого холста большого формата. По его признанию, ему не удается полностью заполнить изображением картину, «как это делали мастера старой школы». В этот период в качестве элементов, «участников картины» выступают образы детских игрушек и цветные контуры.

В 1933 году художник трагически погибает на Монмартре под колесами потерявшего управление автомобиля. Символическая смерть на улице, взрастившей целое поколение великих художников, как бы ставит Розенталя в один ряд с Пабло Пикассо, Анри Матиссом, Полем Сезанном и другими.



Миф №2. Игорь Спивак

Следующий художник, представленный Кабаковым, — Игорь Спивак, уроженец Киева. Личность закрытая, так как информация о его обучении, да и вообще о жизни не сохранилась. Возможно, художник принадлежит к тем самым самородкам, которым суждено было полностью высказаться в нескольких ярких и значимых произведениях, чтобы затем навсегда затеряться в неизвестности.

Все работы Спивака носят ностальгический характер. Он относится к поколению, не пережившему действительные «реалии» социализма. У него, как и у многих молодых, возникает мифологический образ «великого героического прошлого». Главный и единственный цвет СССР — красный, и он становится главным признаком монохромных картин Спивака, так же, как и другой эстетический прием — умышленная незаконченность, где автор позволяет нам самим мысленно завершить пейзаж или портрет.

Возможно, такой принцип работы художника с картиной объясняется кратким воспоминанием о прошлом: «В Киеве я долгое время жил в общежитии, и в нашем туалете вместо туалетной бумаги лежали аккуратно нарезанные листы газет. На многих фотографии были разрезаны пополам или на части, и я давно заметил, что события на этих фото от недостающих частей не только не теряют свой смысл, а, наоборот,

становятся еще более интересными и загадочными, чем если бы они были показаны полностью...»

И, наконец, завершает экспозицию сам Кабаков, придумавший всю эту мистификацию. Он предстает «учеником Розенталя», применившим в своем творчестве «розенталевские» находки: рисунок тонким невидимым контуром по белому холсту и «сдвиг» изображения. Этот сдвиг акцентируется плоской черной рамой, и создается почти наглядное впечатление, будто за поверхностью изображенной реальности находится другой мир, к миру реальному отношения не имеющий.

«Хотя он и провел 13 лет, получая художественное образование в школе и институте, не было никого, кого бы он смог назвать учителем», — написано в биографии И. Кабакова. И тут появился Розенталь, «в котором он по-настоящему нуждался, и который смог направить его поиски в нужную сторону. Странное и грустное во всей этой истории состоит лишь в том, что учитель и ученик так никогда и не встретили друг друга...»

Они встретились в рамках первой официальной экспозиции «Гаража», «Это не галерея, а скорее музей современного искусства», — подчеркивает его владелица. По словам Дарьи Жуковой, в будущем в Центре появятся библиотека, книжный магазин, кинозал, лекторий и кафе. То есть, по сути, «Гараж» должен взять на себя миссию общеобразовательного центра, куда будет «стекаться» интеллектуальная публика — обсудить современное искусство и узнать что-то новое. ☑

Главный цвет СССР — красный. Он становится главным признаком монохромных картин Спивака, так же, как и другой прием — умышленная незаконченность, позволяющая зрителям мысленно завершить пейзаж или портрет



Герб США на службе СССР

Как американцы получили
в подарок Троянского коня

В 1943 году, по возвращении с Тегеранской конференции, Сталин поставил перед Берия задачу: во что бы то ни стало проникнуть в рабочий кабинет американского посла Аверелла Гарримана. Операция по прослушиванию рабочего кабинета главы американской дипломатической миссии в Москве стала классикой шпионажа. Сталин узнавал о принятых там решениях раньше президента США. Советский «жучок» уникальной конструкции восемь лет подтачивал геральдический символ американской свободы — герб, в котором он пережил четырех чрезвычайных и полномочных послов Соединенных Штатов Америки в Москве.

«Ласточки» весны не принесли

16 ноября 1933 года между СССР и США были установлены дипломатические отношения. С тех пор советские контрразведчики не прекращали попыток проникнуть в здание американского посольства в Москве.

В 1938 году очаровательным агентессам 2-го отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР — в основном, это были балерины Большого театра — удалось наладить интимно-деловые отношения с рядом высокопоставленных американских дипломатов. Морские пехотинцы, охранявшие здание посольства, постоянно «подрывались» на энкавэдэшных секс-бомбах — привлекательных преподавательницах русского языка.

В ходе массированных ударов по сердцам американцев, падких до дармовой «клубнички», «садовникам» из НКВД стало известно, что наиболее охраняемой зоной в посольстве являются верхние этажи. Там размещались кабинеты политического отдела, военных разведчиков, шифровальщиков, сотрудников отдела собственной безопасности и, наконец, кабинет посла.

Попытки НКВД установить в спецзоне «прослушку» приобрели маниакальный характер вслед за информацией, поступившей в сентябре 1941 года от агента 5-го отдела Главного управления госбезопасности НКВД СССР «Старшина». Согласно полученным данным, американский военно-воздушный атташе в Москве являлся германским агентом и передавал разведывательные сведения о СССР немцам.

17 декабря 1943 года Берия доложил Хозяину, что микрофон уникальной конструкции создан и успешно прошел испытания. Дело по его внедрению застопорилось из-за неприступности кабинета посла. Даже организованный накануне с помощью «ласточек», вхожих в здание посольства, грандиоз-

ный пожар не способствовал проникновению туда сотрудников НКВД под видом пожарных. Охрана была непреклонна: «Пусть все сгорит, но вход посторонним именем президента Соединенных Штатов за п р е щ е н!»

Сталин, выслушав Берия, напомнил собеседнику, что «нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики». Затем, в свойственной ему фамильярно-нисходящей манере, неожиданно спросил:

— Лаврентий, ты что-нибудь слышал о Троянском коне?

Под Троянским конем Сталин подразумевал — и Берия это мгновенно понял — изготовление подслушивающего устройства, замаскированного под какой-нибудь предмет, который, будучи вручен Гарриману, остался бы в его кабинете.

...Через час в приемную наркома внутренних дел были доставлены десятка два сувениров из дерева, кости и кожи. Особо выделялись большой щит скифского воина, изготовленный из черной ольхи, двухметровые бивни мамонта, телефонный аппарат «Эрикссон» из слоновой кости, подаренный Николаю II шведским королем, а также метровой высоты корзина для бумаг, сделанная из предколенья слоновой ноги.

Осмотрев экспонаты, Берия вызвал для консультации академиков Акселя Берга и Абрама Иоффе — под их руководством группа специалистов высочайшей квалификации из оперативно-технического управления НКВД занималась разработкой, производством и испытанием уникального микрофона. Мировая практика создания и использования аппаратов, «снимающих» чужие государственные секреты, ничего подобного не знала.

Это было пассивное подслушивающее устройство: никаких элементов питания, ничего такого, что могло быть обнаружено с помощью имевшихся на вооружении специалистов мира того времени технических средств. Устройство, похожее на головастика

Это было пассивное подслушивающее устройство: никаких элементов питания, ничего такого, что могло быть обнаружено с помощью технических средств



текст
Игорь
Атаманенко

иллюстрации
Михаил
Иванов

Чтобы передающиеся и принимаемые импульсы не накладывались, вся геометрическая фигура должна была иметь форму равнобедренного треугольника

с маленьким хвостом, приводилось в действие источником излучения микроволнового сигнала, который заставлял рецепторы «головастика» резонировать. Голос человека влиял на характер резонансных колебаний устройства, позволяя осуществлять перехват слов.

Микрофон мог действовать сколь угодно долго. Микроволновые импульсы подавались «головастике» энергоемким генератором с расстояния до трехсот метров. Прием, расшифровка и запись на магнитную ленту возвращающихся колебаний осуществлялся другим уникальным устройством, расположенным на одной линии с передающим генератором. Чтобы передающиеся и принимаемые импульсы не накладывались, вся геометрическая фигура должна была иметь форму равнобедренного треугольника.

Генератор и аккумулятор микроволн были установлены на верхних этажах жилых зданий слева и справа напротив здания американской дипломатической миссии. Жильцов, разумеется, выселили. Освободившиеся коммунальные квартиры заняли спецы из оперативно-технического управления НКВД, обслуживающие приемо-передающую аппаратуру. Однако на балконах, выходящих к американскому посольству, по-прежнему вешивалось белье, женщины (сержанты госбезопасности) по воскресеньям вытряхивали коврики и одеяла, в буквальном смысле слова, пуская пыль в глаза офицерам безопасности посольства.

Микрофон носил кодовое название «Златоуст». Следует отметить, что ни руководители-разработчики, ни конкретные изготовители микрофона не знали, против кого он будет работать. Им было лишь известно, что работать он будет на государственную безопасность СССР.

Вызванным академиком предстояло дать заключение, возможно ли вмонтировать «Златоуст» в один из находившихся в кабинете наркома экспонатов. Оба через минуту в один голос заявили, что вмонтировать их детище в предлагаемые сувениры невозможно. Пояснили, что конструктивные особенности микрофона требуют, чтобы сувенир был приспособлен к нему, а не наоборот. Исходя из этого, настояли на монтаже микрофона одновременно с изготовлением подарка. И такой подарок был изготовлен.

Троянский конь в американском стане

4—11 февраля 1945 года в Ялте проходила Крымская конференция Большой Тройки — Сталина, Рузвельта и Черчилля, на которой

принимались судьбоносные для послевоенной Европы решения. В это же время там решалась и судьба Лаврентия Берия — быть ли ему маршалом. Такова была непреклонная воля Хозяина: «Микрофон — в кабинете посла, маршальские эполеты — на твоих плечах, Лаврентий!»

...Сцену вручения «Златоуста» американскому послу нужно было обставить соответствующими декорациями. Для этого на 9 февраля назначили празднование двадцатилетия пионерской здравницы Артек. Накануне, 8 февраля, заместитель председателя Совнаркома нарком иностранных дел СССР Вячеслав Молотов в присутствии Сталина вручил Франклину Рузвельту и Уинстону Черчиллю приглашение от детей посетить их в день открытия Артека. Желание пионеров видеть на своем празднике президента и премьера стран-союзниц было выражением их глубокой благодарности за помощь, оказанную детям СССР в годы войны.

Расчет Малой Тройки — Сталина, Молотова и Берия — строился на том, что ни Рузвельт, ни Черчилль, при всем их возможном желании, не возьмут развлекательный тайм-аут во время и без того затянувшейся Крымской конференции. И хотя Ялту и Артек разделяли всего 18 километров, в годы войны требовалось около двух (!) часов, чтобы преодолеть это расстояние по разбомбленному шоссе.

Знали крючкотворцы из Малой Тройки также и то, что ни Эдвард Стеттиниус, ни сэр Энтони Иден — министры иностранных дел США и Великобритании — также не смогут оставить своих шефов на время поездки в пионерлагерь. Следующими по рангу кандидатами на поездку к детворе могли быть только посол США в Москве Аверелл Гарриман и его коллега из Великобритании — сэр Арчибалд Джон Кларк Керр. Последние были лишены возможности перепоручить выполнение миссии кому-либо из своих заместителей, так как указание навестить русских детей получили из уст Рузвельта и Черчилля.

...Кортеж машин с иностранными гостями, возглавляемый громадным черным «хорьхом» Лаврентия Берия, въехал на территорию Артека и медленно двинулся к дружине «Сталинские соколята», где должна была состояться встреча послов с пионерами. Было много музыки, улыбок и, несмотря на зиму, свежесрезанных роз, доставленных военным самолетом из Сухуми. Охраняли присутствующих два батальона офицеров НКВД, переодетых пионервожатыми.

Под конец торжественной встречи Аверелл Гарриман передал пионерам подарок

правительства Соединенных Штатов — чек на десять тысяч долларов. Сэр Арчибалд Керр — на 5 тысяч фунтов стерлингов. В это время оркестр грянул американский гимн «Звездное знамя», и хор настоящих пионеров запел его на настоящем английском языке. Гарримана прошибла слеза. В тот же миг четверо пионеров внесли огромный, сверкающий лаком, деревянный... герб Соединенных Штатов Америки. Под бурные аплодисменты директор Артека вручил послу паспорт-сертификат герба, подписанный Всесоюзным старостой Михаилом Ивановичем Калининным.

Валентин Бережков, личный переводчик Сталина, переводил иностранцам содержание сертификата: сандал, самшит, секвойя, слоновая пальма, парротия персидская, красное и черное дерево, черная ольха — именно из этих ценнейших пород был выполнен герб.

Потерявший от восторга дар речи Гарриман, едва ли не первый раз в своей коммерческо-дипломатической практике, сказал то, что думал:

— Куда же мне его девать?.. Где держать?.. Я же не могу оторвать от него глаз!

Бережков, проинструктированный накануне, будто невзначай, заметил:

— Да повесьте у себя в рабочем кабинете... Англичане умрут от зависти. — Это уже было сказано вполголоса, чтобы не слышал сэр Арчибалд Керр.

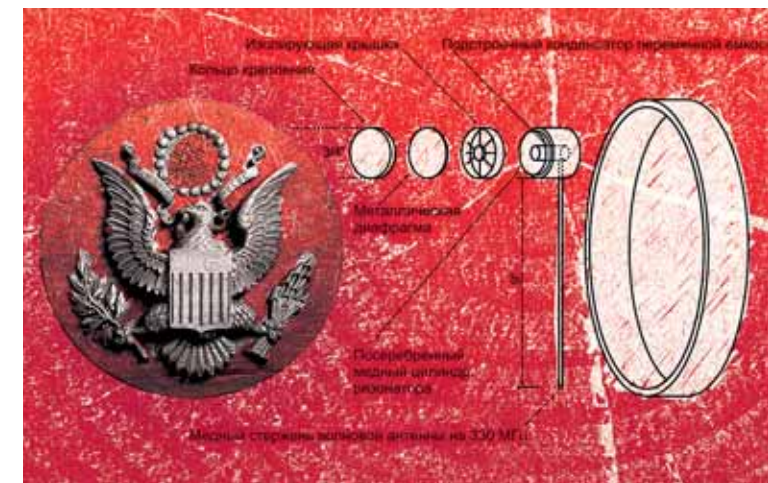
...Так в феврале 1945 года «Златоуст», обрамленный гербом Соединенных Штатов, благополучно оказался на сверхсекретном этаже здания американского посольства в Москве. Операция НКВД под кодовым названием «Исповедь» — по прослушиванию совещаний, проводимых послами, — началась. Послами? Да! «Златоуст» проработал восемь лет, пережив четырех послов. Примечательно, что каждый вновь назначенный глава американской дипломатической миссии в Москве стремился полностью — от чернильного прибора до паркета на полу — поменять интерьер доставшегося от предшественника кабинета. Несменяемым в помещении оставался только герб. Его художественное совершенство действовало гипнотически на американских высших дипломатов — даже шторы на окнах и мебель подбирались в тон цветовой гамме советского подарка!

Вместо эпилога

«Златоуст» продолжает жить своей особой жизнью. После обнаружения его в гербе,

американцы и англичане попытались сделать с него копию. Работы по получению аналога советского «жучка» американцами проводились в секретной лаборатории в Нидерландах под кодовым названием «Удобный стул». Одновременно английская контрразведка проводила свои исследования, зашифрованные как «Сатир».

Англичане продвинулись в исследованиях дальше, чем американцы, но так и не сумели до конца разгадать тайну генератора, излучающего микроволны, возбуждающие пластины-резонаторы «Златоуста». Английский микрофон мог функционировать лишь на удалении все-



го 30 ярдов, в то время как наш — на расстоянии 300 метров.

Соединенные Штаты хранили в тайне унизительное для них открытие в течение семи лет. В 1960 году, после того, как мы сбили самолет-шпион «U-2» с Гарри Пауэрсом на борту, Вашингтон сделал ответное заявление — предал гласности факт использования СССР подслушивающего устройства, которое Советские внедрили в кабинет американского посла в Москве!

Генри Кэбот Лодж, представитель США в ООН, во время чрезвычайной сессии Организации показал герб, открыл его и продемонстрировал «Златоуста». Позже герб и чудо-микрофон продемонстрировали и во время заседания Совета Безопасности. Подготовленный советскими дипломатами представитель Индии в шутку попросил сделать для него копию с микрофона. Лодж смешался, и больше герб с «жучком», позорная печать американских служб безопасности, никогда не выставлялся.

В настоящее время «Златоуст» хранится в музее ЦРУ в Лэнгли. ☑

Его художественное совершенство действовало гипнотически на американских высших дипломатов — даже шторы на окнах и мебель подбирались в тон цветовой гамме советского подарка!

Четыре способа полюбить интернет-радио



Гибель FM

Найти музыкальную станцию по вкусу

«Искать информацию в интернете — все равно, что пить из гидранта», — заметил один современный мудрец. С интернет-радиостанциями именно так себя и ощущаешь: на расстоянии двух кликов вещают сотни, тысячи каналов самого разнообразного содержания. Слово «радио», впрочем, — лишь дань привычке: радиоволны этим станциям чужды.

Их форма жизни — интернет-трафик, мегабайты, падающие с сервера на звуковую карту вашего компьютера.

Далеко за бортом остаются дорогостоящие передатчики, аренда офисов и лицензирование — иначе не видать бы нам станций «Эхо промзоны» (Новокузнецк) и Yakut Culture Radio не видать, как своих все более прихотливых ушей.

Не ищите радиоканалы в яндексах и гуглах. Когда каждый — сам себе вещатель, поисковик автоматически отгружает по слову «радио» тонны аудиошлага, предлагая познакомиться с гей-волной, эфиром «Только «Фабрика Звезд» или станцией «Чечня Свободная». Не мучайтесь — вот лучшие насадки на гидрант:

1. www.101.ru — около 60 каналов с жесткими форматами: «Высоцкий», Spivakov Classic, «80-е», «Юмор», «Колыбельные», «Звуки природы»; etc. Если в FM-эфире вас раздражают лишь реклама и треп — начните серфинг здесь;

2. www.e-radio.ru — площадка покрупнее: более 1000 станций со всего мира. Восемистраничная табличка огорчает невозможностью сортировки, но указывает сайты и географическую привязку каналов. Не жалко времени — можете чередовать прослушивание религиозных диспутов русскоязычных священников Канады с вещанием узбекского радио «Бшлар».

3. www.sradio.tv перешагнул рубеж в 2000 позиций, так что, опция поиска по странам и темам очень кстати. Когда мне остро не хватает звуков сербской речи или камерунской этники, я иду именно сюда.

Все три ресурса дают слушать себя прямо на сайте или в проигрывателе (Winamp, Windows Media). Все три варьируют качество так, что приемником можно сделать даже мобильник с хорошим каналом связи. Тут же, в общей толпе, пасутся, разумеется, и интернет-версии федеральных и региональных FM-станций — чувят, где им петлю готовят.

Проще всего отправиться за московским радиоконтентом на www.moskva.fm, самый качественный радиосайт страны. 44 московских станции в удобном интерфейсе, десятки тысяч трэков из эфира, хит-парады, сетки вещания, архивы передач (!) и все вебдванольные прелести.

Путь настоящих сталкеров эфира ведет дальше, за пределы доменной зоны .ru. Обязательные остановки:

■ MikesRadioWorld.com — довольно удобный каталог на 5000+ станций;

■ RadioTime.com, с порога внушающий почтение ярлыком «100000+ Radio Stations & Shows». Надо, впрочем, учитывать, что значительная часть любого крупного радиокаталога — американские станции, часть которых и в интернете открыта только для американских посетителей;

■ Shoutcast.com — сборник каналов от создателей Winamp, отлично дополняющий этот плеер. Приятная черта, отличающая Shoutcast (и вообще западные каталоги) от вышеупомянутой троицы каталогов российских — строка «сейчас играет...» и демонстрация количества слушателей;

■ Dizzler.com, Jiwa.fm — музыкальные интернет-поисковики.

Пытливые умы найдут и совсем специфические места — вроде Magnatune.com, где слушают исключительно начинающих, неизвестных исполнителей и тут же покупают их альбомы, самостоятельно назначая цену.

Построить свое радио

Усложним задачу. Не тратить время на поиски, но — всегда слушать то, что нравится и при этом постоянно открывать новое-интересное-подходящее. Решение: великий и прекрасный www.last.fm. Данный ресурс принадлежит медиамонстру CBS и легально крутит чуть ли не всю музыку, издающуюся на планете. Новинки грузят сами музыканты. Впрочем, любят Ласт.фм (да, есть и русский интерфейс) не за охват, а за простоту, алгоритм коллаборативной фильтрации. Строго говоря, здесь работает не радио, а гигантский склад mp3-файлов и одновременно — радар, опознающий файлы, лежащие на жестком диске. Минута на апгрейд компьютерного mp3-плеера — и сайт начинает за вами «шпионить». Создает статистику по исполнителям, альбомам, трэкам и предлагает другим людям слушать все это как вашу «радиостанцию» прямо на сайте. И вскоре начинает рекомендовать вам музыку, анализируя статистику людей с похожими плейлистами. Слушаете «Чайф» — подсунет «Чиж». Крутите Тупака Шакура — предложит 50 Cent и MF DOOM. Алгоритм порой чудит, но в целом — исправно создаст для вас персональную станцию, которая будет меняться вслед за вашими вкусами.

В игру «делись с друзьями своим радио» также играют на meemix.com и mixwit.com.

А в жанре «робот советует» дальше всех зашли musicovergy.com и их русский клон weborama.ru. Выбираете на специальном

«эмоциометре» свое актуальное настроение — и получаете для него музыку.

Купить приемник

Интернет интернетом, а, формально, выходит, что мы снова вернулись к проводному радио наших бабушек — просто более вкусному и запрятанному в системный блок. Для комфортного, а-ля FM-волны, приема новых станций нужно жить в зоне Wi-Fi. Живете? Тогда купите беспроводной радиоприемник! Например, Tangent Quattro — более 6500 каналов за 10000 рублей. Альтернатива — мобильный интернет, в частности, радиостанции, предлагаемые Apple при подключении к Сети айфона. В московских пробках комплект «телефон-интернет-автоакустика» спасет часы и целые дни вашей жизни. В конце концов, никто не ограничивает вас музыкой. Хотите Radio Forex? Есть. Равно как и аудиокниги non-stop, сказки (если в машине ребенок), бесконечный поток тематических (новостных, деловых, спортивных программ). Допустим, православные проповеди или аюрведа близки, мягко говоря, не всем, зато изучением языка (хоть французского, хоть украинского) в часы вынужденного простоя заняться с помощью радио очень даже можно. Мало мобильника — закажите установку постоянного интернет-канала в машине (канала в 256 кбит — достаточно).

Эмигрировать

Помимо прочего, радио — самый необременительный способ следить за жизнью оставленного города или страны. Или, например, знакомиться с местом, куда вскоре приедешь жить. Прилетел, сел в такси у аэропорта, услышал знакомые звуки — и словно ты здесь уже и не новичок. Путешествие, параллельное присутствию где-то в другом месте — это же и есть, в конечном итоге, сущность радио.

Путешествовать можно не только в пространстве, но и во времени. Пара часов на канале «Советская музыка 30-х» — и действительно проникаешься эпохой, когда у единственного на улице приемника собиравшись 50 человек и жадно внимали последним известиям из далеких городов. Главное, понимаешь чувства тех восторженных радиолюбителей. Потому что сам можешь включить радио «Зенит» на финальном свистке финала Суперкубка и услышать, как в этот миг ликует Михаил Боярский. ☞

Интернет интернетом, а, формально, выходит, что мы снова вернулись к проводному радио наших бабушек — просто более вкусному и запрятанному в системный блок

текст
Тимур
Аникин

иллюстрация
Михаил
Иванов

Когда мы были на войне...



текст
Игорь
Воеводин

1812

— Князь! Я ранен, ранен! — раздался крик на левом фланге, там, где шла уже восьмая за день атака французской пехоты на батареи. — О, Господи! Я убит!

Рослый кавалергард в белоснежном мундире рухнул с коня, и что-то нестерпимо алое начало проступать на фланели.

— Санитаров! Санитаров! — зашумели вокруг. — Полковник ранен!

Ломая строй, в ряды пехоты врुбилась конница, засверкали клинки, русские и французские проклятья слились в один звериный вой и хрип. И только отчаянные, рвущие душу короткие вскрики — не дай вам Бог слышать зайца-подранка — человек кричит похоже — заставляли вздрогнуть душу и похолодеть.

Но жадное, тревожное, запретное любопытство не давало отвернуться, уйти, закрыть глаза — захваченные величественной и ужасающей картиной боя и смерти, пятьдесят тысяч зрителей на холме забывали дышать.

Запах пороха и конского пота, рваная дробь барабанов, грохот пушек, звенящая медь труб и солнце, горящее на шлемах и кирасах, — все заставляло забыть, что это игра. И какой-то первобытный восторг смял

душу и полонил ее, и ушел страх, и остался восторг последней атаки, и азарт бытия, и — жадность, алчность жизни, полнокровной, звенящей, яркой — как глупо — под дулами и жерлами, за секунду до конца...

О, чахоточная осень Москвы! Может, мне и правда стоило быть военным, как советовали родственники?

— Теперь ты понял, почему мы этим занимаемся? Хоть немного понял?

Степан, художник, расстегнул мундир и жадно пил воду, поданную маркитанткой в холщовой, небеленой юбке и чепце.

Капли застревали в бороде и блестели. Маркитантка оказалась его женой Мариной, переводчиком с португальского. Двое ангельского вида детей-погодков сидели с тещей неподалеку, в старенькой «Ауди». Теща вздохнула и отвернулась.

Ежегодно на Бородинском поле, где легли когда-то Великие армии, собираются люди из разных городов и стран, одетые в мундиры той эпохи, и сходятся вновь и вновь под грохот орудий и барабанов. Приезжают военные атташе из посольств тех стран, что вставали под знамена Наполеона. Молебны, воздания почестей, и — война...





Ну, зачем, Господи?! Неужели так скучна и нестерпима комфортная жизнь полурынка-полубазара? Зачем душе вновь и вновь беречь себя картиной смерти, пусть и понарошку?

— Словенский полк был в составе армии вторжения, — тихо говорит мне дипломат с Балкан, — три тысячи человек...

— Сколько вернулся?

Он помедлил.

— Трое...

Я поперхнулся водкой из серебряной рюмочки (прямо на капоте машины походную скатерку расстелил полковник-француз. Настоящий).

А на поле дело шло к концу. Французы нажимали. Москва лежала перед ними беззащитной.

Небо, бездонное, нестерпимо-синее по краям и блеклое в центре, манило и звало, обещая негу, прохладу и отдых. И — покой...

— Почему я никогда не замечал раньше этой голубизны? — подумал князь.

1941

— Меня всю жизнь учили убивать, — человек по кличке Ёж не говорит, где служил. — Сейчас вот учусь любить и жизнь, и людей.

Ему — под пятьдесят. Высок и крепок. Военные и музейщики обращаются к нему с уважением. Наверное, не только из-за того, что угощает чайком и «шрапнелью» — кашей с тушенкой — у армейской походной кухни, что дымит на краю поля, и узбек-повар все мешает и мешает, провоцирует месиво деревянным черпаком.

Ах, вкусна та каша! В армии меня такой не кормили. А то бы точно записался добровольцем.

— Как зачем мы здесь? — Трое студентов из Башкирии в лисьих малахях и стеганых халатах искренне удивляются вопросу, — башкирские части были в казачах, у атамана Платова...

— Родственники? — с уважением спрашиваю я.

— Почему родственники? Просто башкиры... — получаю в ответ.

— Да, конечно, дело это недешевое. Костюмы шьем сами, амуниция, проезд, проживание — все сами.

— А государство?

Алексей, инженер из Ростова-на-Дону, улыбается.

— А ему, государству, не до таких мелочей, как патриотизм. Оно нас не замечает...

— В Европе очень популярны исторические реконструкции, — опять вступает

в беседу Ёж, — мы тоже ездим туда, где русская армия сражалась. Что заработает каждый — сюда и относит.

А я думаю — может, оно и хорошо. Хорошо то, что люди эти объединены неформально, незаорганизованы. А то посадили бы им на шею очередного функционера — а дальше, сами знаете...

Я видел, что для мальчиков и девочек из разных клубов или просто школ, что свозят в Бородино из дальних областей целыми автобусами, все происходящее — интересно. Их свозят сюда и в октябре, когда на том же Бородинском поле идет реконструкция битвы 1941 года. И если французские знамена разглядывать просто интересно, то кресты на бронемашинах пехоты и свастики на рукавах — тягуче-тревожно.

Оказывается, война была так недавно, что ужас, селившийся в душах отцов и дедов, оживает в душах детей.

Постскрипtum

— Сдохнем, сдохнем, сдохнем, скоро все подохнем, сдохнем, сдохнем, скоро все померем! — Сед — Андрей Наседкин, внучатый племянник Есенина — прыгал по бородинским грядкам вокруг костерка и орал под гитару.

Сюда, в Бородино, посылали на картошку журфак МГУ. В лагере объявлялся сухой закон и celibat, и тут уж отводили душу самые скромники и скромницы — как же не нарушить, если запрещено?! Сед был «анфан терибль» — «дитя-злодей» факультета. Секретарь парткома видел след его хулиганства повсюду, от Вьетнама до Никарагуа, от отсутствия колбасы до проблем с речью у партфункционеров.

— Такие, как вы, Андрей, — говорил он Седу, — из-за таких, как вы, Андрей... Вас надо гнать из комсомола!

...Секретарь парткома — единственный из профессорско-преподавательского состава! — сбежит во время пере-





стройки в Штаты. Сед уйдет добровольцем в Афган. Вернется не просто иным. От буяна и весельчака не останется следа. Он закончит жизнь через пару лет после дембеля — не в «Англетере», а в собственной ванной, от передоза, под любимый «Дип Перпл». Через год, точно так же уйдет его подруга. А бывшая жена, рискуя высоким положением родителей, издаст в Париже книжку — «Рассказы Седа», которую до сих пор считают самой страшной правдой о той войне.

Это было потом. А тогда, во время «пятого бородинского семестра», Сед скачет вокруг костерка, а Влад Листьев разливает из ведра пиво.

Я не знаю, какая во всем этом связь. При чем здесь люди, съезжающиеся со всей России и из Европы и живущие памятью предков. И наша молодость.

Может, это поле во всем виновато? Да, конечно, оно. Это просто тоска и меланхолия, и кризис среднего возраста, и неустроенность, и непогода. Ерунда все это, пройдет.

Тогда почему не проходит, и растворяется моя душа в осенних злых туманах и низких дымах, почему так стонет она вслед улетающим теням, зачем так стынет на ветру и покрывается — сначала рябью, а потом хрупким и тонким ледком, что так легко продавить, даже не заметив, колесом ли, сапогом ли...

*— Когда мы были на войне,
Эх, когда мы были на войне!
То каждый думал о своей,
О милой любушке-жене...*

Привязалась же ко мне эта песня! ☑



*Помимо снимков автора,
в материале использованы фото
из архива международной военно-
исторической ассоциации.*

В столице
Бельгии ищут
альтернативу
личным авто



Без авто, НО С КОЛЕСАМИ

текст и фото
Денис Логинов

Этой осенью с треском, точнее, с огромными пробками, провалилась гениальная идея руководства столицы — отказать на день от автомобиля. Каждый автолюбитель, услышав призыв московской мэрии, сообразил: «Многие не поедут...» В результате, в пробках стояла вся Москва.

Между тем, мы не первопроходцы в этом благородном начинании. Многие столицы уже прошли через него. Год назад с таким же треском провалилась идея провести рабочий день без автомашины в Брюсселе. Автовладельцы просто-напросто проигнорировали призыв властей — работа оказалась дороже.

Но Фредди Тилеманс, хитрый бургомистр Брюсселя, не сдался. В этом году он призвал жителей обойтись без машин, а для поддержки энтузиазма в один из теплых воскресных дней с 9 утра до 19 вечера перекрыл движение на главных магистралях и закрыл въезд в город.

Выехать можно было в любое время, а въехать... Правда, общественный транспорт работал четко и бесплатно.

Не менее хитрые российские журналисты со спокойной совестью отправились на съемки, тем паче на ветровых стеклах значилось PRESSA и VIP. Полицейские на

въезде в Брюссель были предельно вежливы, но непреклонны: «Действует только пропуск, подписанный бургомистром». Доводы типа «Мы опаздываем в студию на перегон материала» не произвели никакого впечатления: «Машину припаркуйте рядом с нашим постом, и мы гарантируем сохранность аппаратуры. Автобус в город подойдет через 5 минут, а еще можно вызвать такси».

Через пять минут автобус действительно подошел. Правда, двигался он необычно медленно, так как вся дорога была запружена. Бельгийцы смогли пережить день без машины, а вот без колес — нет.

Создавалось впечатление, что все жители города достали из кладовок дедушкины велосипеды и устремились в ближайшие парки и леса. Ехали не только на велосипедах, но и на самокатах, лыжероллерах и роликах.

Получился настоящий праздник. Веселый, озорной и солнечный. Потому как и с погодой повезло, и лесопарков вокруг бельгийской столицы очень много.

Интересно, получится ли в следующем году такой же праздник в Москве? ☑

Почему мужчины в Москве снова могут носить оружие

Декриминализация НОЖА

Он — обычный риэлтор, но с ножом управляется так, что позавидует опытный представитель якудзы. Он не нападает на прохожих в переулках и, с помощью холодного оружия, не принуждает москвичек заняться сексом. Он говорит, что нож придает ему уверенности в себе; что это отличный вид спорта и достойное мужчины увлечение. Мы публикуем нижеследующий текст потому, что таких мужчин, как он, становится все больше

Традиции

«У нас в Узбекистане считается, если у мужчины нет ножа, это не мужчина!» — изрекла как-то знакомая узбечка. Примерно также думают и многие другие граждане стран СНГ и российских национальных окраин. А так как южан в столице, мягко говоря, немало, часть их традиций становится уже общемосковской. И в том числе — ношение холодного оружия.

Коренные жители России тоже были не дураки таскать с собой острые железки. Советской власти это не нравилось, за что она их и сажала. Правда, уголовная статья за «большие ножи» только ухудшила ситуацию: рабочий класс перешел на подточечные отвертки и напильники, заостренные прутья арматуры — а они куда более опасны, чем нож или другие виды оружия.

Революция, пусть и замеченная немногими, произошла 21 июля 2004 года — в Уголовный Кодекс были внесены изменения, снимающие уголовную ответственность за хранение, приобретение и ношение холодного оружия.

Так что, сейчас можно ходить с мачете хоть по улицам, хоть в метро. Максимум полученных в таком случае проблем — дурацкая безвредная административка. А так как нынешнее законодательство о самообороне очень либерально к способам защиты от внезапной агрессии, нож можно применять законно. Но мы, конечно же, не об этом, а о возможности замены тренажерного зала или бассейна — ножевым боем.

Школы

Итак, с лета 2004-го года начался процесс декриминализации ножа, и клинки появились у тысяч вполне социально адаптированных москвичей. Так как на технику ножевого боя появился спрос, ее стали преподавать в десятках секций.

Стали известны специальные ножевые школы («Толпар», «Мако», Монегасская школа ножевого фехтования). «В народ» пошли и армейские разработки (например, ножевые курсы Специальной Прикладной Армейской Системы, школа «Русского стиля» Кадочникова и карате «Кои но такинбори рю» Кочергина). Успешно развиваются филиппинские боевые искусства, в которых работе с ножом уделяется немало внимания. Проводятся соревнования и открываются группы обучения метанию ножей. Даже появился чемпионат России и клубные турниры по ножевому бою.

Примерно раз в месяц в Москве «Толпар» проводит открытые ножевые бои. Каждый желающий может прийти, вы-

брать спарринг-партнера и учинить драку на деревянных или резиновых макетах ножей. Такие мероприятия посещает до сотни человек.

Средний возраст занимающихся — 20—40 лет. Их можно разделить на две основные категории. Первая — сугубо мирные люди, не уверенные в своих способностях к «рукопашке», ищущие что-то подручное, что сможет придать уверенности вечерами на темных улицах. И вторая — солидные состоявшиеся мужчины, которым нужен фитнес — прикладной и брутальный.

Когда тебе от души съездят в спарринге макетом ножа — это больно. А когда представишь, что на месте гадкой деревяшки могло бы быть настоящее лезвие — адреналина получишь достаточно!

«Я ношу с собой нож и занимаюсь «рукопашкой», — рассказывает «ученик» Андрей. — Такая комбинация обеспечивает уверенность в себе. Еще мне нравится, что никаких разрешений на нож ни у кого получать не нужно: купил и носи». «Ношение оружия во все эпохи было отличительной чертой свободных людей, — продолжает его коллега Петр. — В древности мечи и кинжалы, например, вообще обожествляли, ассоциировали с мужской потенцией. Мы стали более цивилизованными — уже 4 года, как ножи разрешены, но ведь количество убийств, совершенных с применением холодного оружия вовсе не выросло».

«Нож необременителен для ношения, — объясняет причины популярности искусства Борис, инструктор ножевого боя, www.knives-school.ru. — В отличие от пистолета или какого-нибудь другого оружия, скрывать наличие ножа гораздо проще. Нож резко увеличивает шансы на спасение, если на его владельца напали. Это относительно новый, а потому модный вид спорта; умение, придающее мужчине уверенность в себе».

Практика

Какой нож выбрать? Начинать стоит с недорогих моделей. Нишу надежного ширпотреба на рынке клинков занимают две российские фирмы с пафосными названиями Viking Norway и Pirat. Но не рекомендуем брать автоматические ножи их производства — механизмы последних недостаточно надежны, и могут подвести. Зато обе эти компании выпускают складные ножи... с неброскими железными «пупырышками» на лезвии ближе к рукоятке. После недолгих тренировок (большим пальцем нужно толкать «пупырышек») такой нож открывается одной рукой за доли секунды. ■

Примерно раз в месяц в Москве «Толпар» проводит открытые ножевые бои. Каждый желающий может прийти, выбрать спарринг-партнера и учинить драку на деревянных или резиновых макетах ножей



текст
Александр
Литой

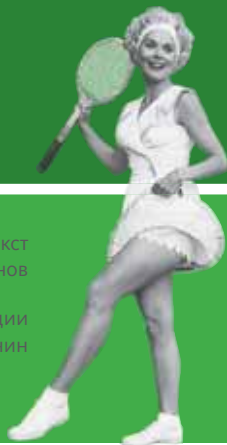
фото
Владимир
Безуглый



Короче некуда

текст
Евгений Антонов

иллюстрации
Сергей Пронин



10 лет спустя случился настоящий скандал. Теннисистку Кэрол Фагеро не допустили до участия в Уимблдоне из-за наряда: точнее, трусов с золотым люрексом, в которых она планировала выйти на корт. Интересно, что дизайнером этого спортивного белья был тот же самый Тед Тинлинг, который одел в кружевные трусики Гусси Морган. Позднее в одежде Тинлинга играли легендарная американка Крис Эверт и знойная аргентинская красотка Габриэла Сабатини.



1 Экипировка, в которой выходили на корт женщины в конце XIX — начале XX века свела бы современных теннисисток с ума. Дамы одевали жакеты с рукавами, платья до пят с кринолином, корсеты и шляпки. Когда Мод Уотсон, победительница Уимблдона в 1884 и 1885 гг, играла в платье длиной до лодыжки, это воспринималось как эпатаж. Впрочем, именно с тех пор основным цветом теннисной формы стал белый. Ведь в теннисе потеют, а на цветной одежде пот был более заметен.

1



Сюзанна Ленглен

2

Первую революцию совершила Сюзанна Ленглен, появившаяся в 1922 году на корте Уимблдона в «короткой» юбке до колена и с повязкой для волос вместо шляпки. Смелость костюма Сюзанны вызвала настоящий скандал на турнире. Но начало было положено: Уимблдон, главный теннисный турнир планеты, стал с тех пор еще и основной площадкой для демонстрации модных тенденций в женской экипировке.

Гусси Морган: «Стоило мне надеть кружевные трусы, как все начали смотреть лишь на то, что на мне»

3 Принципиально новый имидж женщины на корте продемонстрировала американка Гусси Морган. На Уимблдонском турнире 1949 года она играла в короткой юбке и кружевных трусах. О степени шокированности публики этим нарядом можно судить по тому, что лондонская газета The Daily Express опубликовала фото Гусси на первой полосе 5 раз всего за одну неделю. Сама возмутительница спокойствия жаловалась: «Стоило мне надеть кружевные трусы, как все начали смотреть лишь на то, что на мне. Я так не могу сконцентрироваться на игре!»

3

Гусси Морган

Кэрол Фагеро не допустили до участия в Уимблдоне из-за трусов с золотым люрексом



Кэрол Фагеро

Раскрыв тему трусов уже к середине XX века, теннисистки взяли затем небольшую паузу в эпатаже. Лишь планомерно сокращали длину своих юбок на корте, пока не достигли ставшего уже стандартом мини до середины бедра. Спокойствие в 1984 взорвала Анна Вайт, которая изыскала возможность шокировать даже повидавшую виды уимблдонскую публику. Наряду Вайт позабавила бы сама тетя Ася: белоснежное трико идеально обтягивало фигуру спортсменки. Поцеголять костюмом толком не удалось: после первого же сыгранного на турнире сета в матче случился перерыв, и Анну попросили переодеться. Матч, кстати, она проиграла.



Анна Вайт

Поцеголять костюмом толком не удалось: после первого же сета в матче случился перерыв, и Анну Вайт попросили переодеться

5

6 90-е годы принесли новые спортивные ткани, из которых стали делать и платья, и белье для теннисисток. Игра лишилась былой пикантности. Внимание спортивных фотографов переключилось на другие элементы экипировки, например, немыслимых расцветок косички сестер Венус и Сирены Вильямс. Сегодня теннисистки, похоже, уже и сами смирились, что шокировать публику на корте им больше нечем, и перенесли свою активность во внешний мир. Тон уверенно задают наши девушки: Анна Курникова с ее бурными романами не сходит со страниц таблоидов, а лучшая теннисистка России Мария Шарапова не пропускает ни одного большого приема, на которые является в шикарном мини-платьях и на умопомрачительных — особенно с учетом ее 190 см роста — каблуках.

6

Загадочные «Послы» Гольбейна

Эта картина, хранящаяся в Национальной Лондонской галерее — одно из лучших творений великого немецкого художника Ганса Гольбейна. Это не просто портрет, это отражение эпохи, наполненное смыслами и символами. «Послы» — как шкатулка, которую сложно открыть, не владея секретом.

Картина была написана в нервное время: в 1529 году в Базеле, где тогда жил и творил художник, начались иконоборческие выступления. Люди с остервенением громили церкви, крушили алтари и статуи святых. У художников исчезла последняя возможность получить заказ — теперь никто не просил их исполнить алтарь и иконы.

Гольбейн переезжает в Англию. Но и там обстановка оказалась не лучше: после того, как папа Римский отлучил от церкви Генриха VIII, который желал развода с королевой Екатериной Арагонской, в Англии родилась новая церковь — англиканская, во главе которой встал сам король. Покровитель Гольбейна, Томас Мор, был обвинен в государственной измене и заключен в лондонский Тауэр.

Но, к удивлению художника, свое покровительство ему предложил сам король. Художник украшает росписями резиденцию представителей Ганзейского союза и пишет их портреты; создает эскизы для предметов роскоши и произведений прикладного искусства. В числе прочих заказов он пишет портрет Жана де Дентвиля, посла французского короля Франциска I. Дентвиль должен выполнить важную миссию — предотвратить окончательный разрыв Англии и Ватикана, защитить интересы своей страны.

Этот молодой француз очень хотел запечатлеть свой облик на большом полотне — в полный рост, во всем великолепии своей молодости и статуса. Картина должна была украсить Полиси, фамильный замок семейства Дентвиль недалеко от Труа. Заказчик также пожелал, чтобы на картине был изображен и его друг, Жорж де Сельв, епископ Лавура (крупного города недалеко от Тулузы), дипломат, ученый и любитель музыки.

текст
Денис
Логинов



Сельв специально приехал в Лондон в апреле 1533 года, чтобы позировать художнику. Гольбейну удалось создать настоящий шедевр — полотно, блестящее по живописи и композиции. Он вложил в него все свои гуманистические представления и мысли о времени, в котором живет, о жизни и смерти, об истинных ценностях бытия. Он создал портрет эпохи...

Заказчик изображен на картине слева. В роскошной шубе с пышными рукавами, подбитой горностаем, он стоит, опираясь на этажерку, покрытую восточным ковром. На шее Дентвиля — цепь со знаком ордена Святого Михаила, основанного во Франции Людовиком XI в 1469 году. Принадлежность к этому ордену считалась большой честью. Дентвиль выглядит, как важная персона, он — посол «короткого платья», то есть представляет светскую власть (посол «длинного платья» — представитель религиозной власти). Правая рука Дентвиля лежит на кинжале, на котором выгравирована надпись «Net. SV. AE. 29», означающая, что этому господину 29 лет.

Мсье Дентвиль имел слабое здоровье и жаловался, что во время пребывания в холодной и сырой Англии «не имел и восьми здоровых дней», вот почему на нем шуба. Молодой посол был по тем временам весьма образованным человеком, он не только любил живопись, но и увлекался музыкой и науками, поэтому Гольбейн изобразил на видном месте научные приборы.

Среди инструментов на верхней полке этажерки — армиллярная сфера. Этот прибор использовался для определения положения Солнца и звезд, а также установления даты и времени. Слева на той же полке — астрономический глобус. Возможно, он намекает на революционное открытие Коперника, согласно которому в центре Солнечной системы находится Солнце, а не Земля.

Ниже художник расположил обычный глобус, модель земного шара. Он повернут таким образом, чтобы были видны страны, связанные с посольской миссией Дентвиля, и контуры которых соответствуют представлениям той эпохи. Мы видим вмятину на одном из полюсов. Это техническая новинка тех лет, дорожный надувной

глобус из кожи, который, видно, плохо надули.

В угоду заказчику, Гольбейн указал на глобусе поместье Дентвиля — Полиси. Дентвиль хотел иметь картину-биографию, и все свои желания четко изложил художнику. Рядом с рукой де Сельва изображены солнечные часы с датой 11 апреля 1533 года — важным днем в жизни друзей.

Время, в которое жил Жан де Дентвиль, было временем великих географических открытий (Колумб открыл Америку всего за 41 год до создания картины!). Средневековую схоластическую науку понемногу вытеснял материалистический подход к процессам, происходящим в природе. И художник языком живописи рассказывает об этом сломе эпох — именно поэтому на картине «Послы» вместо икон и изображений святых мы видим научные приборы.

Однако то время было и временем великих религиозных войн, потому на столе рядом с глобусом лежит большая открытая книга, сборник духовных гимнов, переведенных с латыни на немецкий язык Мартином Лютером. Книга недвусмысленно говорит о религиозных предпочтениях двадцатипятилетнего Жоржа де Сельва (о его возрасте свидетельствует надпись на обрете книги, лежащей под локтем его правой руки, — NET ATIS SV AE 25, «Возраст — 25»). Она открыта на

страницах с песнопениями «Приди, Дух Святой Господь Бог» и «Человек, если ты хочешь быть счастливым». Выбор этих гимнов неслучаен — в них нет ничего, противоречащего основным принципам христианства. Таким образом, Гольбейн и Сельв призывают к реформации церкви на основах протестантизма, но без отделения от Ватикана.

Католик-либерал Жорж де Сельв полагал, что причины лютеранской ереси следует искать, прежде всего, в ошибках, совершенных и совершаемых римскими иерархами. Ведь все знали о безмерном честолюбии кардиналов, покупавших себе сан, о папах, бесстыдно нарушавших все нормы морали и тем оскорблявших Христа и веру. Жорж де Сельв призывал к единству всех христиан. Недаром рядом с книгой гимнов лежит лютня, символизирующая как любовь к музыке, так и душевную гармонию. Да только вот у лютни порвана струна, и это тоже символ, символ нарастающего конфликта между католиками и протестантами, грозящего кровавой войной.

Вверху слева за зеленым занавесом художник изобразил распятие. Он словно говорит, что Христос незримо присутствует во всех делах человеческих, направляет и защищает этих молодых людей, наделенных важнейшей миссией, но при этом напоминает о греховности человека и неизбежности смерти.

Итак, вроде все понятно на этой картине. Но что за продолговатый предмет валяется на полу, у ног послов? Он, невольно приковывая к себе внимание своей непохожестью ни на что, будто не лежит, а парит в воздухе и явно мешает общему впечатлению.

Сей странный предмет — так называемая анаморфоза, совершенно искаженное изображение некоего предмета в кривом зеркале. Чтобы увидеть его первоначальные формы, нужно отойти от картины, посмотреть на нее сбоку, примерно с двух метров и с того же уровня, на котором находятся глаза послов. Тогда становится понятно, что это — череп. Гольбейн использовал тут особую форму перспективы, анаморфозу, впервые описанную Леонардо да Винчи в его записных книжках. Художники эпохи Возрождения очень увлекались анаморфозами, а в XVII веке во Франции уже были изданы книги, в которых последовательно излагались ее принципы.

Видимо, Гольбейн хотел показать, что в мире есть нечто, что мы хотим, но не можем увидеть. А то, что нам не известно, внушает страх. Череп — символ смерти. Все боятся смерти. И человек не должен забывать, что рано или поздно она к нему придет. *Memento mori* — таков девиз Дентвиля. Череп также красуется на медальоне, на берете посла и, скрытый в анаморфозе, еще раз напоминает о бренности жизни.

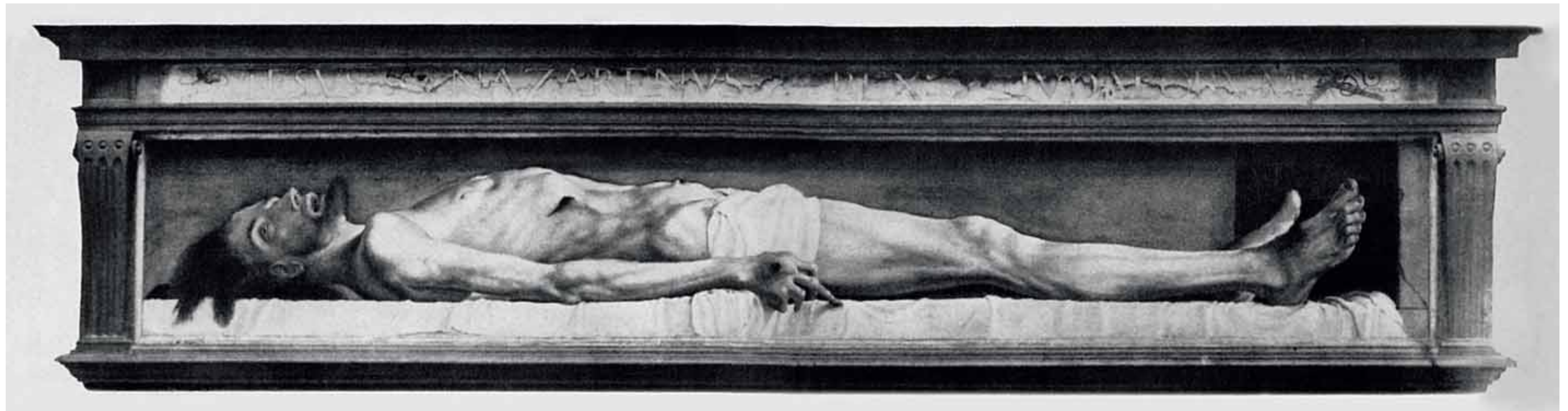
Юргис Балтрушайтис так писал об этой картине Гольбейна:

«Первое действие разыгрывается, когда зритель входит через главную дверь и оказывается на некотором расстоянии от двух господ, выступающих в глубине, как на сцене. Он восхищен их позами, пышностью сцены. Единственное, что нарушает гармонию, — это странное тело у ног персонажей. Физический, материальный аспект видения еще более усиливается, когда приближаешься к картине, но странный предмет становится еще менее понятным. Обескураженный посетитель уходит в правую боковую дверь, единственно открытую, и тут начинается второе действие. Уже выходя в соседний зал, он поворачивает голову, чтобы в последний раз взглянуть на картину, и тогда вдруг все понимает: ракурс полностью скрывает сцену и делает видимым скрытое изображение. На месте прежнего великолепия он видит череп. Персонажи и все их научные приборы исчезают, а на их месте возникает знак Конца. Пьеса завершается».

На этом игры со смыслами не кончатся. Если посмотреть на череп в стеклышко, можно увидеть, что Гольбейн внутри большого черепа изобразил еще один, маленький. Изображения черепа неслучайны еще и потому, что на английском языке фамилия художника звучит близко к *hollow bone*, полая кость,

Эта картина произвела сильное впечатление на Достоевского

«Христос в гробу»





Ганс Гольбейн Младший.
«Автопортрет»

Тема смерти звучит и в других работах художника. Она была близка каждому человеку, жившему в то бурное время, — опустошительные эпидемии, войны, несчастья, уносившие самых близких и дорогих

а фамилия Дентвиля заставляет вспомнить французские слова dent vide — «пустой зуб».

Можно представить, как мсье Дентвиль развлекал в своем замке Полиси гостей. После сытного угощения, когда уже было выпито изрядное количество вина, он доставал сверкающее стеклышко, диковинку в то время, и предлагал им посмотреть сквозь нее на картину знаменитого немецкого художника Гольбейна. Некоторым и стеклышко было не нужно — они оказывались в нужном месте, и тогда перед разгоряченными алкоголем господами вдруг предстал череп, доселе скрытый от их глаз. Наверное, это было потрясение — после сытного обеда вдруг такое яркое напоминание о неминуемом конце...

Выполнив свою миссию, послы уехали на родину, во Францию, а Гольбейн остался в Англии. Король сделал его своим придворным живописцем. Находясь при дворе, художник написал множество портретов, среди которых и сам король, и его домочадцы, и придворные — лорд Кромвель, Анна Клевская, Джейн Сеймур, дети короля и многие другие.

Тема смерти звучит и в других работах художника. Она была близка каждому че-

ловеку, жившему в то бурное время, — опустошительные эпидемии, войны, несчастья, уносившие самых близких и дорогих. Еще в 1522 году, когда ему было 24 года, Гольбейн написал страшное полотно «Мертвый Христос в гробу», на котором была она, Смерть. На картине двухметровой длины Христос изображен так, как никто Его не писал — Спаситель лежит, раздавленный могильной плитой, с остекленевшими глазами и тронутыми разложением ногами и руками. Художник изобразил человека, перенесшего нечеловеческие страдания, израненного, в синяках, ссадинах, кровоподтеках. А в глазах — смерть. Недаром эта картина Гольбейна произвела такое сильное впечатление на Достоевского, увидевшего ее в Базеле. «Он остановился перед ней как бы пораженный, — вспоминала жена писателя Анна Григорьевна. — В его взволнованном лице было то испуганное выражение, которое мне не раз случалось видеть в первые минуты приступа эпилепсии». Потом картину будут обсуждать герои «Идиота», и князь Мышкин говорит: «Да от этой картины у иного вера может пропасть!»

Образ Христа у Гольбейна получился лишенным евангельского содержания. Художник пишет не Бога, а умершего земного человека (кстати, говорят, что моделью ему послужил некий утопленник). После «Мертвого Христа» Гольбейн сделал серию гравюр «Пляска смерти», на которых смерть вырывала торговца у его товаров, забирая ребенка у родителей.

Гольбейн недаром так много размышлял о смерти — она ходила рядом с ним, а в 1543 году прибрала его к себе. Это случилось поздней осенью, когда Лондон захлестнула эпидемия чумы. Он умер в самом расцвете лет и таланта — ему было всего около 46 лет. Но Гольбейну очень много удалось сделать — может, потому, что он шел по жизни, не забывая о смерти... Последней работой художника стал эскиз для настенных часов, предназначенных Генриху VIII.

А картина «Послы» долгое время считалась одним из самых ценных шедевров, которыми владела Франция. В 1900 году полотно приобрела Национальная Лондонская галерея, и с тех пор оно украшает это собрание мировой живописи.

Ганс Гольбейн Младший — самый молодой из блестящей плеяды немецких художников эпохи Возрождения. Он родился в 1497 году в Аугсбурге, в семье известного живописца Ганса Гольбейна, прозванного Старшим, дабы отличить отца от его гениального сына. ☞

Подпишитесь через редакцию!

1. Заполните купон.
2. Заполните и оплатите квитанцию.
3. Отправьте копию оплаченной квитанции и заполненный купон одним из следующих способов:
 - по факсу: **(499) 257-13-78**;
 - по почте: **127994, г. Москва, ГСП-4, ул. Правды, д. 24, стр. 4**;
 - по электронной почте: **sales@smena-online.ru; jurnal@smena-online.ru**

Купон и квитанция редакционной подписки

Количество номеров _____ начиная с № ____ за 2009 г.
 Стоимость одного номера (включая НДС и стоимость доставки) — **67 руб. 10 коп.**
 ФИО _____
 Индекс _____ Область _____ Город _____
 Улица _____ дом _____ корпус _____ квартира _____
 Домофон/код _____ телефон _____
 Электронный адрес _____ Дата рождения _____

Редакционная подписка осуществляется только в пределах РФ



Извещение	ИНН 7714026110 ООО «Издательский дом журнала «Смена» р/сч №40702810410150414401 в ОАО «Промсвязьбанк» г. Москва к/сч №30101810600000000119 БИК 044583119		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
	Назначение платежа		
	Вид платежа	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
Кассир	Подписка на «Смену» 2009 г.		
	С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен «_» 200_ г. (подпись плательщика)		
	ИНН 7714026110 ООО «Издательский дом журнала «Смена» р/сч №40702810410150414401 в ОАО «Промсвязьбанк» г. Москва к/сч №30101810600000000119 БИК 044583119		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
Квитанция	Назначение платежа		
	Вид платежа	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
	Подписка на «Смену» 2009 г.		
	С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен «_» 200_ г. (подпись плательщика)		

фото
Юлиан
Рибиник
текст
Надежда
Панченко

Тель-Авив

По-восточному узкие и шумные улочки. Здесь всегда что-то происходит: выступают ли фокусники, играют ли уличные музыканты. Пальмы растут прямо из мостовой, вымощенной камнем. Подчеркнуто простые линии невысоких зданий. Это делает город подобным любому европейскому центру (спасибо стилю баухауз, который привезли в 30-е годы немецкие эмигранты-архитекторы).





Еще сто лет назад его не было на карте мира. В 1909 году Тель-Авив возник как пригород древнего Яффо. Сорок лет спустя города объединили. Теперь Тель-Авив такой же, как другие мегаполисы мира — офисы крупных мировых брендов, университеты, ночные клубы, торговые центры. Но высоток тут по-прежнему маловато — для их строительства, как и для прокладки метро, нет условий. И вовсе не они делают город узнаваемым.





Загляните в лицо Тель-Авива: это маленькие магазинчики, откуда сложно уйти с пустыми руками (стоит только заговорить с улыбочивым продавцом!); ортодоксальные верующие (не чуждые благ современной цивилизации); нищие, кошки и собаки (лишенные привычной пугливости). А в мудрых глазах случайно встреченного старика отражается все прошлое и будущее этого города, страны и народа.



Кремлевская деспина

— Высокородная принцесса! Всемиловейшая деспина! Скажи хоть слово, ведь грех-то какой... Принцесса Зоя Палеолог («деспина» по-гречески означало «правительница») подняла на папского легата свои бездонные черные очи, и преподобный Антонио Бонумбре онемел: таким откровенным холодом повеяло от этого взгляда. И как же просчитались в Ватикане, думая, что эта дурнушка-бесприданница, каким-то чудом ставшая невестой князя варваров, Ивана Московского, понесет в еретическую Россию свет истинной веры!

— Со своим уставом в чужой монастырь не ходят, — только и проронила она. — Впредь не докучайте мне мелочами.

Вот тут-то папский легат понял, что с распространением истинной веры среди еретиков придется повременить.

Как выяснилось совсем скоро, католичеству путь на Русь был заказан...

Дочь деспота Морейского Фомы Палеолога, родная племянница византийского императора Константина XII Багрянородного, принцесса Зоя, любимица родителей, предназначалась в жены какому-нибудь знатному иностранному принцу, а то и королю. С ней и обращались соответственно, как с будущей королевой, да и старшая сестра, Елена, уже была выдана за короля Венгрии. Зоя мечтала о еще более блестящей короне.

Но Византия погибала. Зоя с ужасом наблюдала за тем, как орды турецкого султана Махмуда II захватили Константинополь и убили императора, как затем пала родная Морейя, и ее правителям пришлось спасаться бегством на остров Корфу. Оттуда Фома Палеолог отправился в Рим и... фактически в его лице православная церковь рухнула на колени перед католической. Ведь Византия, надеясь получить от Европы военную помощь в борьбе с турками, подписала в 1439 году Флорентийскую унию об объединении Церквей, и теперь ее правители могли просить убежища у папского престола. Фома Палеолог смог вывезти величайшие святыни христианского мира, в том числе и главу святого апостола Андрея Первозванного. Немудрено, что сам Папа взял семью Палеологов под свое личное покровительство.

Зое было пятнадцать лет, когда она осталась круглой сиротой. Ее образование Ватикан

поручил кардиналу Виссариону Никейскому. Грек по происхождению, бывший архиепископ Никейский был ревностным сторонником подписания Флорентийской унии, после чего стал кардиналом в Риме, и воспитал Зою Палеолог в европейских католических традициях.

К сожалению, высокородная бесприданница не интересовала ни одного из предполагаемых женихов. Даже захудалые итальянские князья, к которым направляли послов, пренебрежительно фыркали:

— Если бы ваша принцесса была хотя бы хороша собой! А эта толстая коротышка...

Отчаявшись выдать свою воспитанницу замуж за католика, Рим обратил взоры на Восток, на таинственную и далекую Московию, где неожиданно (хотя и весьма кстати) остался вдовцом великий князь Иван двадцати восьми лет от роду.

Иван Васильевич пятнадцать лет прожил в спокойно-счастливом браке с княжной Марией Тверской, у них был девятилетний сын, нареченный также Иваном, и вдруг княгиня умерла, проболев всего лишь несколько часов. Поговоривали, что скончалась Мария Борисовна из-за слишком большой доверчивости: страстно желая иметь еще детей, княгиня, по совету бабки-ворожейки, надела на себя пропитанный неким зельем пояс.

Выждав приличествующий срок, Рим отправил к безутешному вдовцу посольство, состоявшее

текст
Светлана
Бестужева-
Лада
иллюстрация
Лев
Рябинин

почти сплошь из православных греков — бывших подданных Византии.

Посольство, предложившее заключение брака, было принято с почестями. Укреплявший великокняжескую власть Иван III понимал, что такой брак поможет Московии повысить международный престиж, заметно пошатнувшийся за два столетия ордынского ига, и повысит авторитет великокняжеской власти внутри страны. Но с окончательным ответом не спешил и, в свою очередь, отправил в Рим собственного посла — Ивана Фрязина — «дабы невесту видети».

Фрязин писал великому князю, что Зоя невысока ростом, полная, с красивыми большими глазами и с необыкновенной белизны кожей, вдобавок неглупая девица. Вернувшись из Рима, посол привез портрет невесты и предъявил его своему государю.

Великий князь мгновенно забыл и свою безвременно почившую супругу, и недовольство бояр во главе с митрополитом. Ему в жены предлагали настоящую царьдевицу: белолицую, темнобровую, с огненными очами, черными косами и пышными формами. То, что вызывало у утонченных европейцев насмешки, восточного «варвара» привело почти в экстаз: полнота издавна считалась на Руси мерилем женской красоты.

В начале 1472 года послы Ивана III выехали в Рим за невестой. В июне того же года Зоя Палеолог в сопровождении большой свиты отправилась в долгий путь на Русь, в Московию. Из Рима выехала Зоя — до Москвы добралась уже Софья: в пути греческая принцесса официально приняла православие, вернувшись к вере своих родителей. Вместе с ней в Россию приехало ее «приданое», включавшее (помимо одежды и украшений) легендарную «либерию» — библиотеку, привезенную будто бы на 70 подводках.

Ранним утром 12 ноября 1472 года Софья Палеолог прибыла в Москву, где все было готово к свадебному торжеству, приуроченному к именинам великого князя — дню памяти святого Иоанна Златоуста. В тот же день в Кремле во временной деревянной церкви, поставленной около строящегося Успенского собора, государь обвенчался с Софьей.

И прежде Иван Васильевич отличался крутым характером, а теперь, породнившись с византийскими монархами, превратился в грозного и властного государя.

Брак Ивана III и Софьи должен был усилить Московию, способствуя ее грядущему обращению в великий «Третий Рим». Первым сигналом стало то, что после венчания Иван III принял в герб византийского двуглавого орла — символ царской власти, поместив его и на своей печати. С тех пор двуглавый орел неразрывно ассоциировался с крепнувшей Россией.

После свадьбы Иван III почувствовал необходимость перестроить Кремль в могущественную и неприступную цитадель. Все началось с катастрофы 1474 года, когда Успенский собор, возводимый псковскими мастерами, рухнул. В народе тотчас поползли слухи, что беда стряслась из-за «грекини», прежде пребывавшей в «латинстве». На самом деле, виной всему был плохо обожженный кирпич.

Софья посоветовала мужу пригласить итальянских архитекторов, которые тогда были лучшими мастерами в Европе. Итальянцы ехали в неведомую Московию без

страха, ибо деспина могла дать им защиту и помощь. Именно Софья подсказала мужу мысль пригласить знаменитого Аристотеля Фиораванти.

В Москве его ждал особый, секретный заказ. Фиораванти составил генеральный план нового Кремля, возводимого его соотечественниками, неприступную крепость соорудили и для защиты либерии. В Успенском соборе зодчий сделал глубокий подземный склеп, куда сложили бесценную библиотеку.

Москва отстраивалась в камне и хорошела, а вот семейная жизнь Софьи протекала не слишком гладко. Муж любил ее без памяти, и дня не мог прожить без своей «грекини». Но через год с небольшим после свадьбы Софья родила первую (быстро умершую) дочь Анну, затем еще одну дочь (также умершую столь быстро, что ее не успели окрестить), потом еще одну... Великий князь не слишком горевал по этому поводу — у него уже был законный и прямой наследник, сын от первой супруги князь Иван Младой. Но Софья прекрасно понимала, что люто ненавидевший ее пасынок мгновенно отправит мацеху в монастырь, случись что с великим князем. Вот если бы и у нее родился сын...

Только через семь лет после свадьбы, 25 марта 1479, Софья родила будущего князя Василия III Ивановича.

Между тем, в Кремле кипела перестройка, которой руководили итальянцы. Успенский собор Фиораванти возвел так, что он стал знаком преображения и возвышения Руси. Отныне только здесь венчали на царство, сочетали браком высоких особ, проводили самые важные богослужения.

В 1491 году была сооружена Грановитая палата, попласть в которую можно было только через роскошное Красное крыльцо. Перестраивались в камне и остальные кремлевские сооружения, возводились заново стены и башни вокруг самого Кремля. Был построен Архангельский собор. Но — и это было, пожалуй, главным, — незаметно менялся сам уклад жизни при царском дворе. Кремлевская деспина мечтала возродить на Руси пышность и сложность византийских дворцовых церемоний. Что ж, ей это вполне удалось.

Удалось, прежде всего, потому, что Софья внушила не только своему мужу, но и всем боярам основную мысль: она, византийская принцесса, через брак делает московских государей прямыми преемниками византийских императоров — со всеми интересами православного Востока. Именно отсюда идет пословица «Москва — Третий Рим». Потому-то Софью все-таки ценили и уважали в Москве, потому-то она и сама гордилась не столько тем, что стала великой княгиней московской, а тем, что была рождена принцессой византийской.

Супруг действительно почувствовал себя преемником и наследником византийского трона. При московском дворе постепенно возник сложный и строгий церемониал, который и придал, в конце концов, невероятную чопорность и натянутость придворной московской жизни. Брак с Софьей позволял Ивану III считать себя единственным оставшимся в мире православным и независимым государем, какими были византийские императоры, и верховным властителем Руси, бывшей под властью ордынских ханов. Усвоив эти новые пышные титулы, Иван нашел, что теперь ему «не пригоже» называться в правительственных актах просто по-русски Иваном, государем



великим князем, а начал писаться в церковной книжной форме: «Иоанн, Божьею милостью государь всея Руси». Впервые — в дипломатических бумагах появляется слово «царь» — сокращенная южнославянская и русская форма латинского слова цесарь, или кесарь.

Тем временем пасынок Софьи Палеолог, Иван Младой, женился на дочери Стефана Великого, государя Валахии (Молдавии), который был старинным другом и союзником великого князя Московского. Так что, Елену Волошанку приняли при дворе с распростертыми объятиями, осыпали милостями и подарками, а уж когда она через девять месяцев после свадьбы родила сына, гордости и радости Ивана Васильевича не было предела. Специальным указом он повелел считать Ивана Младого единственным и законным наследником, «а буде он скончает живот свой, то быть после него великим князем сыну его Димитрию...»

Конечно, такой порядок престолонаследия был спасительным для Софьи: ни ей, ни ее сыновьям (а всего она родила пятерых, дочери — не в счет) уже не угрожала физическая расправа. Но расстаться с мечтами о троне для своего первенца Софья не могла, да и не хотела.

Внезапно и тяжело Иван Младой заболел. Лекарь Леон, выписанный Софьей из Венеции, поручился головой, что вылечит князя Ивана Малого, у которого на ногах невыносимо болели гноящиеся, кровоточащие язвы. Однако лечение не помогло: наследник умер, а лекаря, в соответствии с его собственным самонадеянным желанием, казнили.

Над головой Софьи нависли грозные тучи: начались распри по поводу наследника престола. У Ивана III от старшего сына остался внук Дмитрий, Софья же мечтала о троне для своего старшего сына Василия. Кому из них должен был достаться престол? Эта неопределенность стала причиной борьбы между двумя придворными партиями — сторонниками Василия и Софьи Палеолог и сторонниками Дмитрия и его матери Елены Волошанки.

К моменту начала спора о наследнике престола последняя была великой княгиней Тверской, личностью с немалыми политическими амбициями: она желала видеть своего сына на троне и не гнушалась ради этого никакими средствами, в том числе и не слишком чистыми.

«Грекиню» обвинили в нарушении законного престолонаследия. В 1497 году недруги наговорили великому князю, будто Софья хочет отравить его внука, чтобы посадить на престол собственного сына, что ее тайно посещают ворожеи, готовящие ядовитое зелье, и что сам Василий участвует в этом заговоре. Иван III принял сторону внука, арестовал Василия, ворожей велел утопить в Москве-реке, а жену от себя удалил, демонстративно казнив нескольких членов ее «думы». Уже в 1498 году он венчал в Успенском соборе Дмитрия как наследника престола.

Ученые считают, что именно тогда зародилось знаменитое «Сказание о князьях Владимирских» — литературный памятник конца XV — начала XVI веков, где повествуется о шапке Мономаха, которую византийский император Константин Мономах будто бы прислал с регалиями своему внуку — киевскому князю Владимиру Мономаху. Таким образом, доказывалось, что русские князья породнились с византийскими правителями еще во времена Киевской Руси, и что потомок старшей ветви, то есть Дмитрий, обладает законным правом на престол.

Однако способность плести придворные интриги была у Софьи в крови. Она сумела добиться падения Елены Волошанки, обвинив ее в приверженности ереси. Масла в огонь добавил сам царевич Дмитрий, который весьма самоуверенно называл себя «царем», приказывал даже чеканить собственные монеты с изображением двуглавого орла и весьма мало считался с мнением деда, не скрывая, что ждет-не дождется его кончины.

Как ни странно, князь Иван Васильевич стерпел эту дерзость внука, но не стерпел другого. За четыре года до начала распрей выписал он из Италии пушкарей, серебряных дел мастеров и других ремесленников, а те все не ехали. Елена Волошанка не раз ядовито намекала, что свекровь по старческой забывчивости никого и не выписывала. И вдруг ведомо стало князю Московскому, что мастера те уже давным-давно трудятся на его свата, господаря Стефана Валашского, отца Елены. Узнав, как провели его сноха и сват, Иван Васильевич разгневался не на шутку. Невестка и внук оказались в жесткой опале, а в 1500 году великий князь Московский нарек сына Василия законным наследником престола.

Но не случайно современники этой великой княгини отмечали, что она «была ума весьма горделивого», намекая на ее исключительную хитрость. Через два года после раскрытия заговора Иван III не только снял «опалу» с жены и сына, но и старые «обычаи переменял», удалился от бояр и, по их словам, «запершыся, у постели теперь всякие дела решал». По наущению Софьи, Елена Стефановна вместе с коронованным в 1498 году на царство сыном Дмитрием были брошены в заточение, где впоследствии и умерли.

Кто знает, по какому пути пошла бы русская история, если бы не Софья! Но ей выпало недолго наслаждаться победой. По иронии судьбы, как только миновала опасность для жизни, кончились дворцовые интриги, великая княгиня словно погасла. Она отвыкла жить спокойно, выдержала только год и умерла в апреле 1503 года. Последняя принцесса из рода Палеологов была с почетом похоронена в великокняжеской усыпальнице Вознесенского женского монастыря в Кремле.

Иван III умер два года спустя, и в 1505 году на престол вззошел Василий III. ☪

Марк Криницкий (настоящее имя: Михаил Владимирович Самыгин (1874—1952), очевидно, выбрал себе неудачный псевдоним. Потому что писателя Марка Криницкого при жизни склоняли на все лады — и бульварный писака, и циник, и нигилист, и пропагандист эротики, вседозволенности, пошлости, и примитивный скучный морализатор. А после смерти о нем и вовсе забыли, по крайней мере, на полвека. И в то же время при жизни его романы и рассказы пользовались огромной популярностью у читателей.

Он родился в Москве в дворянской семье; окончил гимназию, затем Московский университет, а после завершения образования 17 лет преподавал историю и русскую словесность в средних учебных заведениях Тулы, Иваново-Вознесенска,

Коломны, Рязани. Первый сборник рассказов Криницкий выпустил в 1895 году. А в 1916-1918 гг. вышло собрание сочинений в 15 томах, причем отдельные тома переиздавались несколько раз. В Брюсов после знакомства с ним назвал его «весьма замечательной личностью».

Он, конечно же, не был ни циником, ни морализатором. И успех его сборников рассказов, романов «Случайная женщина», «Маскарад чувств», «Синяя борода», «Час настал» (все вышли в 1915 году), «Прапорщик Игнатов» (1918) объясняется избранным им художественным приемом — возбуждать интерес читателя неизвестными сведениями, неожиданными поступками персонажей и поворотами сюжета. Изображая низменные стороны жизни, разложение

современного ему общества, деградирующих персонажей, он стремился задеть нравственные чувства читателей и тем самым вызвать их желание возвыситься над обыденностью и искать новые пути в отношениях между людьми.

После революции Криницкий активно участвовал в литературной и театральной жизни страны. Выпустил роман «Брат мой Каин» (1928), но успех от него ушел. В 1952 году он тихо и незаметно скончался в психоневрологической больнице города Горького.

Лишь в последние годы наследие Марка Криницкого привлекло внимание издателей, были переизданы некоторые его романы. И новые читатели увидели, что напрасно писатель был вычеркнут из истории русской литературы.

Гуськов

I

Статскому советнику Гуськову всегда казалось, что он имеет убеждения, твердые, сложившиеся долгим опытом. И теперь, слушая, как щебетала его приехавшая внучка Варя, ему хотелось строго остановить ее.

— Это беспринципность! — наконец, сказал он. — Дальше этого идти некуда. Ведь у тебя, выходит, ничего, ничего нет. Ты... голая!..

Варя весело захохотала.

— Милый дедушка, дайте вас расцеловать! Как вы это удивительно метко...

Она хотела его поцеловать, но он отстранил ее жесткою, старческой рукою.

— Да, голая, и... свободная! — сказала она, гордо выпрямляясь.

— Какая же это свобода? — вскипел Гуськов. — Свобода от идеалов, законов, совести... Свобода

от убеждений... Это не свобода, выходит, а несчастье какое-то...

— Да, дедушка, если хотите, несчастье, да, конечно, несчастье... Вы верно сказали...

Она тоскливо жала виски руками.

Он, сбитый с позиции, посмотрел на нее.

— Чем же ты хвалишься?

— Я и не хвалюсь. Я только говорю, что есть.

Прочные убеждения имеет только тот, кто ищет спокойствие... для себя.

— Ну, это ты врешь.

— Да, да, спокойствие... Я тоже могла бы составить себе убеждение. Солгала бы самой себе раза два-три, зажмурила бы глаза, отложила бы решение двух-трех проклятых вопросов, а потом забыла бы об этом, заставила бы себя забыть, и вот вышло бы, что я все знаю, и нет для меня никаких проклятых вопросов.

— Люди идут из-за убеждений на смерть, — сказал сурово Гуськов.

публикация
Станислав
Никоненко

иллюстрация
Лев
Рябинин



— Ходили, бабушка, в былые, добрые времена! — Теперь идут!

Она улыбнулась, точно хороша знала, почему теперь люди идут на смерть.

— Почему же? — сказал он.

— Потому что, бабушка, нельзя иначе.

— Нельзя?

Он с удивлением и страхом глядел на нее.

— Надо, бабушка, разрушить старую ложь, а ложь мстит за себя. И вот выходит смерть. Понимаете, дедуся?

— Надо... это и есть убеждение.

Нет, просто противно, душно... физиологически противно. Какое же тут убеждение?

Он молча пожевал губами.

— А вы стройте, новое стройте, — сказал он просительно.

И она поняла, что это он ее жалеет.

— Ухватиться не за что, бабушка... Вы говорите: я голая. Я похожа на человека, который ходит среди множества одежд, но все узки или неопрятны. И он предпочитает остаться голым.

Гуськов почувствовал обиду.

— Жило-жило, значит, человечество, и все напрасно.

Все, значит, культура, все науки и искусства — все зря. Так, что ли?

— Не знаю, бабушка, может быть, и есть что-нибудь не зря, да я не знаю.

— Одичали вы совсем, — продолжал Гуськов. — Среди мировой цивилизации ходите, точно варвары. Гунны вы. Разборчивые невесты. Не хотите к делу стать.

И он стал громить молодежь.

— Это уж что же такое?.. Это хуже всякой революции.

Революция планомерна. У нее есть своя вера. Ты и в революцию не веришь?

Варя отрицательно покачала головой.

— Ну, уж тут, голубушка, дно. Дальше этого идти некуда. Ногами упрешься...

Помолчали.

— Недоучки вы, вот что! — вдруг вспомнил Гуськов. — И ты тоже курсов не кончила.

Варя молча пила кофе.

— Почему ты не кончаешь курсов? Отвечай!

— Так.

— Это не ответ.

— Так... раздумалась... Вот я учусь, а в мире — насилие, зло, произвол... и дети гибнут... женщины... много всякого народа гибнет, а другие на их счет отвратительно толстеют... А я все учусь. И еще много зла совершится... самого непоправимого... И много будет и слез, и крови, и задущенных неотомщенных проклятий, а я все буду учиться. Ну, и не захотелось...

Она отодвинула от себя чашку.

Гуськов почувствовал, как у него задрожали руки, но не нашелся, что возразить.

— Кому от этого будет легче? — спросил он, наконец.

— Никому... Я сама знаю: никому... А хуже будет...

некоторым.

— Это сила вещей. Тут единицы ни при чем, — вспомнил Гуськов.

— Знаю. Все равно. Пусть. Я, быть может, тоже сила вещей...

Она решительно закуталась в платок и угрюмо замолчала.

Он задумался.



Гуськов под старость всегда о чем-нибудь упорно думал. Часто по целым часам ходил и думал, и даже ночью, лежа с открытыми глазами. Думал обо всем, что случайно поражало его внимание: о турках, о Японии, о сельской общине. Теперь он думал о Варе.

«Ухватиться, бабушка, не за что». Эти слова жалобно тронули его сердце. Ложась спать, он думал, припоминая весь разговор:

«Убеждения имеет только тот, кто ищет спокойствия... для себя...»

Гуськов покачал головой.

— Да, для себя... Это дурно.

Дальше что?

«Отложить решение двух-трех проклятых вопросов, а потом постараться позабыть, что отложил».

— Да, и будет казаться, что решил. Это бывает.

Ему стало неприятно от сознания, что и с ним это бывало.

Он всегда говорил себе:

— Это прочту... потом...

И не читал.

Когда думал о Боге, о смысле жизни, то кончал словами:

— Да, это очень важно. Об этом нужно еще подумать. Но никогда не думал.

И, хотя не думал, но ему казалось, что он решил эти вопросы.

И это вошло в систему. Никогда ничего не решать, а только скользить по поверхности. Сколько книг было прочитано таким образом. Это было удобно и спокойно. В результате, все-таки что-то как будто оставалось. Смутная память о чем-то читанном, вскользь подуманном.

Это и были «убеждения», «идеалы».

И сейчас было от того мерзко на душе.

Больше всего он уяснил себе свои убеждения в разговоре. Выходил спор. И вдруг ему казалось, что надо так, а не так. Если он был не уверен в своих взглядах, он старался рассердиться, и тогда в нем вдруг рождалось упорство, которое помогало стоять на своем.

И он спорил и уходил с убеждением, что говорил продуманно и зрело. Но бывало также, что сознавал со стыдом, что врал, как мальчишка. И это в шестьдесят пять лет.

Бывало и так, что утром думал одно, а вечером — другое. В сердцах и в благодушном настроении признавал разное. Иногда сознавал ненормальность этого и тогда неизменно успокаивал себя:

— Да, пора, пора разобраться. Уже шестьдесят пять лет.

И сейчас он понимал, что так рассуждать в шестьдесят пять лет было смешно.

На самом деле, он с иезуитскою хитростью оберегал свой покой, избегая излишнего копания в душе.

Мнения для обычного душевного обихода старался выбирать средние, которых держалось большинство, но слегка презирал в них отсутствие оригинальности. Он

был убежден, что он в глубине души — сильная оригинальная личность. Поэтому вслух всегда высказывался несколько запутанно и неясно. Любил поддерживать за собою репутацию остролова. Иногда даже говорил крайности, которые, впрочем, никого не пугали.

Так воспитал и детей. Старался им внушить ту же манеру. Боялся, чтобы не наделали хлопот.

И дети были, вероятно, такими же, как он.

Но вот пришла эта, последняя...

Гуськов медленно разделся и погасил свечу.

Да, очевидно, жизнь все-таки делает свои выводы из недодуманных мыслей.

Она стережет.

Ему хотелось бы помолиться, но вдруг стало лень. И Бог представился каким-то темным-темным. И даже он не знал наверное, был Бог или нет.

Ведь и об этом он хотел подумать всерьез когда-то лет сорок назад.

И сама цифра 40 лет была теперь смешна.

Разве он знал сейчас, кто он, собственно, — христианин или язычник, и что такое христианство. Кто был Иисус Христос, и был ли он Бог.

Машинально Гуськов несколько раз перекрестился, но потом бросил и лег в постель. И вдруг стал думать о Варе, — упорно, как всегда ночью.

Как она ходит, говорит, смеется. Все в ней было так разумно и отчетливо. Эта не допустит сама с собой сделок. И вновь его охватила острая жалость...

Думал о себе... заботился о своем физическом и душевном комфорте... и не думал о тех, кто будет после.

И вот они пришли уже...

Пришли без злобы к нему...

«Милый бабушка»...

Милый... Он казался себе темным, большим, грубым и неопрятным животным.

И ему бы хотелось, чтобы его лучше презирали и ненавидели...

Главное, и он ведь воображал, что кого-то любит... детей, ее, внучку...

И в этом, как во всем, было лицемерие. Целовал, покупал шоколад, иногда играл... как играют со щенятами, пока не надоест. Не любил, когда много спрашивают... Отделялся прибаутками, общими местами.

Так они и повырастали, точно кустики около старой березы.

— Любил...

У Гуськова заколотилось сердце.

Он и эту вот свою мебель любил... Любил, потому что не стоило труда любить.

Кормил, посылал в школу. А чему там учат, не интересовался. Только не любил в журнальчике единиц и двоек и спрашивал:

— Это, брат, что? Ай-ай-ай...

Вот и вся его любовь.

Нет, теперь он знал, как надо любить. Любить — это значит, чтобы душа была вся, как натянутая струна. Любить — это знать, что отдаешь в наследство свою душу со всеми недодуманными мыслями, со всеми нераспутанными узлами. Помнить, что всякая малодушная душевная трусость достанется твоим детям. Все, от чего ты прячешь голову, как страус, грозно взглянет им в глаза.

Любить — это значит не заставить платить твоих детей и

их детей по векселям твоей души... Навалить им на плечи и своей, и их работы, но добровольно взять на себя все страдания, все сомнения своих дней, да и вперед еще посмотреть, предугадать... расчистить дорогу на долго вперед, поставить вехи... и тогда умереть...

Он не мог больше лежать и сел на постели, спустив ноги.

Из другой комнаты ему участливо постучали в стену.

— Отчего вы не спите, бабушка?

— Душно, — сказал он, и ему захотелось заплакать.

Но заплакать он не мог, и только начал часто дышать.

— Должно быть, грудь заросла жиром.

И он сидел так, тяжело и часто дыша.

Хотелось крикнуть ей:

— Погоди... дай я... посиди у меня спокойно только годок... дай я...

Под утро он заснул, и ему казалось, что он все еще учится в гимназии и не приготовил по лености урока географии и страшно волнуется, а Варя ему что-то объясняет, но он впопыхах не может понять.



— Да, конечно, мы проспали, — думал Гуськов. — Жизнь росла, усложнялась, а мы спали. Кто-то где-то жил, работал над жизнью, мыслил за всех, и это создавало иллюзию, что ты живешь. Кто-то давал готовые формулы, призывал в газетах и книгах. И мы отвечали: спасибо, мы подумаем. То один, то другой сгорали где-то вдали, как фейерверк, и это создавало иллюзию, что и мы горим. А все горение ограничивалось затратой пятака на газету или рубля на книгу. Сгорал и лопался один фейерверк и начинался при всеобщем одобрении другой. Фейерверк мыслей и чувств, выстрадаанных и выношенных.

И, в конце концов, он, Гуськов, говорил:

— Это не то!

Ему всегда казалось, что вот придет, наконец, кто-то настоящий, кто будет тот самый, который нужен, и он-то спасет его, Гуськова, от спутанности и неясности положения.

— Мелко, брат, плаваешь, — говорил он, откладывая прочитанную книгу в сторону, и задумывался над собственной глубиною, которая казалась ему пропастью.

А жизнь росла с каждым днем. И вот теперь она, должно быть, выросла из собственных штанов. И никто не пришел спасти его, Гуськова. Просто пришли другие люди и громко заявляют:

— Бога нет, государства нет, семьи нет.

И Гуськов, действительно, видит, что и у него ничего этого нет и не было, то есть нет и не было в это горячей веры, а были одни слова, которые он повторял за другими.

— Но ведь это анархия? — спрашивал он побледневшими губами.

И ему отвечают спокойно и даже с веселой улыбкой:

— Да, дедуся, анархия.

И ясный взор как бы спрашивает:

— А что же может быть другое?

И Гуськов должен признать:

— Да, ничего другого не может быть.

Бог — это пропасть, куда он остерегался заглядывать. Государство, патриотизм... когда он думал о таких вещах,

ему представлялись почему-то бабьи кокошники, полотенца, вышитые красными петухами, и всегда казалось, что народность — хорошее и нужное дело, а впрочем, и тут стояла пока nota bene: подумать. А о том, что такое семья, он не думал вовсе. Видел только сейчас, что прожил жизнь нудную, нездоровую и неопрятную, и что это было нехорошо и не заслуживало подражания.

Теперь он видел, что сам был скрытый и очень вредный для жизни анархист. Вредный, потому что лицемерил и иезуитничал всю жизнь. Гадкий и отвратительный, потому что цеплялся за жизнь, жил в долг за счет будущих поколений…

И вот, когда приходят они и называют вещи их именами, он готов кричать: «Караул, полиция!»

И он смотрел сквозь пальцы на то, что к внучке приходили разные личности. Он даже любил потолковать с ними. Тон его голоса сделался уступчивее.

— Так как же, господа, разрушать?

Он покачивал сокрушительно головою, и нельзя было понять, о чем он жалеет. Но они отмалчивались. Им не нравился этот «генеральский» тон.

Как-то Варя резала хлеб и вдруг прижала палец к губам, и тотчас же по подбородку у нее побежала алая струйка крови.

— Я обрезала палец, — сказала она спокойно, и с ней сделалось дурно.

Гуськов растерялся, но вспомнил, что в Вариной комнате, которая всегда была заперта на ключ, был нашатырный спирт и бинты. Ключ, как всегда, лежал на столе перед нею. Он схватил его и побежал.

Лежавшая в обмороке, слабо пошевелилась. Отворив дверь, Гуськов прошел прямо к полочке, на которой, знал, стоит нашатырный спирт. Мимоходом он взглянул на стол, где в деревянной коробке из-под печенья лежало что-то черное, круглое, и не обратил внимания. Но вдруг смутный инстинкт заставил его вздрогнуть и обернуться.

Широко раскрыв глаза, он, чувствуя, что цепенеет, смотрел на странный предмет, бережно, видимо, с опасением обложенный ватой.

В дверях стояла Варя, бледная, держась за верхний косяк.

— Что… это? — выдавил из себя Гуськов.

— Выйдите из комнаты, — спокойно приказала Варя.

Руки, ноги и все тело дрожало у него мелкой дрожью.

— Да, «это». Уходите же сейчас! — строго сказала Варя и сейчас же прибавила: — Я уеду… совсем… не беспокойтесь…

— Да, да, уезжай, уезжай! — бормотал он просительно, и в глазах его проступили жалкие, старческие слезы.

— Сейчас же уезжай, сейчас…

Она села на стул.

— Дайте только придти в себя.

— Да, да, конечно, и потом уходи.

Он был рад, что услал перед тем горничную.

Варя достала бинт и тщательно перевязала порезанный палец, замыла перед умывальником пятна крови на платье, потом одела пальто и шляпу, завернула в газету страшный предмет и, бережно просунув его в муфту, сказала:

— Прощайте, дедушка!

В углу лежал ее чемодан. Ей пришлось взять его в другую руку. Видимо, он был страшно тяжелый. И, вся напругаясь, она двинулась к двери.

Он отворил ей и, когда она вышла на площадку, высунул голову. Он знал, что она идет на гибель.

Сосредоточенная от напряжения, она медленно сходила по ступеням, слегка вскидывая коленки.

— Варя! — окликнул он ее жалобно.

Но она не ответила и даже ни разу не оглянулась, пока не скрылась за поворотом.

Он почувствовал что-то похожее на обиду и запер дверь.

Странно, почему она не признает, что у него тоже могут быть какие-нибудь убеждения, — пусть ошибочные, но все же убеждения.

Гуськов старался рассердиться.

Или уже теперь не должно уважать чужих мнений? Какое право имеют делать его участником того, чему он не сочувствует? Это насилие. Да, насилие, и надругательство над свободой личности. Это нечистоплотно… В его квартире… Это нечистоплотно…

Он обыскал всю внучкину комнату, довольный, что горничная еще не возвратилась.

Но ничего не оказалось.

В ящике стола нашел он маленькую аптекарскую коробочку из-под порошков с картиной на верхней крышке.

Коробочка была знакомой. Когда Варе было девять лет, он позабыл ей приготовить ко дню рождения подарок и, вытряхнув порошки, подарил ей коробочку. Она была сейчас, как новенькая, и пахла духами. В ней лежали перышки и сургучик.

IV

Вот и настало утро. Сидит человек в кресле, и в комнате тихо.

Не хотелось больше лгать самому себе. Разве можно уважать таких людей, как он? Разве можно считаться с такими людьми, как он? И Гуськов отлично сознавал, что он — не нужный для жизни, бывший человек, не имеющий права ни на поступки, ни на убеждения. Ком старого прожорливого мяса, трясущийся за свою жизнь.

На другой день был взрыв, последовали аресты, и Гуськов из газетных сообщений узнал, что арестована вместе с прочими Варвара Владимировна Гусакова.

Газета не обошлась без опечатки.

— И вот их казнят, — подумал он, — казнят за то, что они не хотели быть, как мы.

— И это будем мы, которые их убьем, чтобы жить самим. Да, да, мы!

— Непременно мы.

Чтобы жить нам, мы должны убить их. Чтобы жил он, Гуськов, надо убить Варю. Вот вывод.

Перед вечером Гуськов впал в страшное беспокойство. Прислуга слышала, как он громко рассуждал сам с собой, ходя по комнатам.

— Да, пусть придут! — думал Гуськов, он им покажет. Они ищут преступных организаций? Великолепно. Он им скажет имя этой чудовищной организации. Он сообщит им адреса. Тысячи адресов. Все конспиративные нити, все провокаторские приемы, при помощи которых трубят юношеству в уши, что есть добро, справедливость и право.

Есть добро! О, гнуснейшая из провокаций! Добро! Ха-ха! И девочка поверила, что есть добро. А на самом деле есть только зло.

И все делали только зло. Даже под формами добра делали только зло, и для чего-то лгали детям, что есть и будет добро.

Гуськов яростно сжимал кулаки.

— Он ненавидит это добро! Это отвлеченное, несуществующее добро!

И, обхватив голову руками, он стонал, что означало у него рыдания:

— Варюша, Варюша…

Если его спросят: «Что вы знаете по настоящему делу?», о, он найдетcя, что им бросить!

Гуськов поднимал голову.

Он им крикнет одно только слово «все»! Он знает все от момента зарождения и до самого взрыва.

Он скажет им, что преступная организация, существующая для ниспровержения религии, законов, нравственности, носит название современного общества. Преступная, конспиративная организация, где есть свой тайный предательский язык, старательно изучаемый со школьной скамьи…

Пусть его арестуют. О, он скажет на суде! Он швырнет им в лицо свой собственный приговор, беспощадный, уничтожающий. Он будет их бить, как хлыстом.

К ночи Гуськов ослабел. Ноги его не слушались, и он сидел неподвижно в кресле.

Уже поздно, в то время, как он задремал, кто-то позвонил у парадного.

Он слышал заглушенный голос за дверью:
— Телеграмма!

И ничего не понял, когда прихожая и соседняя комната вдруг наполнились мягким звяканьем шпор и незнакомыми голосами.

В кабинет вошел военный, и Гуськов смутно угадал в нем жандарма.

Что-то хотел сказать и не мог припомнить. Только чувствовал себя маленьким и беспомощным, внезапно съезжившимся.

Безотчетный страх поднимался изнутри.

Схватят, уведут…

Хотелось всхлипывать и просить пощады.

Жандарм о чем-то говорил. Вошли еще.

Разве он не старый, изживший самого себя человек?

Пусть ему позволят спокойно лечь в гроб.

Он не знает, ничего не знает. Внучка? Нашли бомбу?

Все они теперь такие… Если так, он отрекается от нее.

Им этого нужно? Он просит только оставить его в покое. Они довольны теперь?

Пусть ищут, где хотят. Но не осталось ничего, кроме коробочки и сургучика.

И пока они ходили повсюду и искали, подымая пыль и роняя вещи, он продолжал сидеть, сгорбившись, поглощенный мыслью, что могут все-таки что-нибудь найти, и от этой мысли все его тело делалось расслабленным.

Наконец, успокоились. Спрашивали, когда уходила и какие люди приходили. Он должен подробно и

правдиво описать. Да, да, конечно, он опишет. Правда, он не особенно хорошо рассмотрел, но они спрашивают, приходил ли высокий и кудрявый… Да, этот приходил. И как это возможно скрыть? Ведь горничная видела, как они разговаривали за чаем. И этот другой, худенький и живой, тоже бывал… Да, да…

Точно клещами вырывали у него признания. И опять что-то все хотел припомнить и не мог. Знал только, что падает куда-то вниз, навсегда и безвозвратно.

Теперь все. Что же будет ему за это? О, он может быть спокоен, что его не привлекут. Он может спать спокойно, если может.

В шестьдесят пять лет люди не бывают революционерами. Да, да, конечно, не бывают. Он радостно провожает их до дверей.

Все обошлось хорошо. Никто его не тронет. Он будет жить, как прежде. И проживет еще долго. Он стар и одинок и должен заботиться о себе. Не правда ли? И было такое чувство, точно он нашел себя. Прежде фантазировал, а теперь нашел. И все стало так ясно.

Разве он может сделать так, чтобы не было зла и несчастья?

И сколько он уже опустил в землю! Что он может сделать? Что?

Удивительно, как все это с ним случилось! Он просто раздумался, дал волю мыслям, и мысли его пошли по одному направлению.

Это бывает. Да, да, с ним это иногда бывает. Собственные мысли разнесли его, как невзнузданные лошади. И вот остались последствия.

Гуськов прикладывал руку к сердцу, которое билось тяжело и с перерывами, порой, точно заливаясь чем-то горячим.

Вот он. Вот его большое старое сердце.

И радостно было так вдруг найти самого себя, хотя бы уничтоженного и больного. Радостно было знать, что он тут, и никто его не тронет, и радостно знать, что не надо думать и искать себя и своего места, потому что это большое сердце и есть он сам.

Раздевшись, он лежал долго на спине, стараясь овладеть разбитым телом.

Он оправится и проживет еще долго.

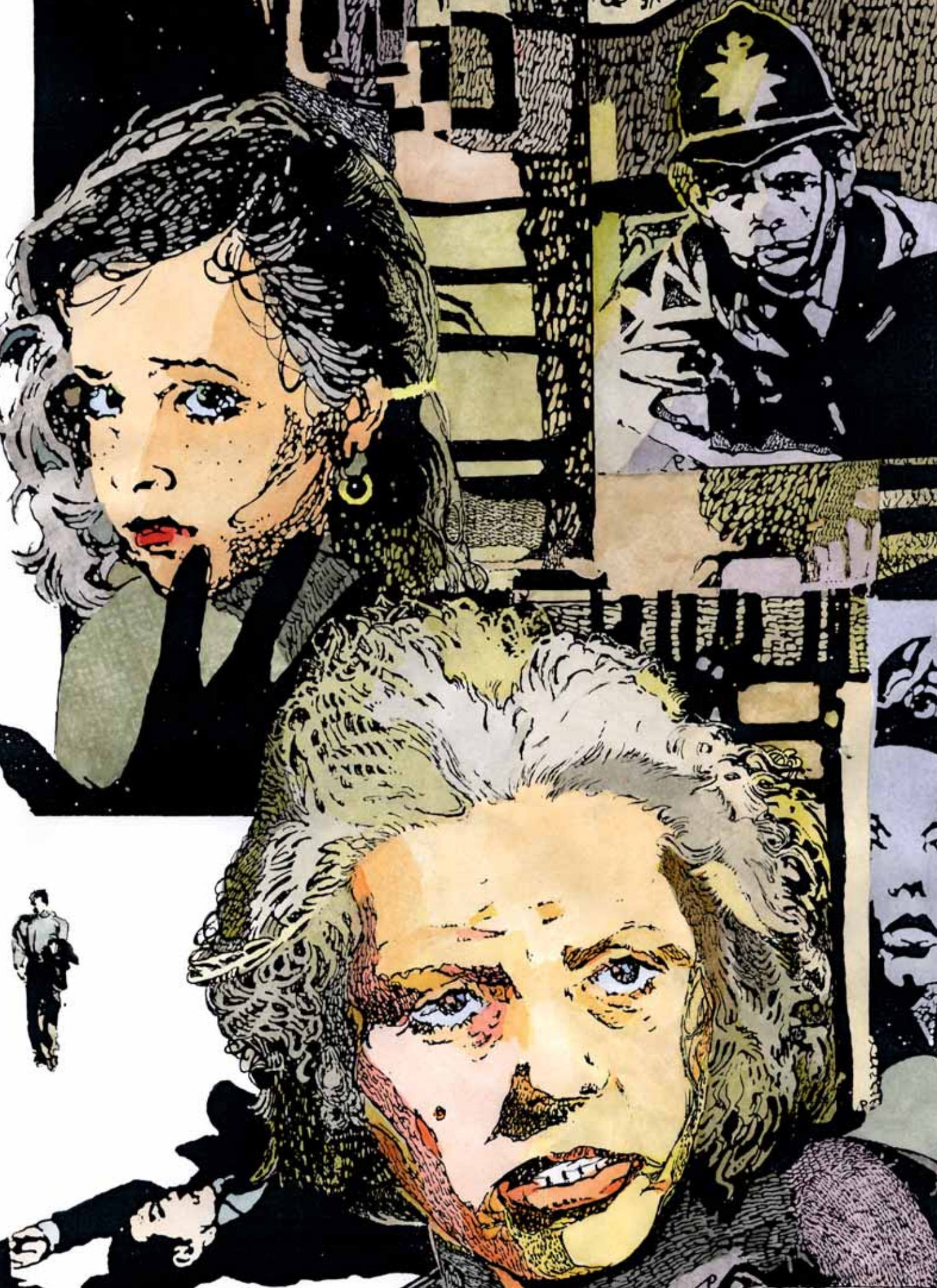
Глаза его увлажнились слезами. Он гладил себя по жирной, лохматой груди и, не стыдясь, чувствовал, что нежно любит эту грудь, и эти толстые, заплывшие руки, и все тело, и даже комнату, в которой лежит, со всею стоящей тут мебелью и даже вот этот недопитый стакан чаю с кружком лимона и потемневшей от времени ложечкой.

К утру сердце успокоилось.

Гуськов вспомнил внезапно о Варе, и все показалось ему окончательно пережитым, точно отодвинувшимся в далекое прошлое.

— И она… тоже…

Это было все, что он подумал. И тотчас же похоронил ее мысленно. ☒



Наша Имможен

Глава 1 Злоключения любви

Они шли, взявшись за руки и не говоря ни слова, в печали и недоумении от того, что мир противится их нежной страсти. Медленным шагом влюбленные брели по берегу озера Веннахар, чьи прозрачные воды в то утро казались огромным световым пятном среди скал Трассакса — гордости маленького городка Каллендера. Они уселись на гниющий в траве ствол дерева и стали грустно обсуждать ближайшее будущее, ибо оно явно не сулило ничего хорошего. Первой нарушила молчание девушка.

— Ангус... о, Ангус... что с нами будет?.. — простонала она.

Парень обхватил спутницу за плечи и нежно притянул к себе.

— Не знаю, Дженет... но в одном я уверен: я люблю вас и никому не позволю нас разлучить.

Дженет улыбнулась. Она была так молода, что еще верила в могущество слов и обещаний.

— Лучше мне не выходить замуж, чем стать женой другого, Ангус...

Дженет Лидберн была отнюдь не красавицей, зато от всего ее существа так и веяло свежестью и здоровьем. Круглое, чуть тронутое веснушками и обрамленное светлыми волосами личико дышало искренностью и простодушием. Как единственная дочь Кита и Флоры Линдберн — владельцев крупнейшей в Каллендере мясной

лавки, Дженет с полным основанием слыла одной из самых завидных невест городка. Ей недавно исполнилось девятнадцать.

В отличие от подруги, Ангус Кёмбрей, высокий и сухощавый двадцатипятилетний юноша с узким и жестким лицом, не мог похвастать своим происхождением и понятия не имел, кто его родители. Вырос он в Перте, столице графства, в приюте для подкидышей, и там же освоил профессию механика. Закончив учебу, он устроился к Иену Стоу, державшему гараж и бензоколонку на окраине Каллендера, у дороги в Доун.

— Прежде чем мы примем окончательное решение, Дженет, я попрошу хозяина сходить к вашему отцу.

Девушка покачала головой.

— Папа не станет слушать мистера Стоу... и, боюсь, способен выставить его за дверь!

— Не такой человек Ивен Стоу, чтобы стерпеть подобное обращение!

— А что он может? У себя дома каждый волен принимать или не принимать, кого захочет, разве не так?

Ангус лихорадочно сжал руку спутницы.

— Ах, Дженет, неужели я и в самом деле вас потеряю?

— Возможно, кое-кто и смог бы замолвить за нас словечко, — задумчиво прошептала Дженет, — но надо еще упрямить ее нам помочь...

— Ее?

— Имможен Мак-Картри.

Имя знаменитой рыжеволосой воительницы трубным гласом прогремело в диких зарослях Трассакса.

— Вы и вправду думаете, что ваш отец...

— Мисс Мак-Картри — единственная, кого он боится!

— Почему?

Шарль
Эксбрайя

перевод
с французского
Мария
Малькова

иллюстрация
Иван
Каменщик

— Не знаю, Ангус, как, впрочем, и того, почему половина Каллендера готова умереть за нее, а другая только и мечтает сжить со свету...

— Но ваш отец, очевидно, принадлежит ко второй категории?

— Врагам часто уступают там, где друзья получают отказ... — Девушка решительно выпрямилась. — И попрошу ее об этом.

Розмери Элрой из окна кухни с умилением наблюдала, как трудится в саду ее великовозрастное дитя, и в пятьдесят с лишним лет сохранившее тот же неукротимый нрав, что в детстве заставлял его решительно отвергать то традиционную ежеутреннюю овсянку, то воскресный хаггис¹. Розмери со слезами на глазах вспоминала маленького красноволосого демона, не боявшегося затевать сражения с мальчишками-сверстниками и при этом нередко колошматить их в пух и прах. Увы, жизнь нисколько не смягчила Иможен Мак-Картри, и, даже вернувшись на родину пенсионеркой, она все еще рвалась в бой. В Каллендере, к величайшему огорчению старой няни, Иможен и боготворили, и ненавидели. Одни называли мисс Мак-Картри славой Горной страны и пошли бы за ней на край света, другие же считали ее позором Шотландии.

Утомившись от садовых работ, мисс Мак-Картри вернулась в дом.

— Розмери, я пойду наверх немного освежиться, — предупредила она, заглядывая на кухню.

Миссис Элрой молча покачала головой, прекрасно зная, что ее протезе не только ополоснет холодной водой лицо, но и выпьет первый за день бокал виски, а до вечера за ним последует немало других. Розмери непрестанно трепетала, как бы Иможен не пошла по стопам отца, некогда занимавшего почетное место среди самых отпетых шотландских алкоголиков, и опасения старой няни имели под собой почву, поскольку дочь капитана унаследовала-таки папины таланты.

Удобно устроившись в кресле-качалке и предусмотрительно закрыв дверь на ключ, мисс Мак-Картри медленно потягивала виски. Но не успела она и несколько минут понаслаждаться заслуженным покоем, как дом потряс оглушительный вопль миссис Элрой. От неожиданности Иможен так сильно вздрогнула, что чуть не выронила бокал, и, во избежание подобного несчастья, осушила его единым духом. Потом прикрыла глаза, отдышалась и вышла на лестничную площадку узнать, с чего вдруг Розмери так варварски нарушила ее отдых. С годами миссис Элрой начали отказывать ноги, но легкие оставались по-прежнему мощными, поэтому, когда кто-нибудь приходил навестить ее подопечную, старуха становилась у нижней ступеньки лестницы и, не поднимаясь наверх,

звала Иможен. Любой, кто слышал этот вопль, сообразил бы, что в детстве Розмери пасла на холмах стада и научилась перекрикивать свирепый ветер Горной страны.

— В чем дело, Розмери?! — в свою очередь рявкнула мисс Мак-Картри.

— Тут с вами хочет поговорить одна девушка!

— Девушка?

— Дженет Лидберн!

— У меня нет ничего общего с их семейкой!

— Дженет уверяет, это очень важно!

— С Лидбернами не случается ничего интересного, и вообще, сердце у мясника высохло, как баранья кость, сто лет провалявшаяся на солнце!

Наступила недолгая тишина. Наконец, миссис Элрой, снова набрав полные легкие, возобновила оглушительный диалог.

— Все-таки вам лучше бы спуститься, мисс!

— Ну, да?

— Понимаете, ведь малышка-то плачет!

При всей своей вспыльчивости Иможен была доброй женщиной, и слезы Дженет ее тронули. Она вихрем промчалась вниз по лестнице.

— Что стряслось, Дженет? Вы потеряли кого-то из близких?

— Пока нет... — сквозь рыдания прошептала несчастная дочь мясника и, не теряя времени даром, с мольбой упала к ногам мисс Мак-Картри. — Спасите нас! Только вы одна можете нам помочь!

Романтическая скорбь гостьи слегка удивила Иможен, но она настолько привыкла чувствовать себя новым воплощением Марии Стюарт, что невольно проявила благородную сдержанность, восхитившую миссис Элрой и успокоившую просительницу.

— Я вас слушаю, дитя мое, — просто и величественно проговорила рыжая шотландка, опускаясь в кресло.

И Дженет без утайки рассказала об их с Ангусом Кёмбре несчастной любви, уверяя, что, по ее мнению, во всем Каллендере одна мисс Мак-Картри не побоится вступить в единоборство с ее устрашающим отцом. В ответ послышался знаменитый смех мисс Мак-Картри, грозный, как рокот боевых барабанов перед великими битвами Средневековья.

— Послушайте, Дженет, я с большой симпатией отношусь к Ангусу Кёмбре, и, если не могу сказать того же про вас, то лишь потому, что вы — дочь своего отца, о чем я искренне сожалею. Однако было бы несправедливо упрекать вас за то, что никак не зависело от вашей воли... А значит, вы непременно выйдете замуж за Ангуса. Я беру это на себя.

— Но... папа... — пробормотала Дженет.

Иможен встала, взяла гостью за руку и, подведя к комоду, указала на фотографию в кожаной рамке, с которой им улыбался ничем не примечательный мужчина в форме.

— Это портрет моего отца, капитана Мак-Картри... — Она перевела взгляд на гравюру, вставленную в такую же рамку. — А это — Роберт Брюс накануне битвы при Баннокберне. Так вот,

при этих двух героях, ни разу не слышавших от меня ни слова лжи и до сих пор не ведавших разочарования, принимаю на себя обязательство соединить вас узами брака с Ангусом Кёмбре.

Дженет, ни жива, ни мертва, прижалась к стене, пытаюсь угадать, что происходит в гостиной. К несчастью, долетавшие из-за двери громовые раскаты не позволяли питать никаких иллюзий насчет приема, оказанного Лидбернами мисс Мак-Картри и Ивену Стоу.

Когда Дженет, открыв дверь на повелительный звонок Иможен, бросилась докладывать родителям, кто пришел к ним в гости, мясник чуть не выронил любимую пенковую трубку. Уже одно это привело его в бешенство.

— И чего хотят от нас эти двое? — буркнул он.

— Я... я не знаю...

Кит смерил дочь подозрительным взглядом.

— Признайтесь-ка, Дженет, а это, случаем, не ваши фокусы?

— Нет-нет!.. Уверю вас, я не...

— Ладно, пускай идут сюда! — Кит повернулся к жене. — А вас, Флора, прошу молчать, пока я сам не поинтересуюсь вашим мнением, что, впрочем, весьма маловероятно...

— Хорошо, Кит, но, умоляю вас, не сердитесь!

— Я буду сердиться столько, сколько захочу!

— Но подумайте о своем давлении!

— Оно вас не касается! И зарубите на носу, я никому не позволю распорядиться в моем доме!

Обмен приветствиями между хозяевами дома и гостями, которым даже не предложили сесть, был предельно коротким. И Лидберн сразу расставил точки над «i».

— Терпеть не могу, чтобы меня беспокоили вечером, когда я отдыхаю после дневных забот, поэтому буду вам премного обязан, если вы изложите дело в самой сжатой форме. Ну, чем могу служить?

Мисс Мак-Картри чуть не вскипела, но под суровым взглядом Стоу кое-как сдержала негодование, предоставив хозяину гаража спокойно рассказать о цели их визита.

— Мисс Мак-Картри лишь из дружеской симпатии к Ангусу Кёмбре и вашей дочери, мистер Лидберн, согласилась сопровождать меня и помочь в этом деликатнейшем деле, — закончил Стоу.

Кит не верил собственным ушам. Неужели какой-то грязный механик и впрямь смеет официально просить у него руки Дженет? Его буквально затрясло от ярости. Тем не менее, понимая, что при всей своей силе он рискует нарваться на очень крупные неприятности, если вздумает без оковичностей выставить наглеца Стоу вон, Лидберн предпочел сорвать злость на Иможен. Для начала он презрительно хмыкнул:

— Что за странная мысль брать с собой мисс Мак-Картри, когда речь идет о деликатных, как вы сказали, вопросах?

Решительно отодвинув спутника в сторону, Иможен с угрожающим видом надвинулась на мясника.

— Да где вы, по-вашему, находитесь? В коюшне, в стойле или в свинарнике?

Пораженный неожиданным вопросом, Кит усталился на гостью помутневшим взором.

— Я вынужден напомнить, что вы сейчас у меня в доме! — наконец, взяв себя в руки, рявкнул он.

— Возможно, и так, мистер Лидберн, но в первую очередь вы — в Шотландии, где никто, кроме последних ублюдков, так себя не ведет!

— Вон отсюда!

— Будьте благоразумны, мистер Лидберн! — попытался сгладить ситуацию Ивен.

— Убирайтесь отсюда и вы тоже, да поживее!

Флора, в свою очередь, пробовала урезонить супруга.

— Умоляю вас, Кит...

— Не лезьте не в свое дело, Флора!

— Но ведь то, что касается моей дочери,

затрагивает и меня!

— Ага, так вы, значит, принимаете их сторону?

— Честное слово, Кит, я вовсе не...

— Пока я жив, Дженет не выйдет замуж ни за кого, кроме человека, которого для нее выберу я сам!

— Так не стесняйтесь, мистер Лидберн, умрите, — медовым голосом посоветовала мисс Мак-Картри. — А мы постараемся не слишком громко смеяться на ваших похоронах.

Мясник бросил на нее убийственный взгляд, но почел за благо отыгаться на хозяине гаража.

— И передайте от меня этому бандиту Ангусу Кёмбре, что если я еще хоть раз увижу, как он толчется возле моей дочери, шею ему сверну!

Стоу холодно поклонился.

— Я сообщу ваш ответ Ангусу Кёмбре, мистер Лидберн. Тем не менее позволю себе предупредить вас, что, коли вы тронете Ангуса Кёмбре, я сам отправлю вас в мир иной и сделаю это с огромным удовольствием. Спокойной ночи. Вы идете, мисс?

Но дочь капитана не желала оставлять поле боя, не сказав последнего слова.

— От себя, мистер Лидберн, могу заверить, что, если по вашей милости эти двое молодых людей, так трогательно любящих друг друга, решатся на какую-нибудь прискорбную крайность, я публично расскажу о вашем злодеянии и не оставлю вас в покое до самой смерти, которая, надеюсь, не заставит себя ждать. До свидания, мистер Лидберн. Чудесный вечерок, не правда ли?

Как только гости вышли из комнаты, мясник поднес к губам бутылку виски и стал жадно пить прямо из горлышка. А в прихожей мисс Мак-Картри и Ивена Стоу поджидала Дженет. В ту минуту она больше всего напоминала только что выловленную из воды Офелию. Растроганная этим безмолвным отчаянием, Иможен попыталась утешить девушку, но та сразу ее остановила.

— Бесполезно, мисс Мак-Картри... Я все слышала... Благодарю вас за то, что хотели нам помочь... и вас тоже, мистер Стоу... Теперь я точно знаю, что папа никогда не даст согласия... и мне остается только умереть.

¹ Знаменитый шотландский пудинг. — (прим. переводчика).

— Да ну, Дженет, не говорите глупостей!
— Вряд ли мы еще увидимся, мисс Мак-Картри, но я счастлива, что познакомилась с вами...

Решимость дочери мясника настолько испугала Иможен, что она заставила Дженет дать слово ничего не предпринимать, не повидавшись предварительно с Ангусом.

Ночью после неудачного разговора с Лидберном мисс Мак-Картри почти не спала. Несмотря на оптимистические уверения Стоу, что в глубине души Дженет не замышляет ничего страшного, шотландку терзали самые зловещие предчувствия. Перед глазами у нее все еще стояло искаженное страданием лицо девушки, и дочь капитана не сомневалась, что та наверняка попытается наложить на себя руки. Вот только каким образом?

Утром мисс Мак-Картри отправилась в гараж Ивена и нашла Ангуса очень подавленным. Она попробовала хоть немного его взбодрить и потому ни словом не обмолвилась о собственных опасениях. Расспрашивая о свиданиях влюбленных, Иможен узнала, что они встречались на берегу озера Веннахар, куда оба прибегали, улучив свободный часок, и тут же вспомнила, что перед уходом Дженет напомнила ей Офелию. С этой минуты она больше не сомневалась, что девушка, следуя примеру шекспировской героини, бросится в воду.

Сержант Арчибалд Мак-Клосту у себя в кабинете с трудом отходил от вчерашней умопомрачительной попойки. Нерасчесанная огненно-рыжая борода торчала во все стороны, китель так и остался незастегнутым, а сам Арчи меланхолически потягивал виски с единственной целью проверить, не изменился ли за ночь вкус национального напитка Горной страны. И вдруг покой кабинета нарушил оглушительный рев:

— Ваше здоровье, Арчи!

Сержант настолько не ожидал ничего подобного, что подавился виски и мучительно закашлялся, глаза вылезли из орбит, а на губах выступила пена.

— Вы, что, не могли сначала постучать? — прокаркал он, немного отдышавшись.

— Нет времени. Надо спасать Дженет Лидберн, Арчи!

— От чего?

— От смерти!

— Да вы спятили!

— Повежливее, Арчи! Идите за мной!

— Куда?

— На озеро Веннахар.

— Всего-то? Еще в детстве мама советовала мне никогда не соглашаться, если женщина пригласит на загородную прогулку...

Иможен явно рассердилась.

— Вам крупно повезло, Арчибалд, что я не могу терять ни минуты! Иначе научила бы вас должному обращению с истинной леди!

— Попробуйте только, сударыня, и я тут же усажу вас под замок!

— Так вы отказываетесь пойти со мной?

— Отказываюсь.

Иможен окинула полицейского ледяным взглядом.

— И это ничтожество еще смеет называться шотландцем? Да неужели вы думаете, хоть один настоящий сын Гор поленился бы оторвать задницу от кресла, когда сама Смерть бродит по Каллендеру в поисках невиннейшей из жертв? Сержант Мак-Клосту, молитесь Бога, чтобы с Дженет Лидберн не случилось несчастья, а то вам точно придет конец!

И, прежде чем Арчибалд опомнился от удивления, мисс Мак-Картри стремительно выбежала из кабинета.

На главной улице Каллендера Иможен столкнулась с констеблем Сэмюелем Тайлером, своим старым и испытанным другом.

— Пойдемте скорее, Сэм!

— Куда, мисс?

— На озеро Веннахар.

— Я бы с удовольствием, но вот дежурство...

— Чепуха!

— Ну, это по-вашему...

Шотландка, отступив на шаг, с ног до головы оглядела высокую фигуру полисмена.

— Сэм, неужели я полвека в вас ошибалась?

Вы, что же, способны позволить девушке умереть из-за дурацких инструкций?

— Ни в коем случае, мисс. А о ком вы говорите?

— О Дженет Лидберн.

Иможен в нескольких словах рассказала Сэмюелю Тайлеру о своих подозрениях. Говорила она так убедительно, что констебль, в конце концов, пришел к единственно возможному выводу: не поспешив на помощь малышке Лидберн, он куда больше погрешит против долга полицейского, чем если оставит в покое редких автомобилистов, выезжающих на улицу в этот ранний час. Тайлер реквизирует машину бакалейщика Мак-Грю, равно как и ее хозяина, и они, уже втроем, помчались в сторону Трассакса.

После двух часов тщетных ожиданий Мак-Грю начал подумывать, что его жена Элизабет уже наверняка вообразила, будто он навсегда сбежал от домашнего очага, а Сэм раздумывал, не слишком ли опрометчиво он поступил, поддавшись уговорам Иможен. Последняя продолжала спокойно болтать с констеблем, но в душу ее тоже потихоньку закрадывалось сомнение в верности своих пессимистических прогнозов. Неожиданно послышался легкий шум, и все трое выглянули из укрытия: изо всех сил вертя педали велосипеда, мимо них проехала Дженет. Мисс Мак-Картри хотела окликнуть девушку, но не успела и рта раскрыть, как та исчезла из виду, и вскоре до наших спасателей донесся громкий всплеск. В едином порыве Иможен и Сэм поспешили к озеру. Обнаружить мисс Лидберн не составило труда — Дженет, как верно угадала ее новая покровительница, и впрямь пыталась утопиться.

Несмотря на преклонный возраст, Тайлер скинул китель и без колебаний прыгнул в холодную воду. Девушка изо всех сил противилась помощи.

— Оставьте меня! Я хочу умереть! — кричала она констеблю.

— Видите ли, мисс, досадно только, что в таком случае вам придется захватить с собой и меня, — логично возразил Сэм.

Хладнокровие полицейского так поразило Дженет, что она перестала сопротивляться, и Тайлер без всяких осложнений доставил ее на берег, где их поджидала Иможен.

— Дженет! Вы же мне обещали!

— Я слишком несчастна! Лучше мне умереть, чем услышать, что Ангус навсегда покинул наши края! А он непременно уедет, слышите, мисс? Он уедет!

Мисс Мак-Картри стоило немалых усилий успокоить девушку, а потом с помощью совершенно продрогшего Тайлера доставить неудавшуюся утопленницу к машине Мак-Грю, слегка недоумевавшему, куда они все подевались.

В мясной лавке, где он царил подобно кровавому языческому божку, Кит Лидберн любезничал с тремя покупательницами, а те, в полном восторге от его болтовни, глупо хихикали. Мисс Мак-Картри велела Тайлеру отнести драгоценную ношу на квартиру Лидбернам, а сама пошла предупредить отца Дженет.

Кит, артистически поигрывая ножом, отрезал кусочек филе для миссис Фрейзер, когда Иможен ворвалась в лавку и с порога яростно воскликнула:

— Ну, что, довольны теперь, убийца?

От неожиданности Лидберн подпрыгнул на месте и лишь чудом не отхватил ножом кончик пальца. Выражение лица мисс Мак-Картри окончательно повергло мясника в панику, и, прячась за спинами покупательниц, он бросился к выходу, в то время как рыжая воительница шествовала к прилавку.

— Вспомните, что я вам обещала, Кит Лидберн, бесчеловечный вы отец!

Мясник ухитрился-таки выскользнуть из лавки, прежде чем до него добралась Иможен, и, не обращая внимания на густой поток машин, ринулся на проезжую часть. В результате, ему пришлось проделать несколько весьма удивительных танцевальных па, то подпрыгивая на месте, то неожиданно отскакивая, то втягивая живот, и все эти прыжки, скачки и ужимки сопровождалась яростной руганью и воплями водителей. Вне себя от страха, Лидберн кое-как перебрался на противоположный тротуар и пулей влетел в обувной магазинчик Хэмиша Лохбуи. Лишь врезавшись в стойку для дамской обуви, он шлепнулся на пол и замер. Хэмиш Лохбуи, маленький аккуратенький старичок, всю жизнь неукоснительно следовавший жестким правилам древнего политеса, поправил на носу очки в золотой оправе и с изумлением воззрился на странную картину.

— Дорогой мистер Лидберн, — проговорил он тонким, но удивительно вежливым голосом, — по правде говоря, я плохо улавливаю, что заставило вас исполнить столь поразительный акробатический номер... Признаюсь, никак не ожидал ничего подобного от человека вашего возраста и положения...

— Хэ... Хэмиш... она... пришла ко мне в лавку....

И об-б-бозвала у...бийцей... — заикаясь, пробормотал мясник.

— И кто же позволил себе...

— Иможен Мак-Картри!

— Но почему?

— Она преследует меня!

— Вы меня все больше поражаете, дорогой Лидберн... А кстати, уж не заболела ли ваша дочь Дженет?

— Заболела? С чего вы взяли?

— Насколько мне известно, мужчины обычно не носят ее на руках по улице?

Мгновенно позабыв обо всех своих страхах, Лидберн вскочил и свирепо зарычал:

— Думайте, что говорите, Лохбуи!

— Дорогой мой, я только что собственными глазами видел, как Сэм Тайлер несет Дженет домой!

Не сказав ни слова в ответ, мясник снова выскочил на улицу, но на сей раз переходил ее гораздо осторожнее.

Пока Тайлер, сидя в ванной, согревался, то отхлебывая виски, то растираясь махровым полотенцем, миссис Лидберн уложила дочь в постель и стала массировать ей виски, умоляя Создателя спасти ее дитя. Потом снова села у изголовья, взяла руки Дженет в свои и затянула бесконечную материнскую жалобу:

— Ведь это неправда, моя Дженет, что вы хотели умереть? Вы бы не решились покинуть свою маму, не так ли? И что бы со мной случилось без моей маленькой Дженет...

Иможен, никогда не знавшая радостей и огорчений материнства, растрогалась до слез.

Лидберн вошел в комнату, но при виде «ужасающей рыжей ведьмы» тревога его сразу сменилась бешенством.

— Флора! — заорал он. — Что делает в моем доме эта особа?

— «Эта особа», как вы изящно выразились, Кит, только что вместе с Тайлером спасла вашу дочь от смерти, когда бедная девочка пыталась утопиться в озере Веннахар!

Мясник подошел к дочери и сердито буркнул:

— Вам что, нравится устраивать публичные представления? Думаете, очень умно и достойно дочери человека, потратившего на ваше образование Бог знает сколько фунтов стерлингов, побежать топиться, как какая-нибудь нищенка?

Мужнина грубость исторгла из глаз миссис Лидберн новые потоки слез, но Кит приказал ей умолкнуть, мол, раз Дженет не умерла, нечего хныкать, а сам снова принялся пилить дочь.

— Что до вас, Дженет, попробуйте только еще раз...
 — И попробую!
 — Молчать, дерзкая!
 — Хотите вы того или нет, а я все равно убью себя, если вы не позволите мне выйти за Ангуса!
 — Никогда!
 — Вы, вероятно, не отдаете себе отчета, мистер Лидберн, что эта девочка нуждается в отдыхе? — не вставая со стула, заметила Иможен.

В домашней обстановке Кит настолько привык чувствовать себя господином и повелителем, что значительно меньше боялся мисс Мак-Картри, чем в лавке, на глазах у всего города, где острый язычок Иможен мог нанести значительный урон его престижу.

— Я не просил вас высказывать свое мнение, так что, помолчите и не суйте нос в наши семейные дела!

— Хам!
 Флора поддержала гостью.
 — Как вам не стыдно, Кит?
 — Оставьте меня в покое!

— На вашем месте, миссис Лидберн, я бы всыпала ему по первое число, чтобы научить хорошим манерам, — посоветовала Иможен.

— Ох, если бы только у меня хватило сил с ним справиться...

Кит Лидберн, чувствуя, что его сейчас хватит удар, бросился с кулаками на мисс Мак-Картри, но та отступила на шаг и мастерски подставила ему подножку. Мясник споткнулся и, пролетев мимо Иможен, врезался головой в шкаф. Несколько секунд слышалось невнятное бормотание, однако Лидберн, крепкий, как бык, очень быстро пришел в себя.

— Пускай меня потом повесят — плевать, но я все-таки должен ее придушить своими руками и сейчас же, — хрипло проворчал он.

Кит и впрямь хотел вцепиться в горло слегка встревоженной мисс Мак-Картри, но, к счастью для нее, из ванной неожиданно вышел Тайлер.

— Ну, как, все уладилось? — весело спросил он. Жизнерадостный тон констебля сразу разрядил атмосферу. Сэм помахал в воздухе пустой бутылкой.

— Отличное виски, мистер Лидберн, теперь я опять в полной норме. И, знаете, по-моему, отхлебни ваша барышня глоток-другой, мигом увидела бы все в другом свете. — Полицейский подошел к постели. — До свидания, мисс Дженет, отдохните хорошенько, а главное — не прыгайте больше в озеро, потому как я не всегда окажусь рядом... И кто ж тогда вытащит вас из воды, а?

— Спасибо, мистер Тайлер, но в следующий раз я постараюсь избежать встречи с вами и довести дело до конца! — упрямо возразила девушка.

Сэм улыбнулся.
 — С характером юная особа, ничего не скажешь... Пойдемте, мисс Иможен.

Иможен, решив, что не повредит репутации Дженет, если расскажет ее возлюбленному о

троссакской драме, направилась к гаражу Ивена Стоу. Пусть Ангус — просто механик и беден, как церковная крыса, что с того? У Кита Лидберна и на двоих денег хватит. Правда, сам мясник рассчитывал с помощью богатства и дочери добиться более высокого общественного положения — так ведь его глупость известна всему городу.

После того, как Иможен завершила печальную повесть, Ангус, наконец, принял решение.

— Спасибо, мисс Мак-Картри, и, раз уж дело оборачивается так скверно, я увезу отсюда Дженет. Сегодня вечером мы должны встретиться, и я предложу ей свой план.

— Не сочтите за нескромность, но нельзя ли и нам узнать его хотя бы в общих чертах? — осведомился Ивен Стоу.

— Мы удерем и где-нибудь тихонько отсидимся, а потом повенчаемся в Гретна-Грин и приедем обратно в Каллендер мужем и женой. Ну, что вы об этом думаете, мистер Стоу?

— Думаю, что на вашем месте, Ангус, я поступил бы точно так же!

— А вы что скажете, мисс Иможен?
 — По-моему, все выглядит очень романтично...— Старая дева тяжело вздохнула. — Дженет наверняка даже не догадывается, как ей повезло... Уж что-что, а такое приключение запомнится на всю жизнь.

Ивен Стоу сжал руку мисс Мак-Картри в знак того, что вполне разделяет ее мнение.

Глава 2 Форе­ли Мак-Грю и преступление Ан­гуса

С тех пор, как он достиг совершеннолетия, бакалейщик Уильям Мак-Грю завел обычай праздновать дни рождения у Тэда Булита и всякий раз, собрав несколько испытанных друзей, угощал их форелью. Накануне знаменательного дня Мак-Грю заглянул в «Гордого Горца», и они с Тедом договорились отвезти форели вместе с мисс Мак-Картри, доктором Элскоттом и еще парочкой самых близких. Обстоятельства вынудили заговорщиков посвятить в тайну и Маргарет Булит, поскольку именно ей предстояло готовить праздничный ужин. Случилось так, что во второй половине дня, забежав в очередной магазин, Маргарет столкнулась с миссис Фрейзер, и та полюбопытствовала, с чего вдруг такая спешка, и нестряслось ли какой беды. Маргарет ответила, что все ее мысли сейчас занимает подготовка к торжеству, которое завтра вечером ее супруг устраивает для нескольких таких же забулдыг и доктора Элскотта в честь дня

рождения Уильяма Мак-Грю. С досады Маргарет рассказала миссис Фрейзер и о том, что на рассвете бакалейщик, грубо поправ закон, пойдет браконьерствовать на озеро Веннахар — им, видите ли, непременно надо полакомиться форелью! Миссис Фрейзер выслушала новость, трепеща от возбуждения. Сначала она заглянула в аптеку Рестона.

— Что вас привело ко мне на сей раз, миссис Фрейзер, болезнь или дружеская симпатия? — вежливо поинтересовался Хьюг.

— И то, и другое, мистер Рестон... Опять сердце... совершенно не могу спать... Только лягу — и оно колотится, как арестант накануне побега...

— Не волнуйтесь, миссис Фрейзер, этого мы не допустим. Побег — прямое нарушение закона!

И Хьюг Рестон, очень довольный собственной шуткой, весело расхохотался. Глаза покупательницы лихорадочно сверкнули.

— Не только оно собирается нарушить закон, мистер Рестон! — шепнула она, перегнувшись через стойку.

Аптекарь тут же почуял приятный запах скандала.

— Что вы хотите этим сказать, миссис Фрейзер? Вдова не заставила себя упрашивать и с удовольствием пересказала все признания Маргарет Булит, не забыв упомянуть, что и доктор Элскотт намерен есть незаконную рыбу вместе с другими не обремененными совестью субъектами. Рестон углядел здесь замечательную возможность скомпрометировать соперника, уличив его в контрабанде, и так обрадовался, что подарил миссис Фрейзер коробку ее любимых пилуль. Как только покупательница вышла из аптеки, он тут же побежал к жене.

— С этой минуты, Фиона, вы можете смело считать себя супругой Регионального советника! Известие явно не произвело на миссис Рестон никакого впечатления.

— Какую же гнусную махинацию вы задумали на сей раз, Хьюг? — только и спросила она.

— Право же, я бы очень удивился, не услышав от вас какой-нибудь колкости.

— Я так хорошо вас знаю... Хьюг, кипя от раздражения, вернулся к себе в аптеку и, чтобы немного успокоить нервы, встал на пороге. Свежий воздух и уличная суета всегда оказывали на него самое благотворное влияние.

И вот, наблюдая за прохожими, аптекарь вдруг заметил медленно бредущего по тротуару Тайлера.

— Чудесный денек, не правда ли, Сэм?
 — Да, истинно так, мистер Рестон.

— Не зайдете ли, Сэм? Мне бы хотелось сказать вам пару слов...

— К вашим услугам, мистер Рестон. Аптекарь увел полицейского в лавку.

— Вам известно, Сэм, что я считаю себя хорошим гражданином и в качестве такового всегда стараюсь показывать пример другим.

Вступление немного удивило Тайлера, и он лишь кивнул в ответ.

— Так вот, чувство долга вынуждает меня поставить вас в известность... Дело вот в чем... Завтра

на рассвете Мак-Грю едет браконьерствовать на озеро Веннахар, чтобы вечером у Теда Булита потешить краденными у государства форелями аппетит нескольких таких же жуликов. Надеюсь, я правильно поступил, предупредив вас заранее, чтобы вы успели принять соответствующие меры и не допустить нарушения закона.

— Благодарю вас, мистер Рестон. Я передам это сержанту Мак-Клосту.

На самом деле добряк Тайлер вовсе не собирался ставить в известность своего шефа, поскольку Мак-Грю и компания были его лучшими друзьями. Напротив, он подумал, что надо посоветовать бакалейщику вести себя завтра с удвоенной осторожностью.

К несчастью, констебль не мог предвидеть, что Мак-Клосту вздумается поразмять ноги и что, совершая ежевечерний моцион, он тоже столкнется с аптекарем. Рестон издала заметил сверкающую с последних лучах предзакатного солнца огненно-рыжую бороду Мак-Клосту.

— Добрый вечер, сержант!
 — Здравствуйте, мистер Рестон!
 Хьюг подошел поближе.

— Ну... довольны? — шепнул он.

— Чем, мистер Рестон?
 — Да сведениями, которые я вам передал! Надеюсь, вы поймаете его с поличным, а?

— Кого?
 — Как — кого? Мак-Грю, конечно!

— И на чем я должен его подловить?
 Только тут до аптекаря внезапно дошло, что Тайлер его предал.

— Неужели Сэм ни слова вам не сказал?
 — Насчет чего?
 — О намеченной на завтрашнее утро браконьерской экспедиции!

— Браконьерской?
 Рестон воздел руки к небу.

— Господи! Да на кого теперь можно положитьсь? Так, значит, и Тайлер переметнулся в их лагерь!

— Не понимаю, о чем вы, мистер Рестон... Аптекарь объяснил сержанту, в чем дело, а Мак-Клосту, ловя каждое слово, чувствовал, как у него с головокружительной быстротой подсакивает давление.

— На вашем месте, Мак-Клосту, я бы подождал вечера и нагрнул в «Гордый Горец», когда все они усядутся за стол! Вас ждет потрясающий улов... — закончил Рестон.

— Боюсь, на это у меня не хватит терпения... — Даже не поблагодарив добровольного осведомителя, сержант, словно разъяренный бык, помчался в полицейский участок.

В блаженной уверенности, что его шеф, по обыкновению, вернется не раньше, чем через час, Сэм Тайлер устроился со всеми удобствами. Сняв китель, он развалился в кресле сержанта и даже позволил себе выпить капельку виски из запасов Мак-Клосту. Именно в эту минуту в дверях показался Арчибальд. Как ни странно, сержант не

разразился возмущенными воплями, а лишь молча сверлил подчиненного взглядом.

— Я... я только... э-э-э... шеф... — пробормотал Тайлер.

— Вы, Тайлер? — похоронным тоном простонал Мак-Клосту. — Мое кресло... мой кабинет... мое виски... Встаньте, Тайлер, и верните мне мое законное место!

— Да, шеф! Сию минутку, шеф! Тысячу раз прошу прощения, шеф!

— Вряд ли этого достаточно.

Арчибальд прошел мимо Тайлера и занял привычное кресло, а констебль, торопливо застегивая китель, вытянулся перед ним по стойке «смирно». Сержант с горечью посмотрел на виски.

— Прежде чем покинуть ряды полиции Ее Величества, будьте добры возместить нанесенный ущерб и заменить эту бутылку новой.

— Покинуть ряды?

— Количеству проступков и нарушений дисциплины, допущенных вами сегодня, более чем оправдывает ваше увольнение, бывший констебль Тайлер! — с жесткой иронией пояснил Арчибальд.

— Не может быть, шеф! Неужели вы сыграете со мной такую шутку?

— Еще как сыграю! И, честно говоря, не без удовольствия, Тайлер, потому что вы — мой тайный враг, и только сегодня я получил неоспоримое доказательство!

— Только потому, что сел в ваше кресло?

— Это — во-первых!

Констебль тем временем успел оправиться от охватившего его в первую минуту смущения и вдруг тоже разозлился.

— Черт возьми, уж не принимаете ли вы себя, часом, за самого архиепископа Кентерберийского?

— Мне вовсе не нужно быть архиепископом, чтобы уличить вас в воровстве!

— А что, если я вам морду набью?

На сей раз совершенно обалдел Мак-Клосту. Чудовищность угрозы и явный бунт подчиненного парализовали умственные способности сержанта. Сэм, воспользовавшись временным преимуществом, продолжал:

— Обозвать меня вором только за то, что я глотнул из чужой бутылки немножко виски, — просто свинство. А если вы потребуете моей отставки из-за своего драгоценного кресла, над вами будет хохотать все пертское начальство!

— Ах, вот как? Может, когда я расскажу, как вы спелись с худшими злоумышленниками Каллендера, оно тоже посмеется?

— Хоть вы и наверняка пьяны, Мак-Клосту, советую вам все-таки выбирать слова!

— Потрясающе! Вы лакаете мое виски, а пьян, по-вашему, я, да? А то, что вы сознательно не передали мне полученные от Хьюга Рестона сведения о браконьерских замыслах Мак-Грю, вероятно, тоже пустячок?

— У меня хватает других обязанностей перед городом, кроме как слушать дурацкие сплетни врагов и завистников! И предупреждаю вас, Арчи-

бальд, можете писать или болтать все, что вам взбредет в голову, никто все равно не поверит!

— Вот как?

— Да, и по двум причинам: во-первых, меня все знают и понимают, что я вовсе не тот человек, каким вы пытаетесь меня представить, во-вторых, вы — чужак, а у нас здесь ужасно не любят, когда посторонние притесняют местных! Так что, пожалуйста, поступайте, как заблагорассудится, сержант.

Раз вам угодно поддерживать кандидатуру аптекаря на следующих выборах в Окружной совет, дело ваше. Но попробуйте только затеять что-нибудь против меня, и, клянусь, с помощью мисс Мак-Картри я устрою вам тут веселенькую жизнь! А теперь, — с меня довольно, на сегодня я по горло сыт вашими бреднями и иду домой. Спокойной ночи!

— Тайлер! — рявкнул сержант, но констебль, даже не повернув головы, хлопнул дверью.

В отсутствие противника гнев Мак-Клосту мало-помалу утих. А совсем успокоившись, Арчибальд начал раздумывать, не совершил ли он первостатейную глупость? Вдруг Рестон солгал? Может, его, Мак-Клосту, решили поводить за нос и таким образом посмеяться над всей полицией Ее Величества?.. Короче, поразмыслив, Арчибальд пришел к выводу, что рапорт о недостойном поведении Сэма Тайлера выглядел бы не слишком убедительно. И, наконец, припомнив угрозы констебля, сержант почувствовал, как его прошибла холодная дрожь. А что, если и вправду весь Каллендер, и, главное, ужасающая Иможен, ополчатся против него? Да не пройдет и нескольких недель, как его либо упекут в больницу для умалишенных, либо посадят в тюрьму за убийство. Подобная перспектива заставила Мак-Клосту капитулировать без боя, и, схватив листок бумаги, он начал писать:

«Тайлер!

Я думаю, мы оба напрасно погорячились, дав волю своей буйной шотландской крови. Забудем взаимные упреки и обвинения. Я прощаю вам выпитое виски и готов согласиться, что, возможно, Хьюг Рестон сыграл со мной злую шутку. Как бы то ни было, долг повелевает нам проверить его утверждения. Жду вас завтра в участке не позднее пяти утра. И мы вместе прогуляемся к озеру Веннахар. Рассчитываю на вашу помощь —

Ваш начальник и все же друг

Арчибальд Мак-Клосту (сержант).

P.S. Тем не менее я продолжаю считать, что во имя морали, которую нам с вами доверено защищать, вам следовало бы проявить благородство и восстановить мои запасы виски».

Письмо отнес Тайлеру мальчик-посыльный. Однако сцена в полицейском участке так возмутила констебля, что он думал скорее о мести, чем о служении закону, а потому сразу отправился в «Гордый Горец» и, отведя Мак-Грю в сторонку, рассказал, какие против него затеваются козни. Бакалейщик поблагодарил, не понимая, впрочем, кто его

предал, поскольку никто, кроме Булита, понятия не имел о завтрашнем походе на озеро.

Зато поздно ночью все, кто жил поблизости от «Гордого Горца», слышали вопли и мольбы о помощи, но ни один из соседей и не подумал вмешаться, понимая, что это Тед в очередной раз воспитывает жену. Булит и в самом деле устроил Маргарет изрядную трепку, и, в конце концов, она нехотя признала, что проболталась о коварных замыслах Мак-Грю против форели озера Веннахар.

На заре Мак-Клосту и Тайлер выскользнули из полицейского участка и поехали к озеру Веннахар. Из машины они вышли довольно далеко от берега, не желая спугнуть предполагаемого браконьера, спрятались в зарослях деревьев и стали ждать, пока совсем не развиднеется. Наконец, небо посветлело, и они перешли к решительным действиям. Короткими перебежками Мак-Клосту и Тайлер добрались к самому берегу, и вскоре до них донесся необычный шум.

— Слышали, Тайлер? — шепнул сержант.

— Да, шеф.

— Как, по-вашему, что это такое?

— Право же... вроде бы кто-то закинул сеть...

— Я тоже так думаю. По-моему, это вон там, в тростниках. Пойдемте, но только тихо!

Едва полицейские добрались до зарослей тростника, перед ними выросла какая-то тень, и насмешливый голос осведомился:

— Во что это вы играете, ребята?

Полицейские замерли и, присмотревшись, узнали инспектора рыбнадзора Фергуса Мак-Интайра.

— Мы выслеживаем браконьера. А вы никого не видели?

— По правде говоря, нет. Сами знаете, те, кто охотится за дичью, меня не интересуют, не моя работа...

— Но то-то и оно, что этот тип собирался ловить форелей в озере Веннахар!

— Позвольте, ваша честь! Форели касаются только меня, и меня одного!

— Что вы имеете в виду, Фергус?

— Да то, что пока я — здешний сторож, вы не имеете права вмешиваться в мои дела, если я сам вас не позову! А я, кажется, и не думал вас звать, дорогие друзья!

— Иными словами, вы собираетесь помешать нам выполнить свой долг?

— Думайте, что говорите, сержант! Я, между прочим, тоже давал присягу!

— Неважно! Мы с Тайлером слышали, как кто-то совсем рядом забросил сеть!

— Ну, да?

— И я приказываю вам пропустить нас, Фергус Мак-Интайр!

— Нет!

— Это еще почему?

— Да просто у меня складывается впечатление, что вы хотите меня оскорбить, сержант Мак-Клосту, а уж этого, имейте в виду, я никак не потерплю!

Арчибальд заколебался. Кроме того, он полагал, что хитростью добьется гораздо большего, нежели силой.

— Ладно, Мак-Интайр, мы уступим — негоже заводить свару между людьми, защищающими одни и те же интересы...по крайней мере, хотелось бы так думать... Пошли, Тайлер.

Полицейские зашагали в обратном направлении, но, как только они оказались под прикрытием деревьев, сержант свернул налево, решив обогнуть препятствие и атаковать браконьера с тылу. Тогда Фергусу волей-неволей придется объяснять, почему он так бессовестно покрывает преступника. Стратегический маневр занял примерно четверть часа. Наконец, вынырнув из перелеска по другую сторону тростниковых зарослей, полицейские увидели сидящего на берегу мужчину.

— Он у нас в руках, Сэм! — прошептал Мак-Клосту.

Тайлер искренне огорчился за Мак-Грю, которому теперь, похоже, придется праздновать день рождения в самой неприятной обстановке.

И снова служители закона стали ползком пробираться к тростникам. Рыбак не слышал их приближения, очевидно, слишком увлекся преступной ловлей форели. Когда их разделяло всего два-три метра, полицейские встали, и сержант громовым голосом крикнул:

— Именем закона...

Мужчина обернулся.

— Опять вы, Мак-Клосту? Да что за муха вас укусила сегодня утром?

Перед ними вновь стоял Фергус Мак-Интайр, и Тайлер, взглянув на ошарашенную физиономию своего начальника, с трудом удержался от смеха.

Как только Арчибальд привел себя в порядок, первой его заботой было сходить в аптеку и спросить у Хьюга Рестона, не входило ли в его намерения поглумиться над полицией Ее Величества, выставив в нелепом виде двух ее представителей в Каллендере, и, если да, то знает ли он, чем это чревато.

— Я почти уверен, что мне не солгали, сержант. Просто Мак-Грю обвел вас вокруг пальца благодаря пособничеству Мак-Интайра. Но партия еще далеко не проиграна, и, послушай вы меня внимательнее вчера вечером, сегодня вам не пришлось бы без всякой пользы предпринимать столько мучительных усилий.

— Ну, да?

— Загляните нынче вечером в «Гордый Горец»! Право, я очень удивлюсь, если вы не застаете там нескольких джентльменов, пирующих за счет государства!

Мак-Клосту страшно хотел отомстить насмешникам и ради этого отважился бы на что угодно. Поэтому, дождавшись, когда из кабачка выйдет Маргарет Булит, сержант немедленно последовал за ней.

— Добрый день, миссис Булит!

— О, здравствуйте, сержант!

— Бедняжка! Насколько я вижу по вашему лицу, супруг опять обошелся с вами слишком жестоко.

— Ох, сержант, я, наверное, не вздохну спокойно, пока этого типа не вздернут на крепкой веревке.

— А знаете, я только и жду от вас жалобы, чтобы упечь его за решетку...

— Да... но как только вы его отпустите — мне конец!

— Зато тогда его наверняка повесят, и ваше желание исполнится.

— Да, но я-то этого все равно не увижу!

— Верно...А почему он вас избил на сей раз?

— Можно подумать, это чудовище нуждается в каких-то причинах...

— А это, случайно, не связано с форелью?

— Так вы тоже в курсе?

— Не забывайте, что я — полицейский, миссис Булит... И, по моим сведениям, Мак-Грю недавно принес вам около двух десятков рыбин...

— Две дюжины, сержант, и очень жирных!

— Вам, я думаю, известно, миссис Булит, что за браконьерство можно сесть в тюрьму и надолго?

— Это не касается таких типов, как Мак-Грю или мой муж!

— Ошибаетесь, миссис Булит... Вот, например, если бы вы согласились сделать так...

И они пошли рядом, оживленно переговариваясь. Но в Каллендере ничто не ускользает от пристального внимания сограждан, и миссис Мак-Грю, вернувшись из церкви, рассказала новость мужу:

— Я только что видела несчастную Маргарет Булит с сержантом Мак-Клостоу. Они так увлеклись разговором, что даже не заметили меня... Вот бы Маргарет сумела убедить Мак-Клостоу посадить ее бездельника за решетку!

Под внешней медлительностью Мак-Грю скрывался живой, если не сказать, пронизательный ум. И он сразу сообразил, что Маргарет толковала с сержантом вовсе не о вчерашних побоях. Не ответив жене, бакалейщик натянул на голову каскетку и побежал в «Гордый Горец». Войдя с черного хода, он разыскал Теда в погребке и долго о чем-то с ним совещался, а оттуда направился в рыбную лавку Гэвина Диппена. Тот так и не понял, зачем бакалейщику понадобилась свежая селедка, и непременно с головой и хвостом.

Не доверяя Тайлеру, Мак-Клостоу отпустил его пораньше, сказав, что Сэм уже немолод, и его наверняка измучила утренняя прогулка. Констебля так тронул этот знак внимания со стороны шефа, что он бросился в винный магазинчик, купил четвертинку виски и принес сержанту, умоляя простить вчерашнюю оплошность. Арчибальд взял бутылку, долго ее разглядывал и, наконец, кивнул:

— Спасибо, Сэм. Я так и думал, что в глубине души вы остались порядочным человеком!

Около девяти вечера Мак-Клостоу потихоньку вышел из полицейского участка и, крадучись вдоль стен, направился в «Гордый Горец». Сейчас, ближе к закрытию, в кабачке уже не слышалось привычного шума. В зале сержант с первого

взгляда заметил Хьюга Рестона, мясника Кита Лидберна и ветеринара Гленроуза. То, что эти трое оказались в заведении Булита, хотя обычно никто из них даже не переступал его порога, ясно свидетельствовало, что аптекарь нарочно собрал друзей, желая в полной мере насладиться решительной победой над общими врагами. Когда официант Томас принес ему виски, Мак-Клостоу насмешливо поинтересовался:

— А почему я не вижу Теда? Он, что, болен?

— Нет, сержант, сегодня вечером он принимает друзей и просил не беспокоить.

Арчибальд слегка повернулся к трем собутыльникам и громко переспросил:

— Так Булит не хочет, чтобы его беспокоили?

— Совершенно верно, сержант.

— Ну, что ж, очень жаль!

— Это еще почему, сержант?

— Потому что мне все-таки придется потревожить вашего хозяина!

Злорадный тон Арчибальда так воодушевил аптекаря, мясника и ветеринара, что они дружно вскочили и пошли следом.

Мак-Клостоу, отшвырнув ребром ладони несчастного Томаса, неосторожно попытавшегося преградить ему дорогу, толкнул кухонную дверь. Присутствие враждебной Булиту троицы придавало ему решимости.

Вокруг стола сидели пять человек: Тед Булит, виновник торжества Мак-Грю, Мак-Интайр, доктор Элскотт и, конечно же, Имоджен Мак-Картри. Все они удивленно посмотрели на непрошенных гостей, а Мак-Клостоу при виде Иможен едва не кинулся бежать, но стоявшие сзади трое свидетелей отрезали путь к отступлению.

— Жаль, что пришлось вас потревожить, джентльмены, — заявил сержант, — но, судя по запаху, стоящему в этой кухне, вы ели рыбу. Это, случайно, не форель?

— О, сержант, как вы могли подумать? Вы же сами отлично знаете, что в это время года ловить форель запрещено законом!

— Рад это слышать, Фергус Мак-Интайр, следовательно, вы не сможете отрицать злой умысел и соучастие в преступлении!

— А не могли бы вы хоть время от времени не валять дурака, Арчи? — подала голос Иможен.

— Положитесь на меня, мисс Мак-Картри, вы свое еще получите!

Сержант вытащил из кармана блокнот и начал переписывать фамилии всех присутствующих. Но не успел он закончить список, как Тед Булит поднялся со стула.

— Можно мне задать вам вопрос, сержант?

— Пожалуйста, мистер Булит.

Хозяин «Гордого Горца» указал на столпившихся за спиной Мак-Клостоу аптекаря, ветеринара и мясника.

— Что делают в моем доме эти субъекты?

— Это мои свидетели.

— Да? И что же они должны засвидетельствовать?

— Что вы едите форель, в нарушение закона пойманную сегодня утром Мак-Грю при пособничестве инспектора рыбнадзора Фергуса Мак-Интайра! Боюсь, этот подвиг будет стоить вам места, мистер Мак-Интайр. А вы, доктор Элскотт, из-за участия в сей скандальной вечеринке можете оставить всякую надежду попасть в Окружной совет.

Стоявшая немного в стороне миссис Булит с нетерпением ждала, когда сработает ловушка, подстроенная ею по указаниям сержанта, и готовилась торжественно предъявить завернутые в газету головы и хвосты убиенной форели.

А Мак-Грю, прикинувшись очень удивленным, повернулся к Иможен.

— Вы когда-нибудь слышали, мисс, чтобы у нас в озере Веннахар водилась селедка?

— Речь идет не о селедке, а о форели! — заорал Мак-Клостоу.

— В таком случае вы, вероятно, ошибаетесь, сержант, потому что мы ели селедку, которую я сам купил сегодня у Гэвина Диппена.

— Ах, значит, селедку?

— Да, селедку! — в один голос отозвались сидевшие за столом.

Полисмен подозрительно рассмеялся.

— Как интересно... они ели селедку... подумать только! — Арчибальд быстро схватил лежавший у раковины сверток. — Доказательство номер один! Миссис Булит?

— Да, сержант?

— Вы признаете, что это ваш сверток?

— Да, сержант!

— Вы сами его сделали?

— Да, сержант.

— А можете сказать, что там, внутри?

— Головы и хвосты рыбин, которых я приготовила на ужин своему супругу и его гостям.

— Когда они ели эту рыбу?

— Сейчас за ужином.

— И последний вопрос, миссис Булит: каким образом эта означенная рыба попала в ваш дом?

— Ее принес мистер Мак-Грю.

— Спасибо, миссис Булит. Надеюсь, вы все слышали?

— Да, мы вас прекрасно слышали, Арчи, — ответила за всех Иможен, — и это становится все забавнее...

— Не пройдет и нескольких минут, как у вас пропадет охота смеяться, — сухо пообещал Мак-Клостоу. — А пока попрошу господ Рестона, Гленроуза и Лидберна выступить свидетелями...

Полицейский, заранее предвкушая победу, развернул газету и разложил на столе бранные останки рыбы. В наступившей тишине голос Фергуса Мак-Интайра прозвучал особенно громко:

— Как эксперт могу заверить вас, что это действительно селедочные хвосты и головы, а я никогда в жизни не слышал о законе, запрещающем шотландцам есть селедку. Вы со мной не согласны, Мак-Клостоу?

Униженный и взбешенный сержант повернулся к Маргарет.

— Что это значит, миссис Булит?

Несчастливая женщина только руками развела в знак полного недоумения. А донельза раздраженный мясник повернулся к Иможен:

— Если хотите знать мое мнение, мисс Мак-Картри, вы самая настоящая отрава и заслуживаете хорошей взбучки!

Тед Булит не выносил, когда кто-нибудь осмеливался непочтительно разговаривать с Иможен, кроме того, у него руки чесались всыпать хорошенько Мак-Клостоу и его компании. Но бить полисмена — дело опасное и, учитывая это обстоятельство, Тед решил отыгаться на Лидберне. Поднявшись со стула, он подошел к мяснику.

— Вы — омерзительный тип, Лидберн, и самый настоящий подлец.

— А вы — жулик!

В ту же секунду правый кулак Булита врезался в переносицу врага, тот взвыл от боли и, плюхнувшись на пол, быстро поднес руки к лицу в тщетной попытке унять хлынувшую из носа кровь. Довольная физиономия хозяина «Гордого Горца» окончательно вывела из себя полицейского, и он нанес обидчику молниеносный удар слева. Булит без сознания рухнул к ногам жены. С этого все и началось. Фергус Мак-Интайр, по праву гордившийся недюжинной силой, налетел на сержанта, а Мак-Грю в это время без передышки колотил Гленроуза. Что до аптекаря и доктора Элскотта, они оба без лишнего шума пытались придушить друг в друга в уголке.

Очень скоро победа стала клониться на сторону клана Мак-Грю, хотя миссис Булит, переметнувшись во вражеский стан, изо всех сил стукнула ручкой метлы мужа, едва тот попытался встать. Фергусу Мак-Интайру наверняка не удалось бы совладать с Мак-Клостоу, не потеряй тот в пылу сражения каску. Но Иможен, воспользовавшись этим обстоятельством, разбила о голову сержанта кувшин с водой. Арчибальд с идиотской улыбкой немного покачался на ногах, а потом во всю длину упал навзничь. Мак-Интайр, развернувшись, стал искать нового противника. На глаза ему попался вконец обалдевший Лидберн. Мясник все еще держался за нос и только что кое-как принял вертикальное положение. Не останавливаясь, Фергус провел великолепный апперкот, и, как только его кулак соприкоснулся с подбородком Лидберна, тот взмыл над землей и без чувств свалился рядом с Мак-Клостоу. Маргарет, давно мечтавшая утолить многолетнюю, упорную месть к мисс Мак-Картри, подкралась сзади и нанесла ей сильнейший удар палкой. Иможен в это время с легкой тревогой склонилась над Арчибальдом, дабы убедиться, что не прикончила его на месте. Нападение миссис Булит застало воительницу врасплох, и она без единого звука грохнулась прямо на недвижимое тело сержанта. Маргарет уже хотела издать победный клич, но в ту же секунду в грудь ей угодила бутылка виски, брошенная Гленроузом в последней попытке спастись от натиска Мак-Грю. Миссис Булит тихо икнула и упала в обморок. Тем временем более тренированный доктор Элскотт с

наслаждением мутузил своего соперника Хьюга Рестона.

Вошедший в эту минуту Сэм Тайлер, за которым успел сбегать перепуганный Томас, так и застыл на пороге, не веря собственным глазам. Среди неопишемого беспорядка возвышались лишь Мак-Грю и Мак-Интайр, да врач с аптекарем продолжали выяснять отношения на полу. Бакалейщик, утирая ребром ладони рассеченную губу, улыбнулся констеблю.

— Отличная потасовка, Сэм!

— По-моему, мы дали им хороший урок, — добавил Фергус.

— Но... почему?

— Да так, поспорили из-за рыбы... Мак-Клосту не понравилось, что мы ее едим.

— Честное слово, вы все просто взбесились! И растащите-ка поскорее этих двух старых идиотов, а то как бы они и вправду не прикончили друг друга!

Пока Рестона спасали от цепких объятий доктора Элскотта, Тайлер, вооружившись ведром воды и раздавая налево-направо пощечины, приводил в чувство тех, кто лежал на полу без сознания. Благодаря могучему телосложению, первым пришел в себя Мак-Клосту и, обедев затуманенным взглядом кухню, узрел смешавшуюся с его бородой огненную шевелюру. Голова отказывалась работать, и все же до сержанта почти мгновенно дошло, что в Каллендере есть только одна обладательница столь ослепительной рыжей гривы — мисс Мак-Картри. В полной панике бедняга полицейский рванул и сел, но это резкое движение встряхнуло Иможен, и та, еще плохо понимая, что делает, уцепилась за шею Арчибальда. Сержант тихо заскулил от ужаса, и от его стонов Иможен окончательно пришла в себя.

— Я почти ничего не помню, — вздохнула она, — но, надеюсь, вы не позволите себе ничего лишнего, Арчи!

— На помощь, Тайлер!

Сэм подбежал и, подняв Иможен, дружески похлопал ее по плечу.

— С вами все в порядке, мисс?

— Даже не знаю, что со мной было... Сначала вроде бы что-то упало на голову, а очнулась я в объятиях Арчи.

— Это я звал вас на помощь, Тайлер! — сердито напомнил Мак-Клосту.

Констебль поспешил помочь шефу подняться на ноги, и тот, окинув поле сражения восхищенным взглядом, присвистнул.

— Вот это да, Сэм! Если бы я еще мог выяснить, кто напал на меня сзади... Это, случаем, не ваша работа, мисс Мак-Картри?

— Моя? Ну что за гадкие подозрения, Арчи! Тем более сейчас, после того, как вы меня так ужасно скомпрометировали...

Мак-Клосту, распахнув дверь, во все лопатки дал стрекача и, в рекордное время добравшись до полицейского участка, наглухо там забаррикадировался.

Сражение в «Гордом Горце» отошло в область легенды, жизнь Каллендера вернулась в нормальную колею, и семейный совет с участием Лидбернов, Рестонов и Глунроузов состоялся в намеченное время. Принимавшая гостей Флора Лидберн целый день провела у плиты.

Когда все поужинали и поблагодарили хозяйку дома, женщины перешли в ее комнату, оставив мужчин пить и курить в гостиной. Дженет, добросовестно помогавшая матери с готовкой и со времени неудачного самоубийства удивительно молчаливая, попрощалась с дядей, крестным и отцом, расцеловала тетку и крестную, а потом с особой нежностью — мать. Флора не привыкла к дочерним ласкам и чуть не расплакалась от радости. Бедняжке, естественно, и в голову не пришло, что таким образом Дженет просто хотела заранее извиниться за все огорчения, которые принесет матери ее бегство с Ангусом. Теперь наследница Лидбернов могла удалиться к себе в комнату и терпеливо ждать удобного момента незаметно присоединиться к возлюбленному, поджидавшему ее в подъезде соседнего дома.

Около одиннадцати жены Рестона и Гленроуза откланялись. Жили они неподалеку друг от друга и пошли домой вместе. Наконец, миссис Лидберн смогла лечь спать.

Оставшись одни, мужья откупорили принесенную Гленроузом бутылку коньяка, и Кит с Дермотом, к величайшему негодованию Рестона, налили себе изрядные порции. Выпив и пощелкав в знак полного удовлетворения языком, Дермот Гленроуз спросил:

— Так вы думаете, Кит, Дженет в тот день все-таки пыталась покончить с собой?

— Боюсь, что да.

— По-вашему, на нее кто-то дурно влияет?

— Честно говоря, не представляю, кто бы мог на нее повлиять, кроме Ангуса Кёмбре.

— Само собой, вы и мысли не допускаете о возможности подобного союза?

— Чтобы неизвестно откуда взявшийся парень, да еще без гроша в кармане, стал моим зятем? Да никогда в жизни! Ишь, чего захотел: жениться на дочке, чтобы прибрать к рукам денежки ее отца! Нет уж, пусть поищет других дураков!

— И что вы собираетесь делать?

— Хьюг... а нельзя ли на какое-то время отправить Дженет к вашей сестре в Соединенные Штаты? Если бы Присцилла согласилась ее принять...

— По-моему, у нас нет никаких причин вам отказывать... Завтра же напишу.

— Спасибо. Надеюсь, новые впечатления и совершенно другая жизнь научат мою дочь более здраво смотреть на вещи.

К несчастью для Дженет, трое мужчин ненадолго умолкли и в тишине явственно услышали, как часы в холле бьют половину двенадцатого, и кто-то в холле крадучись спускается по лестнице. Друзья с недоумением переглянулись и одновременно выскочили из гостиной. Все трое оказались в холле в ту самую минуту, когда Дженет с

чемоданом в руке открывала входную дверь. Они притащили девушку в гостиную, и Кит пригрозил избить ее до полусмерти, если немедленно не расскажет всю правду. А если эта правда окажется таковой, как он подозревает, ей грозит еще одна, не менее жестокая порка. Чувствуя, что дело может обернуться худо, Дермот Гленроуз поспешил вмешаться.

— Да ну же, Дженет, моя крошка... — примирительным тоном сказал он. — Неужто вы и в самом деле хотели бежать из дома ваших родителей, из своего родного дома?

— Я здесь слишком несчастна!

— Из-за Ангуса Кёмбре?

— Да.

— И вы бежали к нему?

— Да.

— Куда же?

Дженет не могла в одиночку выдержать натиск троих мужчин и, в конце концов, призналась, где ее ждет возлюбленный.

— Ага! — преисполнившись мстительной решимости, воскликнул ее отец. — Сейчас я устрою небольшой сюрприз вашему недоделанному Ромео. Положитесь на меня!

Но не успел кипящий от ярости мясник подскочить к двери, как его остановил Рестон.

— Нет, Кит! Вы слишком вспыльчивы, а в подобных делах требуется немалое хладнокровие. Я сам объясню с парнем и попробую ему втолковать, насколько его план аморален.

— Он любит меня, дядя Хьюг! — простонала Дженет.

— Тем более, дитя мое! Если Кёмбре вас любит, значит, должен уважать и не пытаться вовлечь в историю, равно позорную как для вас, так и для нас всех.

Лидберн проводил аптекаря в холл и, когда тот уже собирался повернуть ручку двери, достал из ящика подставки для шляп огромный револьвер, оставшийся у него со времен службы в ополчении.

— Возьмите-ка это, Хьюг... С нынешними юными психами никогда не знаешь, чего ожидать...

Вооруженный револьвером Рестон направил стопы туда, где Ангус прятался в ожидании девушки, не зная, что она уже не придет.

Кит вернулся в гостиную с твердым намерением прочитать дочке хорошую нотацию.

— Дженет, вы глубоко меня разочаровали. Ни я, ни, тем более, ваша мать никогда не ожидали...

Но Дженет, не желая слушать отцовских наставлений, убежала, глотая слезы. Мужчины на миг замерли, задыхаясь от удивления и негодования, потом Гленроуз заметил:

— Лучше оставить ее в покое. Сейчас девочка просто не в состоянии воспринимать что бы то ни было.

Мясник пожал плечами.

— Все женщины — тронутые!

Дермот предпочел сменить тему.

— По-моему, со стороны Хьюго очень неосторожно броситься ночью, в темноте, на встречу с

этим малым. Кто знает, вдруг этот Ангус Кёмбре вооружен?

— Вы не думаете, Кит, что сейчас самое время?

— Для чего?

— Присоединиться к Хьюгу.

Все вышли в холл.

— У меня есть еще один пистолет, — сказал мясник. — Взять его с собой?

— Разумеется...

На улице они ненадолго замерли, прислушиваясь. Но тишину ночи не нарушил ни один подозрительный звук, и приятели осторожно двинулись вдоль стены. Вскоре они увидели идущего навстречу Рестона.

— Хьюг! — окликнул аптекаря Лидберн, как только на того упал свет фонаря.

Рестон остановился. И почти в ту же секунду прогремел выстрел. Они увидели, как Хьюг вскинул руки к голове, повернулся вокруг собственной оси и, словно подкошенный, упал на тротуар. Гленроуз и Лидберн бросились к нему. Дермот, пытая и придерживая внушительное брюшко, опустился на колени, но почти тотчас встал.

— Мертв...

— Не может быть!

Однако, прежде, чем Гленроуз успел ответить, невдалеке послышался громкий топот, и из тени вынырнул Ангус Кёмбре.

— Что тут происходит?!

Друзья налетели на него и схватили за руки.

— И вы еще смеете спрашивать, убийца! — зарорал Лидберн.

Глава 3 Самоубийство Мак-Клосту

Арчибальд Мак-Клосту спал. И спал он мирным сном человека, не ведающего ни сложностей с пищеварением, ни тяжких забот. Внезапно этот блаженный сон нарушил громкий звук, исходящий от двери полицейского участка, в которую кто-то изо всех сил дубасит кулаками.

У сержанта окончательно испортилось настроение. Он терпеть не мог, когда кто-то осмеливался нарушать его покой. С трудом поднимаясь на ноги, Мак-Клосту внезапно застыл, вне себя от страха, ибо теперь с улицы донесся крик:

— Пожар!

Сержант мигом вскочил и, сунув ноги в тапочки, кинулся вниз по лестнице.

— Где? — завопил он, едва открыв дверь.

Томас, официант из «Гордого Горца», улыбнулся Мак-Клосту.

— Это неправда...
 — Что?
 — Я крикнул «Пожар!», чтобы вас разбудить.
 — А, так вы хотели малость поразвлечься? Думаете, вам позволено будить меня посреди ночи из-за несуществующего пожара, и все сойдет с рук?
 — Я хотел разбудить вас, чтобы рассказать об убийстве.
 — Убийство?!
 — Мистера Хьюга Рестона.
 — Аптекаря?
 — Ну, да! И, честно говоря, вид у него довольно жуткий — все лицо залито кровью...
 — А известно, кто его прикончил?
 — Вроде бы молодой Ангус Кёмбре.
 — И где же труп?
 — Рядом с лавкой Лидберна, на тротуаре под самым фонарем.
 — Бегите к моему помощнику Тайлеру и скажите, что я буду его ждать, передайте то же самое доктору Элскотту, а я поспешу на место преступления.
 Официант тут же выскочил, а взгляд полицейского остановился на бутылке виски, которую он, уходя спать, оставил на столе. Бутылка была пуста, хотя Мак-Клостоу точно помнил, что перед сном опорожнил ее только до половины.
 — Проклятый Томас! — прохрипел он в благородном гневе и вылетел в темноту ночи, покаявшись, что скоро в Каллендере произойдет еще одно убийство, ибо он непременно отомстит этому гнусному пьянице.

Кёмбре не сразу отреагировал на обвинение, но, оправившись от шока и сообразив, что к чему, стал яростно отбиваться и, в конце концов, вырвался из рук обоих своих противников. Однако вместо того, чтобы спастись бегством, Ангус изо всех сил треснул Лидберна кулаком, и его будущий тесть без чувств распластался на тротуаре. Гленроуза, несомненно, ожидала точно такая же судьба, но несколько запоздалых прохожих и соседей бросились на подмогу ветеринару. Совместными усилиями им не без труда удалось скрутить разбушевавшегося молодого человека.
 Когда к нему подбежал Мак-Клостоу, убитого уже осматривал доктор Элскотт.
 — Ну, доктор?
 — Что — ну? Он мертв. А вы, что, сами об этом не догадывались?
 Мак-Клостоу, благоразумно промолчав, повернулся к констеблю.
 — Позвоните в больницу, Сэм, и попросите прислать «перевозку», а потом предупредите миссис Рестон, какое ее постигло несчастье.
 — Но, шеф, в мои обязанности не входит извещать родственников о...
 — Вы, что же, публично отказываетесь выполнить приказ, Тайлер?
 Гленроуз выступил вперед.
 — С вашего позволения, сержант, я возьму на себя эту тяжкую миссию...
 — Ладно, договорились.

Свалив с плеч печальную заботу, Мак-Клостоу, наконец, получил возможность допросить предполагаемого убийцу. Он подошел к Ангусу Кёмбре, которого доброхоты все еще держали за руки, и надел на него наручники.
 — Вот так, теперь можете отпустить... Ну, мой мальчик, вам так не терпелось попасть на виселицу?
 — Это не я!
 — Понятно... Значит, рассчитывать хоть на какое бы то ни было сотрудничество с вашей стороны — бесполезно?
 — Да говорю же вам: я его не...
 — Ладно-ладно...
 — У него в правом кармане пиджака все еще лежит пистолет, сержант! — предупредил кто-то из свидетелей.
 — Отлично! Главное — ничего не трогайте! Машина «Скорой помощи» увезла тело покойного Хьюга Рестона. А Мак-Клостоу обратился к Тайлеру:
 — А теперь, Сэм, думаю, мы должны оказать этому молодому человеку гостеприимство и запелить его в уютной камере, дабы он мог спокойно поразмыслить на досуге, как нехорошо убивать ближних! Ну, вперед!
 Когда они вошли в кабинет, сержант, снова увидев пустую бутылку, на мгновение впал в транс.
 — Не забудьте напомнить мне, Сэм, что я должен сказать пару ласковых Томасу из «Гордого Горца». А сейчас снимите с арестованного наручники, усадите вот на этот стул и встаньте у двери на случай, если ему взбредет в голову фантазия нарушить мирное течение разговора и попытаться сбежать.
 Усевшись за стол, Арчибальд снял чехол с древней пишущей машинки и заправил в нее лист бумаги.
 — Ну, выкладывайте, мой мальчик.
 — Клянусь вам, что...
 — Это потом, а пока отвечайте только на мои вопросы. Итак: имя, фамилия, возраст, адрес, профессия...
 — Кёмбре Ангус, двадцать пять лет... Живу у мистера Стоу, владельца гаража и бензоколонки у дороги в Доун, работаю там же механиком...
 — Отлично. Где вы родились?
 — Понятия не имею. Знаю только, что вырос в сиротском приюте Перта, а если у меня и есть мать и отец, то о них я ни разу не слышал.
 — Так вот в чем причина... Вы страдаете комплексом обездоленности и поэтому выстрелили в Хьюга Рестона!
 — Не улавливаю никакой связи между тем и другим!
 — Это не имеет значения, довольно и того, что я ее вижу! Вы еще ни разу не сидели в тюрьме?
 — Нет, никогда.
 — Это потому, что вам повезло!
 — Я не позволю вам...
 — Молчать! Расскажите лучше, зачем вам вдруг понадобилось убивать Хьюга Рестона?
 — Я его не убивал.
 — Тогда что вы делали возле трупца?

— Там был не я один! Лидберн и Гленроуз тоже стояли рядом!
 — Оба живут поблизости, кроме того, они провели вечер у Лидбернов. Но вы-то зачем вертелись возле мясной лавки?
 — Я ждал Дженет Лидберн.
 — В такой поздний час?
 — Дженет знала, что я ее жду.
 — И куда же вы собрались среди ночи?
 — Дженет решила уйти из дома, потому что ее родители упорно противятся нашему браку.
 — Замечательный у вас склад ума! А когда вместе Дженет из дома вышел ее дядя Рестон, вы струхнули и принялись в него палить?
 — Я увидел Рестона уже мертвым!
 — Пустая болтовня! Почему я должен верить вам на слово?
 Ангус сунул руку в карман и вытащил револьвер, который у него в суматохе так и не забрали. Арчибальд на несколько секунд перестал дышать.
 — Будь я тем, за кого вы меня принимаете, давно воспользовался бы этим оружием и вернул себе свободу! Но у меня нет ни малейшего желания убивать кого бы то ни было!
 Ангус бросил на стол револьвер перед Мак-Клостоу, и тот осторожно обернул его платком.
 — Не понимаю, о чем вы только думаете, Тайлер! — сердито проворчал сержант. — Оставить подозреваемому в убийстве револьвер! Честное слово, вам пора в отставку! А что до вас, мой юный друг, то эта демонстрация ровно ничего не доказывает. Вы просто не могли в меня выстрелить.
 — Это еще почему?
 — Потому что я — сержант Мак-Клостоу, и, застрелив меня, вы подписали бы себе смертный приговор. Но я не собираюсь с вами препираться. Быстренько идите в камеру, где мы держим арестантов, а завтра я с удовольствием переправлю вас в Перт. Уж там вами займутся куда менее вежливые люди, чем я!
 — А такие бывают?
 — Уведите его, Тайлер!
 Когда Сэм запер камеру, молодой человек чуть слышно шепнул:
 — Умоляю вас, Сэм, предупредите Стоу и мисс Мак-Картри. Только они одни могут вытащить меня из этого кошмара!

На следующий день, узнав о насильственной смерти кандидата в Окружной совет Хьюга Рестона, весь Каллендер облачился в траур. Известие о том, что в убийстве подозревают такого симпатичного молодого человека, как Ангус Кёмбре, тоже никого не обрадовало. По городу расползались разные слухи. Многие поспешили выразить соболезнования миссис Рестон и пришли к единодушному выводу, что вдова выглядит явно помолодевшей, и черный цвет ей удивительно к лицу. Злые языки не преминули заметить, что миссис Рестон не слишком опечалена гибелью супруга, а миссис Шарп достаточно громко, чтобы слышали окружающие, сказала миссис Фрейзер:

— Впрочем, если бы бедняжка Фиона вздумала носить траур по всем, кого дарила особым вниманием, ей бы уже лет двадцать пришлось ходить только в черном...
 Весть об убийстве очень быстро распространилась за пределы города.
 Арчибальд мучился над рапортом суперинтенданту (он сидел за машинкой с самого рассвета), и лишь телефонный звонок оторвал его от неимоверных умственных усилий. Звонил из Перта суперинтендант Копланд.
 — Алло, Мак-Клостоу?
 — Так точно, сэр.
 — Что это еще за история с убийством в Каллендере?
 Стараясь говорить как можно яснее, сержант передал последовательность событий.
 — Кто жертва?
 — Хьюг Рестон, аптекарь, а также соперник доктора Элскотта на предстоящих выборах в Окружной совет.
 — Скверная история, Мак-Клостоу...
 — Да, сэр, но убийца — уже за решеткой.
 — Он сознался?
 — Пока нет. Я жду результатов вскрытия, чтобы окончательно припереть парня к стенке.
 — Это политическое убийство?
 — Да нет, тут замешана, скорее, любовь, сэр.
 — Вы уверены?
 — Да, сэр, вполне.
 — Когда вы к нам его отправите?
 — Как только получу заключение эксперта.
 — Что ж, я вас жду. До скорого, Мак-Клостоу, и — браво!
 Широкая грудная клетка Арчибальда раздулась от гордости, и сержант с удвоенным рвением принялся за работу.
 Ближе к полудню в Каллендер примчались репортеры пертских газет и сразу поспешили в полицейский участок. Мак-Клостоу принял их с нескрываемой радостью и тут же подробно рассказал и об убийстве, и о мотивах преступления, и о его неизбежных последствиях.
 — А каким же образом получилось, сержант, что Кёмбре стрелял в дядю мисс Лидберн, а не, скажем, в ее отца? — спросил кто-то из журналистов.
 — По-моему, он просто ошибся. Было уже темно, Кёмбре струсил и не успел толком разглядеть будущую жертву.
 — Он уже признал вину?
 — А вы хоть раз видели, чтобы преступник сразу же раскололся?
 В этот момент в участок влетела Иможен Мак-Картри и стремительно приблизилась к столу сержанта.
 — Послушайте, Арчи, если вы сию секунду не отпустите ни в чем не повинного человека, вам придется иметь дело со мной!
 Чувствуя за собой поддержку заинтересованной аудитории, Мак-Клостоу выпятил грудь колесом.

— Присутствующим здесь джентльменам прекрасно известно, на какие эксцентрические выходы вы способны, мисс...

— Равно как и ваша ни с чем не сравнимая тупость!

— Мисс Мак-Картри, вы преступаете всякие границы дозволенного!

Обернувшись к журналистам, Иможен указала на Арчибальда:

— Этот самодовольный чужак вообразил, будто знает горцев лучше их самих! Никто не видел, чтобы Ангус Кёмбре стрелял в Хьюга Рестона! Зато сержант наверняка забыл вам рассказать, что жертва держала в руке армейский пистолет!

Репортеры, не скрывая любопытства, заволновались.

— Это верно, сержант? А почему покойный мистер Рестон счел нужным вооружиться? Нет ли тут сведения счетов? Или вы пытаетесь от нас что-то скрыть?

Мак-Клосту примирительным жестом вытянул руки.

— Минутку, джентльмены! Мистер Рестон, по поручению мистера Лидберна, собиравшись высказать Кёмбре все, что думает о его поведении. Мистер Лидберн, опасаясь буйного характера Кёмбре, сам посоветовал шурина взять с собой пистолет. Дальнейшее показало, насколько он был прав. Что до странного интереса мисс Мак-Картри к этому делу, подобная забота о молодом человеке значительно младше ее...

В толпе журналистов послышались смешки, и щеки Иможен мгновенно окрасились в тот же огненный цвет, что и ее волосы.

— Арчи... — в бешенстве прохрипела она. — И вы смеете публично ставить под сомнение мою нравственность? Нравственность дочери капитана Мак-Картри?

— Признайте, что ваше поведение выглядит довольно необычно, мисс...

— А как насчет этого?

И, к великой радости фотографов, тут же защелкавших аппаратами и камерами, мисс Мак-Картри быстро сорвала с правой ноги туфлю и швырнула в физиономию Мак-Клосту. Тот пошатнулся от удара.

— А теперь, дурно воспитанная горилла, я жду от вас извинений! — бросила Дева Гор.

Сержант, по-видимому, утратив всякую власть над собой, выхватил револьвер. К счастью, в эту минуту вошел доктор Элскотт. С первого взгляда оценив положение, он весело заметил:

— Ну, Мак-Клосту, опять вы забавляетесь, как мальчишка?

Атмосфера сразу разрядилась. Арчибальд, проведя по лбу дрожащей рукой, убрал револьвер.

— Покажите-ка мне пистолет Ангуса Кёмбре, сержант, — попросил врач.

Полисмен достал из ящика стола оружие Ангуса.

— Так я и думал, — проворчал Элскотт и, кинув на стол перед сержантом расплющенный кусочек

свинца, добавил: — Вот пуля, которую я извлек из черепа Рестона, и, если она подходит к этому пистолету, готов съесть собственную шляпу!

Журналисты подошли поближе и воочию убедились, что Ангус Кёмбре никак не мог стрелять в Рестона, во всяком случае, из пистолета.

— Но, в конце-то концов, что все это значит? — в полной растерянности воскликнул Мак-Клосту.

— Всего-навсего, что аптекаря прикончил не Ангус, а кто-то другой.

— Это невозможно!

— Не станете же вы спорить с очевидными фактами?

— Но я ведь уже сказал суперинтенданту...

— Догадываюсь, что вы успели ему наговорить... уж лучше б прикусили язык, и к тому же...

— Да?

— Что вам стоило хотя бы вытащить магазин? Тогда вы увидели бы, что все патроны на месте...

Небрежность сержанта возмутила даже тех, кто до сих пор поддерживал его версию. Мак-Клосту на негнущихся ногах пошел открывать камеру, где томился Кёмбре.

— Можете идти... вы свободны.

Журналисты мгновенно окружили Ангуса и увели из участка, умоляя поделиться впечатлениями, рассказать о романе с Дженет Лидберн и так далее и тому подобное. А бедняга сержант вернулся к себе в кабинет и, обхватив голову руками, стал раздумывать о постигшем его несчастье и о том, как полнее объяснить суперинтенданту, что он в очередной раз угодил пальцем в небо. И все — из-за дурня мясника и кретина ветеринара! Эта мысль преисполнила сержанта решимости. Арчибальд вскочил, нахлобучил на голову каску и бросился к двери, но его остановил насмешливый голос Иможен:

— Как мне ни жаль вас, Арчи, но я все-таки рада за Ангуса!

— А мне что за дело? И, кроме того, мы с вами еще далеко не в расчете. Не забывайте, что вы бросили мне в лицо свою туфлю!

— Так вы же меня публично оскорбили!

Они с неприкрытой враждебностью смотрели друг на друга.

— Ох, если б вы только могли видеть себя со стороны, наверняка сами не удержались бы от смеха! — фыркнул доктор Элскотт. — Ну, что вам мешают, наконец, помириться?

Арчибальд разразился свирепым смехом.

— Я бы предпочел поухаживать за львицей, у которой только что отняли малышей!

— Продолжайте в том же духе, Арчи, и, пожалуй, схлопочете второй башмак!

— Хотел бы я на это взглянуть!

Иможен нагнулась, а сержант, воспользовавшись тем, что противница не ожидает нападения, схватил ее за талию, швырнул в клетку и, поспешно выскочив, захлопнул за собой дверь. Мисс Мак-Картри, вцепившись в решетку, стала осыпать его проклятиями.

Доктор Элскотт приблизился к запертой в клетке Иможен.

— Мне ужасно досадно, дорогая, но сержант унес с собой ключ...

— Он мне еще заплатит!

— Как хороший игрок, мисс Мак-Картри, признайте, что нельзя всякий раз выигрывать, и смиритесь с неизбежным. Потерпите немного — через полчаса я вернусь и, если до тех пор Мак-Клосту вас не выпустит, поставлю его на место!

Сержанту вскоре пришлось вернуться в участок. Он молча подошел к камере и открыл ее.

— Уходите, мисс Мак-Картри... Но в следующий раз я буду далеко не так покладист, имейте в виду!

— Хорошо, Арчи.

Тон дочери капитана и ее явное смирение мгновенно насторожили полицейского. Какую еще пакость задумало это омерзительное создание? И Мак-Клосту решил удвоить бдительность.

— Вы позволите мне забрать туфлю, Арчи?

Сержант пожал плечами и снял трубку — пора было звонить в Перт суперинтенданту Копланду и объяснять, что опять вышло недоразумение, и он ошибся.

— У вас что-нибудь новенькое, Мак-Клосту? — сразу спросил его суперинтендант.

— Да, сэр... произошла... ошибка...

— Вот как? Значит, никто не умер?

— Нет-нет, труп по-прежнему в морге... но выяснилось, что подозреваемый, которого я арестовал, никак не мог совершить это убийство... Кэлибр пули, извлеченной из головы покойного, не соответствует его оружию...

— Неужели вы не заметили этого раньше?

— Дело в том...

— Тут не о чем даже говорить, сержант!

Просто-напросто вы в очередной раз доказали, что не в состоянии выполнять возложенные на вас обязанности!

Мак-Клосту нервно оттянул пальцами воротничок рубашки.

— Уверяю вас, сэр, я... я...

— Молчите уж!

Иможен вдруг выхватила трубку из рук совершенно убитого горем и потому не способного сопротивляться сержанта.

— Алло, мистер Копланд? Это Иможен Мак-Картри.

— Здравствуйте, мисс, как поживаете?

— Спасибо, хорошо. Я просто хотела вам сказать, что Мак-Клосту выполнил свой долг и никак не мог поступить иначе, не рискуя вызвать в городе беспорядки.

— Спасибо, мисс. Из ваших уст такая оценка положения особенно весома. Будьте любезны, дайте еще раз трубку сержанту. Алло, Мак-Клосту? Мисс Мак-Картри объяснила мне ситуацию. Я беру свои слова обратно и прошу прощения за то, что был к вам несправедлив. А насчет убийства не беспокойтесь — я кого-нибудь пришлю вам в помощь. До скорой встречи...

Сержант повесил трубку. Физиономия его так и сияла от счастья. В мгновение ока выскочив из

за стола, Мак-Клосту обнял Иможен и завертел по комнате. Мисс Мак-Картри несказанно удивилась.

— Но, Арчи...

— Вы меня просто спасли, мисс, и я никогда этого не забуду!

Буйная радость вдруг вытеснила все скопившиеся за долгие годы обиды, и, трепеща от избытка чувств, Мак-Клосту прижал старую деву к груди и расцеловал в обе щеки. Доктор Элскотт, явившийся улаживать конфликт между Арчибальдом и его врагиней, с изумлением узрел их в объятиях друг друга.

— До чего же приятно видеть, что вы помирились и без моей помощи! — весело воскликнул он.

Только в эту минуту до Арчибальда Мак-Клосту дошло, что он наделал.

— Не знаю, какая муха меня укусила, — смущенно пробормотал полицейский.

— Что ж, могу вам объяснить, Арчи, — с иронией заметил врач. — Это явление хорошо известно во всем мире, и у него есть вполне конкретное имя...

— Нет-нет!

Иможен расплылась в самой нежной улыбке.

— Вот уже второй раз всего за несколько дней, Арчибальд Мак-Клосту, вы довольно настойчиво доказываете мне свою привязанность, — кокетливо промурлыкала она.

— Я? Да что вы, мисс Мак-Картри... Не может быть! Вы, наверное, не так поняли...

— Ну, чтобы разобратся в таких вещах, вовсе необязательно заканчивать Оксфорд, Арчи... У меня до сих пор щеки горят от вашей колючей бороды!

Сержант не на шутку встревожился.

— Клянусь вам, мисс...

Доктор Элскотт выразительно потирал руки.

— Ох, чувствую, нас скоро ожидает свадьба!

Мак-Клосту подскочил.

— Как? Что вы сказали?

— Вот уже два раза, Мак-Клосту, в «Гордом Горце» и здесь, вы серьезно скомпрометировали мисс Мак-Картри. А такой порядочный человек, конечно, без колебаний выполнит свой долг.

Подхватив Иможен под руку, врач быстро вывел ее из участка, а полицейский стоял, как громом пораженный.

Наконец, он опустил в кресло и, прикрыв лицо руками, попытался представить себе совместную жизнь с мисс Мак-Картри. Очень скоро волосы у него встали дыбом от ужаса. Чтобы хоть отчасти восстановить душевное равновесие, Арчибальд достал из-за кипы досье с надписью «Совершенно секретно» бутылку виски, которую всегда хранил там на случай крайней нужды тайно от Сэмюэля Тайлера, чьи бессовестные набеги на запасы начальства не достигали «святой святых». Откупорив бутылку, Мак-Клосту выхлебал сразу треть ее содержимого. Голова слегка закружилась, но, вопреки ожиданиям, массивная доза алкоголя лишь усугубила отчаяние, и бедняга сержант погрузился в глубокую меланхолию.

Теперь Арчибальд видел только одно средство избежать кошмарной участи, уготованной ему рядом с Иможен — как можно скорее умереть. Следуя давней традиции, Мак-Клосту счел своим долгом оставить помощнику записку, чтобы его исчезновение не нанесло урон полицейской службе Каллендера.

«Мой дорогой Тайлер!

По оплошности угодив в чудовищную ловушку, я не нашел иного способа спастись, кроме смерти. Да, я знаю, как тяжело видеть безвременную кончину человека моих достоинств, иногда бороться со злой судьбой совершенно бесполезно. Прощайте, Тайлер. Я всегда вас глубоко уважал, невзирая на вашу досадную привычку пить мое виски, не испытывая при этом никаких угрызений совести.

*Покойный Арчибальд Мак-Клосту,
бывший сержант полиции Ее Величества».*

Составив это послание, Арчи, по-прежнему в полном соответствии с полицейским уставом, повесил на дверь кабинета импровизированную табличку с надписью «Временно закрыто по случаю самоубийства» и поднялся к себе в спальню. Там он облачился в парадную форму, поставил у изголовья бутылку виски и прилег на минутку, чтобы хорошенько обдумать, каким образом он собирается покинуть этот мир.

Вернувшись с обхода и обнаружив на самом видном месте оставленную сержантом табличку, Сэм Тайлер чуть не умер на месте от удивления. Торопливо пробежав глазами записку, он несколько раз пробормотал «Господи!» и бросился наверх, туда, где, судя по всему, следовало искать бездыханный труп шефа.

Вид распростертого на кровати огромного тела Мак-Клосту до слез растрогал добряка-констебля. Как-никак, они с Арчибальдом много лет проработали вместе. И что за дикая мысль взбрела в голову сержанта? Что заставило его сотворить такую непоправимую глупость? Тайлер снял каску, подошел к смертному одру шефа и, опустившись на колени, чуть не задохнулся в крепчайших испарениях виски, источаемых мнимым покойником. Не прошло и минуты, как Сэмюэль с горечью констатировал, что сержант не мертв, а мертвецки пьян. Это открытие, несмотря на досаду, вызванную тем обстоятельством, что ему, Сэму, пришлось изрядно поволноваться просто так, принесло громадное облегчение. Он снова спустился в участок и, зачеркнув на табличке Мак-Клосту слово «самоубийство», написал сверху «пьянки», а к письму сержанта присовокупил постскриптум:

«Спасибо, шеф, я очень рад, что вы меня уважаете, но, если честно, советую в следующий раз, когда будете покупать виски, выбрать марку лучше — это уберезжет от боли и вашу печень, и мою. Преданный вам Сэм Тайлер».

Глава 4 Обыватели Каллендера

Поглядывая в окно на воды Тея, суперинтендант полиции графства Перт раздумывал, кого бы послать в Каллендер искать убийцу аптекаря — заодно кандидата в Окружной совет, когда в его кабинет без доклада вошел сержант Берт Джонсон. Поседев на службе, он с минуты на минуту ожидал отставки и в последние годы стал своего рода советником при суперинтенданте — тот безгранично доверял старику и больше всего, пожалуй, ценил его непогрешимый здравый смысл.

— Что-нибудь случилось, Берт?

— Опять бузит этот молодой инспектор, супер...

— Мак-Хантли? И что же он еще придумал?

— Это просто издевательство, супер! Втемяшилось ему в башку поменять все наши методы работы, обучить новому способу классификации досье, ввести улучшенный распорядок дня, который, по его мнению, видите ли, увеличит отдачу. В общем, все хочет перевернуть вверх дном!

— Ну, так что же, Берт?

— Надо срочно найти парню задание и хотя бы на время усладить его подальше отсюда.

— Это проще сказать, чем сделать... хотя... Минуточку! Попытайтесь забыть о своем раздражении, Берт, и скажите честно, что вы думаете о Мак-Хантли как о профессионале?

Сержант долго чесал в затылке.

— По-моему, он хороший следователь. В парне — не только искра Божья, он еще и любит работу. Однако трудно сделать окончательный вывод, пока мы не испытали его на деле.

— У меня есть такая возможность. Можно отправить Мак-Хантли в Каллендер разбираться с убийством Хьюга Рестона.

Джонсон просиял.

— Потрясающая мысль, супер! Не знаю, сумеет ли он поймать убийцу, но зато наверняка познакомится с Иможен Мак-Картри, а уж она быстро сойдет с нашего молодца спесь!

— Пошлите ко мне Мак-Хантли, Берт!

— Сию секунду, супер!

Почти сразу после ухода сержанта перед Копландом предстал инспектор Мак-Хантли. Мак-Хантли (или Дугал для барышень) был, что называется, красавец-мужчина. Такими высокими, стройными и златогривыми обычно принято рисовать викингов. Судя по всему, он это отлично знал и придерживался самого высокого мнения о своей особе. Но более всего самолюбие Мак-Хантли тешило то обстоятельство, что на конкурсе, организованном Отделом криминальных расследований Глазго, он стал одним из победителей.

— Я думаю, Мак-Хантли, вам уже известно о последних событиях в Каллендере?

— Вы имеете в виду убийство аптекаря? Да, сэр, я прочитал досье и понял, в чем ошибка тамошней полиции.

— Зато вы, вероятно, не в курсе, что убитый был одним из двух основных кандидатов на выборы в Окружной совет. Само собой, как вы, очевидно, догадываетесь, это не упрощает дела. Боюсь, как бы подобная история не подогрела страсти... Поэтому немедленно поезжайте туда и не возвращайтесь без убийцы.

— Положитесь на меня, сэр, я вам его привезу.

Каллендер отделяют от Перта не более пятидесяти миль, и в такое прекрасное солнечное утро инспектору Мак-Хантли вовсе не хотелось спешить. Он никогда не бывал в окрестностях Каллендера, и вид с холма на красивый городок его совершенно очаровал.

Дугал решил вести расследование мягко и осторожно. В первую очередь он намеревался побродить по Каллендеру инкогнито и составить представление о тамошней атмосфере, а уж потом переходить к активным действиям. Поэтому инспектор предпочел остановиться в пригородной гостинице «Черный Лебедь» у Джефферсона Мак-Пантиша.

Там Мак-Хантли отрекомендовался журналистом, приехавшим разузнать подробности об убийстве аптекаря. Это так поразило воображение Мак-Пантиша, что, дав гостю позавтракать, он без колебаний подсел к его столику и предложил выпить немного портвейна за счет заведения. Столь же охотно Джефферсон согласился рассказать мнимому репортеру о Каллендере и его обитателях.

— Как, по-вашему, мистер Мак-Пантиш, повлияет ли смерть Рестона на ход выборов в Окружной совет?

— Еще бы, мистер Мак-Хантли! То, что выбрали бы Рестона, не вызывает и тени сомнений, а теперь пойдет более ожесточенная борьба. Если, правда, доктор Элскотт, но я далеко не уверен в его победе, несмотря на все старания и поддержку Иможен Мак-Картри...

— А кто это?

— Исчадие ада! Мисс Мак-Картри непрестанно сеет в Каллендере самую настоящую смуту! Все пьяницы и драчуны города стоят за нее горой, а порядочные люди спят и видят, как бы отправить ее ко всем чертям!

— В том числе, конечно, и вы?

— Не стану скрывать.

— Но если эта женщина до такой степени нарушает мир и порядок, не понимаю, почему полиция не принимает соответствующих мер?

— Потому что сержант Мак-Клосту и констебль Тайлер — два идиота, и чертовка Мак-Картри их просто терроризирует.

Инспектор решил, что Мак-Пантиш необъективен, а потому, несомненно, преувеличивает, и серьезный следователь не должен принимать его точку зрения в расчет.

В четыре часа пополудни Дугал вышел из гостиницы и отправился знакомиться с Каллендером.

На скамейке у самого въезда в город сидели три пожилые дамы в черном, и Мак-Хантли подумал, что такие зрелые и рассудительные особы помогут ему составить о Каллендере куда более точное представление, нежели желчный Мак-Пантиш.

Инспектор участливо раскланялся с дамами и попросил разрешения немного отдохнуть на их скамейке. Кумушки с готовностью закивали. Поймав несколько осторожных взглядов, Дугал быстро сообразил, что его соседки умирают от любопытства. Наконец, не выдержав, одна из них церемонно проговорила:

— Прошу прощения, сэр... Вы, должно быть, сын Яна Клэддиша и вернулись к нам из долгого путешествия по Европе?

— Нет, меня зовут Дугал Мак-Хантли. Я — журналист и приехал по поручению своей газеты расследовать убийство аптекаря Хьюга Рестона.

Упоминание о печальном событии исторгло у дамы негромкий крик ужаса.

— Кошмарная история, мистер Мак-Хантли... Позвольте и мне представиться: миссис Плэри, а это мои подруги — миссис Фрейзер и миссис Шарп.

За этим последовало множество поклонов, любезностей и уверений, что все безмерно рады новому знакомству. Потом Дугал задал тот же вопрос, что и Мак-Пантишу:

— Как вы считаете, сударыни, изменит ли гибель Рестона результат выборов к Окружной совет?

Три вдовы единодушно ответствовали, что теперь положение изменилось самым кардинальным образом, ибо покойного Рестона, бесспорно, ждала победа, а его противник доктор Элскотт не имел ни малейших шансов взять верх.

— Но мне, кажется, говорили, что врачу оказывает мощную поддержку некая мисс Мак-Картри? — коварно заметил Дугал.

— Ах, эта! — скривилась миссис Плэри.

— Ах, эта! — простонала миссис Фрейзер.

— Ах, эта! — презрительно выплюнула миссис Шарп.

Вопрос Мак-Хантли вызвал целую лавину возмущенных воплей. Иможен Мак-Картри в три голоса ругали на чем свет стоит и обвиняли во всевозможных преступлениях, а закончилось все тройным пожеланием, чтобы проклятая рыжая ведьма оказалась замешанной в убийстве аптекаря, поскольку тогда, быть может, ее изгнали бы из Каллендера навсегда.

Инспектор покинул дрожащих от негодования дам в полной уверенности, что полицейские власти Перта очень плохо осведомлены о творящихся здесь безобразиях, и давно уже пора вмешаться.

Немного побродив по городу, который ему нравился все больше, Дугал решил выпить стаканчик в «Гордом Горце». Теду Булиту он тоже назвался журналистом.

— Ну, если вы и вправду хотите узнать имя убийцы Рестона, обратитесь к мисс Мак-Картри! — воскликнул кабатчик.

— Почему?

— Потому что наша Иможен — умнее всех полицейских Шотландии, вместе взятых, и, коли ей вздумается поймать преступника, будьте уверены: он далеко не уйдет!

И Тед Булит принялся воспевать необыкновенные достоинства мисс Мак-Картри, особы, достойной, по его мнению, войти в вечность рука об руку с Марией Стюарт. Слушая этот панегирик, Дугал Мак-Хантли понял, что, сам о том не подозревая, попал во враждебный хозяину гостиницы и трем дамам лагерь. Но так или иначе, а последние слова Булита не внушили ему особого доверия.

— И, можете не сомневаться, сэр, я говорю об этом беспристрастно, — подвел итог Тед.

Дугал заметил, что, пока кабатчик вещал, в зал откуда-то сзади несколько раз с видом побитой собаки входила маленькая бесцветная женщина. До сих пор она не проронила ни звука и даже не поднимала глаз, но, когда Булит стал уверять инспектора в своей полной объективности, вдруг взвилась, как скорпион, которому случайно наступили на хвост.

— Постыдились бы, Тед, обманывать гостя, да еще в присутствии своей законной супруги! Именно из-за вас и вам подобных Иможен вообразила, будто ей все дозволено! А на самом деле вам не хуже моего известно, что эта огромная рыжая коза — истинный бич Каллендера!

На долю секунды Булит онемел от изумления, но, как ни странно, не стал прибегать к обычным методам воздействия на супругу, а лишь презрительно пожал плечами.

— Мне жаль вас, Маргарет... но я не стану сердиться, потому что вы ведь все равно не отвечаете за свои слова...

Прочитав каллиграфически выведенную красной краской вывеску над лавкой, Дугал убедился, что ее хозяйина, мясника, зовут Лидберн, и вошел внутрь. За прилавком стоял атлетического сложения мужчина. Два пучка волос, топорщившихся по обе стороны широкой залысины, придавали его грубому, словно высеченному из кактуса лицу нечто сатанинское. Густые усы скрывали вялый, безвольный рот, зато видневшиеся из-под закатанных до локтя рукавов рубашки мускулистые, усыпанные веснушками и покрытые легким золотистым пушком руки производили устрашающее впечатление. Мясник бросил на посетителя равнодушный и тупой, как у коровы, взгляд.

— Что вам угодно?

— Я — журналист.

— Ну, и что?

— Расследую убийство мистера Рестона.

— Ну, и что?

— Я знаю, что вы были на месте преступления.

— Ну, и что?

— Вы не хотели бы поделиться со мной впечатлениями?

— Нет.

Кит, до прихода инспектора рубивший бычьей тушу, вернулся к прежнему занятию.

— А мисс Мак-Картри вы знаете? — продолжал настаивать Дугал.

— Да.

— Может, дадите мне адрес?

— Нет.

— Но ведь...

Лидберн положил тесак и снова повернулся к посетителю.

— Да, я знаю адрес рыжей стервы, но вам его не дам! Вы спросите, почему? Потому что не желаю иметь ничего общего с этим дьявольским отродьем! А теперь, прошу вас, не мешайте мне работать!

Мак-Хантли понял, что настаивать бесполезно.

Выходя из мясной лавки, он увидел седого джентльмена с саквояжем — неизменной принадлежностью любого англосаксонского врача, — сдившегося в машину.

— Доктор Элскотт?

— Он самый.

— Я — журналист и приехал разузнать подробности об убийстве Хьюга Рестона.

— Бог в помощь!

— Вы избавились от серьезного противника на предстоящих выборах, доктор?

— По правде говоря, молодой человек, у Рестона не были ни единого шанса обскакать меня. Во-первых, из-за его непроходимой глупости, во-вторых, из-за отвратительного характера, а в-третьих, как мог победить на выборах самый знаменитый во всем графстве роконосец?

— А нет ли у вас каких-нибудь соображений насчет того, кто мог его прикончить?

— Если честно — ни малейших.

— И вы не знаете ни единого человека, который бы ненавидел Рестона настолько, чтобы желать ему смерти?

— Почему же? Например, я. Однако вынужден вас разочаровать, молодой человек, я этого дурня не убивал.

— Несколько жителей вашего города намекали мне, что в деле могла быть замешана некая мисс Мак-Картри... Это правда?

Лицо врача сразу преобразилось, и чуть язвительная учтивость уступила место с трудом сдерживаемому гневу.

— Молодой человек! Те, кто посмел нашептывать вам подобные гнусности, — презренные злопыхатели и сплетники! На самом деле, наша Иможен — благороднейший и возвышеннейший характер, какой мне только довелось встречать за всю мою жизнь! Эта энергичная, неутомимо служащая правосудию женщина получила столько наград за верную службу Короне, что все кретины и недоумки, которыми, кстати сказать, кишит наш милый Каллендер, бледнеют от зависти. Положа руку на сердце, признаюсь, я и сам не сразу оценил истинное величие души Иможен Мак-Картри, и в первое время мы с ней немножко враждовали, но теперь я прозрел и склоняю голову перед этой уникальной личностью. До свидания, молодой человек, рад был познакомиться с вами.

Поднимаясь по главной улице, Дугал подошел к храму, и ему пришло в голову, что местный священник наверняка сумеет дать населению Каллендера более трезвую и непредвзятую оценку.

Мак-Хантли позвонил. Дверь открыла скромная женщина в таком строгом одеянии, что, с точки зрения инспектора, казалась превосходным образчиком супруги пастора — этаким ходячей добродетели, лишенной всех человеческих слабостей. Успевший прочитать выгравированную на медной табличке у входа в дом фамилию, Мак-Хантли уверенно заявил, что хочет побеседовать с преподобным Реджинальдом Хекверсоном.

— Прошу вас, входите, мой муж вас сейчас примет.

Миссис Хекверсон проводила его в аскетически обставленную гостиную.

— Как о вас доложить? — тихо спросила она, направляясь к другой двери.

— Дугал Мак-Хантли, журналист из Перта.

Женщина чуть заметно кивнула и бесшумно исчезла, словно благочестивая тень, незаметно скользящая по земле в ожидании вечного блаженства в мире ином.

Преподобный Хекверсон молча выслушал просьбу мнимого журналиста рассказать об убийстве Рестона и покачал головой.

— Боюсь, вы постучали не в ту дверь, мистер Мак-Хантли. Мое сердце обливается кровью от одной мысли, что чья-то преступная рука оборвала жизнь такого хорошего человека, как Хьюг Рестон... И я хочу лишь, чтобы в ожидании суда Всевышнего человеческое правосудие как можно скорее покарало подлого убийцу.

— Смерть мистера Рестона освободила путь честолюбивому желанию доктора Элскотта заседать в Окружном совете?

— Увы!

— И что вы думаете о нем, преподобный отец?

— Я обязан и пытаюсь с одинаковой нежностью относиться ко всей пастве, доверенной мне Господом, однако, жель скоро доктор Элскотт как таковой не принадлежит, не вижу причин, почему бы не высказать свое мнение о нем. Так вот... Наш брат во Христе Элскотт давно идет путем погибели, остается глух к призывам Всевышнего и дерзко безразличен к церкви, подавая согражданам тем более ужасный пример, что занимает видное общественное положение. Поэтому-то все благочестивые души молятся за поражение нечестивца на предстоящих выборах, ибо его провал будет истинным торжеством Создателя!

— Ваша откровенность, преподобный отец, побуждает меня спросить еще о женщине, чье имя мне повторяют буквально на каждом шагу, с тех пор, как я приехал в Каллендер... Что вы думаете о мисс Мак-Картри?

— Эта особа, мистер Мак-Хантли, постоянно посещает наши собрания, но ведет себя так, словно сама назначила Всемогущему свидание и не потерпит никаких опозданий с его стороны. Мисс Мак-Картри — бешеная националистка и, похоже,

всерьез не может простить Богу, что Он — не шотландец.

— Как мне сказали, она поддерживает кандидатуру доктора Элскотта?

— Они — одного поля ягоды, мистер Мак-Хантли.

Бакалейщик, дышавший свежим воздухом у порога своей лавки, сразу понравился инспектору, и тот решился войти. Хозяин слегка посторонился, пропуская его в магазин, но даже не подумал спросить, чем может служить. Дугал уже собирался окликнуть бакалейщика, как вдруг из помещения за лавкой выбежала женщина — ни красавица, ни дурнушка, но, по-видимому, очень бойкая особа. Тоже не обратив на Мак-Хантли никакого внимания, она набросилась на того, кто по-прежнему стоял у порога лавки, небрежно сунув руки в карманы фартука и демонстрируя тем самым полное равнодушие к покупателям.

— Вы когда-нибудь будете работать, Уильям Мак-Грю? Честное слово, можно подумать, вы встаете с постели только для того, чтобы дожидаться открытия «Гордого Горца» и пьянствовать там с такими же никчемными бездельниками!

Мак-Грю не счит нужным хотя бы обернуться, и его супруга продолжала:

— Господь вас накажет, Уильям Мак-Грю!

— Он это уже сделал, Элизабет, сведя вместе наши с вами пути. Я думаю, таким образом Всевышний хотел заставить меня искупить грехи многих поколений Мак-Грю.

— Грубиян! Но скажите мне, наконец, чего вы ждете, переминаясь с ноги на ногу, как медведь?

— Вашей смерти, Элизабет. Надеюсь дожить до благословенного часа, когда ваш пронзительный голос перестанет ругать меня на все корки. У вас будут великолепные похороны, Элизабет. Я, честное слово, настолько обрадуюсь избавлению, что заранее согласен на любые траты!

— Быть может, вы не прочь поторопить этот момент?

— Не стоит меня искушать, Элизабет.

Миссис Мак-Грю повернулась к Мак-Хантли.

— Вы слышали что-нибудь подобное? Муж открыто желает законной жене смерти, да еще в присутствии постороннего!

Мак-Хантли попытался разрядить атмосферу.

— В том-то и дело... Если бы он действительно хотел прибегнуть к насилию, то наверняка не стал бы говорить об этом публично, а постарался бы скрыть свои замыслы от чужих ушей.

— О, сразу видно, что вы не знаете Уильяма Мак-Грю — самого страшного лентяя во всем графстве Перт! И вдобавок — самого скверного мужа в округе! — Немного помолчав, она вдруг совершенно другим тоном добавила: — Правда, надо честно признать, Уильям не всегда был таким, а только с тех пор, как явилась эта тварь, у которой еще хватает наглости называть себя женщиной...

— Осторожнее, Элизабет, — невозмутимо предупредил Мак-Грю, по-прежнему не отходя от порога. — Вы, кажется, опять собрались злословить

о нашей Иможен, хотя прекрасно знаете, что я вам это категорически запретил.

Но миссис Мак-Грю, пропустив его слова мимо ушей, с яростью завопила:

— Да нет, вы его только послушайте! «Наша» Иможен! Ну, не позор ли?! Воля ваша, Мак-Грю, можете предпочитать мне свою рыжую кобылу, но не помешаете высказать этому джентльмену все, что я думаю о бесстыднице, о разрушительнице семейных очагов, о пьянчуге, о...

Бакалейщик стремительно повернулся и с фантастической быстротой и меткостью запустил в лицо Элизабет перезрелым помидором. Прежде чем залепленная томатным соком и ошметками женщина успела опомниться, он метнулся к ней, отвесил две оглушительные пощечины и, невзирая на крики, затолкал в комнату за магазином.

— Ну, сэр, а теперь скажите, чем могу быть вам полезен... — проворчал бакалейщик, вернувшись.

— Видите ли, я — журналист и расследую убийство Хьюга Рестона. Поэтому в первую очередь мне хотелось бы составить представление о наиболее видных гражданах вашего города. Например, о мисс Мак-Картри...

Несколько секунд Мак-Грю, по-видимому, напряженно размышлял и, наконец, решился высказать свое мнение:

— Мисс Мак-Картри — это личность.

Очевидно, на сей раз Мак-Хантли напал отнюдь не на болтуна.

— А не могли бы вы рассказать о ней поподробнее?

— Говорю же вам: это личность!

Гуляя по городу, толстяк Гленроуз и его жена Майри встретили еще не знакомого им Мак-Хантли. Супруги улынулись, словно желая гостю приятного отдыха. Подобная любезность, разумеется, требовала ответа, и полицейский вежливо поклонился. Гленроузы тоже кивнули, давая понять, что теперь, когда все формальности, принятые между цивилизованными людьми, соблюдены, можно начать разговор. Дугал в очередной раз повторил сказку о журналистском расследовании, и миссис Гленроуз расплакалась:

— Хьюг был одним из наших ближайших друзей...

— Я — крестный его племянницы, — охрипшим от волнения голосом добавил Дермот. — Но пойдёмте к нам — там гораздо удобнее разговаривать, чем на улице, мистер Мак-Хантли.

Как только они обосновались в роскошной гостиной Гленроузов, хозяин дома рассказал о предшествовавших смерти Рестона событиях, намекнув, что полиция явно поторопилась отпустить на свободу Ангуса Кёмбре. Однако, чем рассуждать о проблематичной виновности молодого механика, Дугал предпочел поинтересоваться мнением миссис Гленроуз о жителях Каллендера. Не успел он задать вопрос, как эта пышная матрона принялась петь дифирамбы мужчинам и женщинам, обитающим в здешнем благословенном

краю. И лишь закончив своего рода хвалебный гимн жителям Каллендера, миссис Гленроуз позволила себе сделать небольшое отступление.

— Но, конечно, — вздохнула она, — у нас, как и в любом человеческом сообществе, есть свои паршивые овцы...

Ее супруг примирительно простер руку.

— Я знаю, какие страдания вам это причиняет, дорогая, но помните: если Создатель допустил существование не только белых, но и черных барашков, то лишь для того, чтобы на фоне последних воссияла белизна первых еще ярче...

— Амины! Тем не менее, согласитесь, Дермот, что, не появившись тут эта ужасная женщина и не начни она мутить воду, быть может, мы сумели бы вернуть в лоно матери-церкви пьяниц, которых, увы, в городе хватает.

Дугал с наигранным удивлением воззрился на супругов.

— И кто же мешал вашим благотворным трудам, сударыня?

Гленроузы, не скрывая злобы, начали в два голоса поносить Иможен Мак-Картри, причем каждая новая реплика звучала на полтона выше предыдущей.

— Она — свирепая и мстительная старая дева! Мало того, что она предаётся самому неумеренному пьянству, но к тому же еще исповедует дичайший национализм!

— Представьте себе, эта особа дошла до того, что отрицает законность прав нашей королевы и не признает ее главой государства! — добавил Дермот Гленроуз.

— Ну, да?

— Правда-правда! С ее точки зрения, законные короли — потомки Марии Стюарт, а Ее Всемилостейшее Величество — узурпаторша!

— Невероятно!

— Кроме того, она была замешана во множестве темных историй: убийства, кражи, шпионаж... Разумеется, в глазах жалкого сброда все это создает дьявольский ореол! От проклятой ведьмы так и несет адской серой!

— Ну, по правде говоря, чаще всего она благоухает виски...

Уходя от Гленроузов, Мак-Хантли невольно думал, что враги мисс Мак-Картри в общем и целом проявляют куда большее рвение, нежели ее сторонники. Но, для того, чтобы прийти к окончательному выводу, он решил заглянуть в мэрию.

Мэр Нэд Биллингс настолько не привык принимать приезжих, что инспектор вошел в его кабинет прежде, чем тот решил, стоит ли с ним разговаривать.

Мэр оказался высоким и еще не старым мужчиной. Жители города, в основном, относились к нему с симпатией. Правда, манера Нэда выкладывать все, что думает, в глаза немного действовала на нервы самым важным шишкам, но зато остальные ее очень ценили, а именно они и составляли большинство. Наконец, Биллингс никогда не скрывал приверженности к национальному напитку.

— Я не помешал вам, господин мэр?

— Поздно вы об этом спрашиваете... Да ладно, раз пришли — садитесь и рассказывайте, чего вам от меня нужно.

От мэра Мак-Хантли не стал скрывать, что он — полицейский инспектор, и объяснил, какие важные соображения побудили его морочить голову прочим обитателям Каллендера. Теперь же он хотел бы узнать мнение главы города об избирателях.

— Люди тут — не хуже и не лучше, чем в других маленьких городках. Богачи не слишком эгоистичны, а бедняки не так уж озлоблены. По воскресеньям все ходят в храм, по субботам большинство напивается, и кое-кто, по старой доброй традиции, лезет в драку. В остальные же дни — работают.

— В разговорах со мной ваши сограждане то и дело повторяли одно имя... причем одни — с восторгом, другие — с глубочайшим отвращением... Я имею в виду мисс Мак-Картри...

Громкий смех мэра раскатился по всей комнате.

— Наша Иможен?... А вы знаете, что с тех пор, как она вернулась, Каллендер словно бы помолодел? Уж кто-кто, а Дева Гор старается внести некоторое оживление! Нет, правда, мисс Мак-Картри — настоящий феномен! Вам надо обязательно с ней познакомиться. Готов спорить, эта женщина вас заинтересует, тем более, что подобных ей далеко не каждый день встретишь! Кстати, в вашем управлении хорошо знают нашу Иможен. Вам о ней не говорили?

— Ни слова.

— Значит, хотели сделать сюрприз.

— Ваши слова, господин мэр, вызвали у меня огромное желание как можно скорее вести знакомство с мисс Мак-Картри. Вы не подскажете, где она живет?

— Вилла Иможен — чуть на отшибе. Идите дальше в сторону Доуна, пока не увидите бензocolонку и гараж. И то, и другое принадлежит Ивену Стоу. Он, кстати, тоже отличный мальчик. Много лет путешествовал и только три года назад возвратился домой. Ну, а наша Иможен живет в ярдах пятистах оттуда, на холме. Впрочем, Стоу объяснит вам на месте.

На главной улице города инспектор заметил мужчину в форме, украшенной красно-белым квадратиком в знак того, что он служит в полиции Шотландии. На первый взгляд, судя по приветствиям, пожеланиям и дружеским хлопкам, каковыми констебля награждали прохожие, Дугалу показалось, что представители закона здесь весьма популярны. Это его обрадовало. И Мак-Хантли, с легким сердцем подойдя к коллеге, спросил, как пройти в участок. Констебль охотно показал дорогу.

— Надеюсь, сэр, в нашем городе с вами не случилось ничего дурного? — вежливо осведомился он.

Инспектор успокоил доброго малого, объяснив, кто он такой и зачем сюда приехал. Собеседник, назвавшийся Сэмюелем Тайлером, стал уверять Дугала, что Каллендер — тихий и спокойный городок, а те, кто время от времени проводят ночь в тюрьме, попадают туда лишь из-за чрез-

мерных возлияний или из-за какого-нибудь приступа глупой обидчивости, побудившего отстаивать свою точку зрения с помощью кулаков.

— И, тем не менее, в вашем мирном городке только что произошло убийство, — вкрадчиво заметил инспектор. — Или вы об этом уже запомнили?

— Разумеется, нет, сэр, но мне... мне с трудом в это верится.

— Как идет расследование?

— Топчется на месте, сэр. Впрочем, сержант Мак-Клостоу расскажет вам обо всем этом куда лучше меня.

— Насколько я понял, люди очень недовольны такой медлительностью, и я заметил, что в их обвинительных речах все время упоминается одно имя...

— Мисс Мак-Картри, надо думать?

— Да, действительно.

— В таком случае, инспектор, с вашего позволения, я бы посоветовал вам не слишком обращать внимание на болтовню и тех, и других. Само собой, наша Иможен (а я знаю ее с детства) не отличается миролюбивым характером. Кроме того, она имеет обыкновение рубить сплеча, а это — не всем по нутру. Короче, доброе сердце и тяжелый нрав, если вы понимаете, о чем я толкую...

— По-моему, да.

— К тому же, будучи полицейским, я никак не могу забыть, как часто мисс Иможен помогала нам в сложнейших ситуациях и делала это с таким воодушевлением, что прославилась на всю страну.

Мак-Хантли едва не пожал плечами, но побоялся обидеть добродушного и, несомненно, честного малого. Однако в глубине души его самого оскорбило, что представитель закона позволяет себе болтать о воображаемых подвигах какой-то старой девы, чьим самым опасным оружием был, вероятно, всего лишь злой язык. В высшей степени неуместное и даже неприличное поведение!

Внешний вид полицейского участка приятно удивил гостя чистотой и некоторой элегантно-стью. Войдя и никого не обнаружив, он толкнул сначала одну дверь, потом другую и оказался в кабинете. В кресле за столом дремал облаченный в полицейскую форму гигант. Шум его разбудил.

— Кто вы такой? И по какому праву?..

Инспектор назвал фамилию и должность, и перепуганный Мак-Клостоу, торопливо застегнув китель, пригладил волосы и бороду.

— Что вы хотели бы узнать, сэр? — спросил он.

— Ничего.

— А?

— Я уже знаю не меньше вашего, поэтому предпочел бы послушать о степени нравственного здоровья города, попечение о котором, если меня не обманули, возложено на вас и вашего помощника Сэмюеля Тайлера.

Мак-Клостоу бросил на инспектора подозрительный взгляд.

— Вы уже видели Тайлера?

— Да, на улице. Он показался мне симпатягой.

— Пожалуй...

- Вы не очень в этом уверены?
- Заметьте, Сэм и вправду хороший человек, вот только страшно честолюбив.
- Разве это не естественно?
- Теоретически — несомненно, однако на практике выходит по-другому, особенно когда кто-то метит на ваше место. Поэтому, если констебль Тайлер позволил себе кое-какие критические замечания в мой адрес…
- Не беспокойтесь, мы говорили не о вас…
- А второй порок Сэма — в том, что он питает чрезмерную слабость к некоторым жителям Каллендера, причем, к несчастью, отнюдь не из числа наиболее почтенных.
- И особенно, я полагаю, к некой Иможен Мак-Картри? — медовым голосом спросил инспектор.
- Дугал никогда бы не подумал, что просто упоминание фамилии каллендерской героини способно вызвать столь бурную реакцию. Сначала сержант Мак-Клосту застыл, уставившись в пространство и приоткрыв рот, словно его стукнули по голове дубинкой, потом издал нечто вроде хриплого стона, напомнившего его собеседнику призывный сигнал затерянного в тумане корабля, и, наконец, встал.
- Мистер Мак-Хантли, — торжественно изрек он, подняв к небу указующий перст и полубезумными глазами глядя на инспектора, — печальная необходимость вынуждает меня кощунствовать, но я просто обязан сказать вам все, как есть! Так вот, что бы там ни думали шотландцы, будь они родом из Горной страны или Низин, или из Приграничной зоны, Шотландия никак не может быть благословенной страной, раз ей случается порождать на свет создания, подобные Иможен Мак-Картри!
- А вам не кажется, что это небольшое преувеличение, сержант?
- О, если бы вы только знали…
- Вот именно, сержант, мне необходимо знать, иначе я никоим образом не смогу составить собственное мнение!
- Арчибалд печально улыбнулся. Он явно чувствовал себя жертвой величайшей в этом мире несправедливости.
- Бесполезно… Эта кошмарная женщина пользуется у вас в управлении совершенно скандальным покровительством.
- Почему?
- Потому что она родилась здесь, в Верхней Шотландии, в то время как я имел несчастье приехать сюда из Приграничной зоны!
- Не вижу связи…
- Меня тут считают чужаком, докучливым иностранцем, хуже того — представителем некоего отсталого племени!
- Ну, да? А как же в таком случае они относятся к англичанам?
- К англичанам? Их просто игнорируют! Но, если не считать этой рыжей ведьмы, люди здесь — как на подбор: спокойные, честные и работащие.
- В этот момент дверь под бешеным натиском распахнулась, и в кабинет, где так мирно беседовали полицейские, влетела женщина.

— Арчи! Вы когда-нибудь приметесь за работу или нет? Вместо того, чтобы искать убийцу, вы, по природной лениности, предпочитаете оставить тень подозрения на Ангусе Кёмбре! В последний раз предупреждаю вас, Арчи: если вы намерены и дальше сидеть сложа руки, я сама возьмусь за расследование!

Мак-Клосту провел по перекошенной физиономии дрожащей рукой.

— Это… это она, — хрипло сообщил он

инспектору.

Мак-Хантли, не скрывая любопытства, разглядывал высокую женщину с огненной шевелюрой, узким костистым лицом, в традиционной клетчатой юбке и шляпе вроде панамы, перехваченной лентой цветов клана Мак-Грегоров и украшенной пером куропатки.Особенно поразили воображение полицейского уличные туфли без каблука, как минимум, 43-го размера.

— Вы что, больны, Арчи?

Дугал попытался помочь бедняге сержанту.

— Мисс Мак-Картри, позвольте мне…

— Нет времени! — сухо бросила Иможен.

Инспектор, почувствовав, что спорить бесполезно, снова плюхнулся на стул. А мисс Мак-Картри, опершись обеими руками о столешницу, склонилась к самому лицу Арчибалда. Взгляд ее выражал глубочайшее презрение. Наконец, выпрямившись, она повернулась к Дугалу.

— Тьфу! Даже смотреть противно!

И, высказав таким образом свое мнение, Иможен покинула участок с той же стремительностью, что и вошла. После ее ухода в кабинете ненадолго воцарилась тишина.

— У меня складывается впечатление, что вас далеко не так уважают, как вам хотелось бы думать, сержант, — наконец, проронил Мак-Хантли.

— Ваш отец жив? — слегка пришепetyвая от волнения, спросил Мак-Клосту.

— Да, а что?

— Тогда его именем заклинаю вас, сэр, пустить в ход все свое влияние и помочь мне перевестись в другое место! — Он с трудом поднялся с кресла и навытяжку встал перед Дугалом.

— Да, а что?

— Тогда его именем заклинаю вас, сэр, пустить в ход все свое влияние и помочь мне перевестись в другое место! — Он с трудом поднялся с кресла и навытяжку встал перед Дугалом.

Глава 5 Предательство Иможен Мак-Картри

В то утро Мак-Хантли даже не заметил, что ему подали на завтрак. Он плохо спал ночью, и, естественно, пребывал далеко не в лучшем настроении. Поразмыслив, инспектор пришел к выводу, что, если в Перте и впрямь известно, какие бури сотрясают Каллендер, то у Копланда и его

помощников — более чем странное представление о долге полиции!

После завтрака Дугал решил навестить Иможен Мак-Картри.

Открыла ему старуха и провела в гостиную, стены которой украшали сувениры всех многочисленных шотландских войн. Иможен величавой поступью спустилась туда же по деревянной лестнице, соединявшей оба этажа дома. Дугал не без основания решил, что она хочет произвести определенное впечатление, и поклонился, но мисс Мак-Картри, мгновенно узнав вчерашнего собеседника сержанта, досадливо крикнула:

— Ах, это вы?! Не понимаю, что могло привести ко мне дружка этого дурня Мак-Клосту?

Дугал ледяным тоном отчеканил:

— Я — инспектор полиции, мисс, и приехал в Каллендер расследовать убийство Хьюга Рестона.

— Давно пора!

— Насколько я помню, вчера вы заявили, что, если полиция не начнет искать убийцу с несколько большим энтузиазмом, этим займетесь вы сами?

— Совершенно верно!

— А нельзя ли узнать, каким образом вы намерены ловить преступника?

— У меня — свои методы и, по-моему, было бы крайне неразумно делиться ими с первым встречным.

Инспектор спокойно перешел в наступление.

— Судя по всему, мисс, сержант Мак-Клосту далеко не уверен в невиновности Ангуса Кёмбре. Вы не знаете, почему?

— Потому что он — человек ограниченный по натуре и не более чувствителен, чем какое-нибудь бревно… Хотите капельку виски?

— Господи Боже, что за вопрос?

Иможен достала бутылку и щедрой рукой наполнила бокалы, словно решив раз и навсегда опровергнуть расхожее мнение о скаредности шотландцев. Подняв бокал, она слегка кивнула гостю и тут же повернулась к стоявшей на комодѐ фотографии, очевидно, желая выпить за здоровье изображенного там мужчины.

— Это ваш родственник? — вежливо осведомился Мак-Хантли.

— Отец… Генри-Джеймс-Герберт Мак-Картри, капитан шотландских стрелков в индийской армии… безвременно погиб…

— Так его унесла война?

— Нет, виски.

— А!

— Точнее, фатальная рассеянность… Однажды вечером отец по оплошности вместо доброго шотландского виски хлебнул ирландского и так и не оправился от угощения.

Мак-Хантли долго раздумывал, потешается над ним эта рыжая кобыла или говорит совершенно искренне, и ошарашенно захлопал глазами. Потом встал и, собираясь уходить, полюбопытствовал, что за годовщина помешала ему увидеть мисс Мак-Картри накануне. Вместо ответа Иможен повелительно указала инспектору на дверь:

- Так я и думала! Убирайтесь!
- Но…
- Я велела вам убираться отсюда, предатель!
- Тут, наверное, какое-то недоразумение и…
- И он еще смеет прикидываться шотландцем!

Ублюдок — вот вы кто! Просто-напросто ублюдок!

Теперь уже Мак-Хантли рассердился не на шутку и тоже начал кричать.

— Я — такой же шотлданец, как и вы!

— Лгун! Лицемер! Розмери!!

Миссис Элрой вбежала в комнату с каминными щипцами, превращавшимися в ее руках в довольно опасное оружие.

— В чем дело?

— Помогите мне выставить этого бесстыжего втирушу. Он имел наглость проникнуть в мой дом, назвавшись шотландцем!

— Да замолчите же, наконец! — рывкнул окончательно взбешенный Дугал. — Я запрещаю вам говорить, что я не шотландец! Я родился в Эдинбурге!

— По чистой случайности! Вперед, Розмери!

Две женщины вихрем налетели на него и, подталкивая щипцами, выгнали в сад, а потом и за калитку. Избавившись от противника, мисс Мак-Картри снова издала победное ржание:

— Он пытался выдать себя за шотландца, а сам даже не знает, что вчера была годовщина сражения при Баннокберне, где Роберт Брюс обеспечил Шотландии независимость!

Подходя к городу, где Ивен Стоу трудился над упорно не желавшим работать мотором, Мак-Хантли все еще кипел от возмущения, и ему хотелось поделиться с кем-нибудь обидой.

— Что, эта Мак-Картри совсем тронутая?

— На вашем месте я бы так не говорил о леди!

— Леди? Да она самая обыкновенная пьянчуга и…

Не дав инспектору договорить, Стоу нанес молниеносный удар правой, и Дугал с подбитым глазом очутился на земле. Едва поднявшись на ноги, он яростно налетел на хозяина гаража. К несчастью для него, Стоу оказался чемпионом ближнего боя, и через несколько минут Дугалу пришлось признать поражение.

— Ладно… но вы за это заплатите!Бить офицера полиции — очень дорогое удовольствие!

— А я понятия не имел, кто вы такой, и отлупил вовсе не полицейского, а хама, задумавшего оскорблять женщину из числа моих близких друзей!

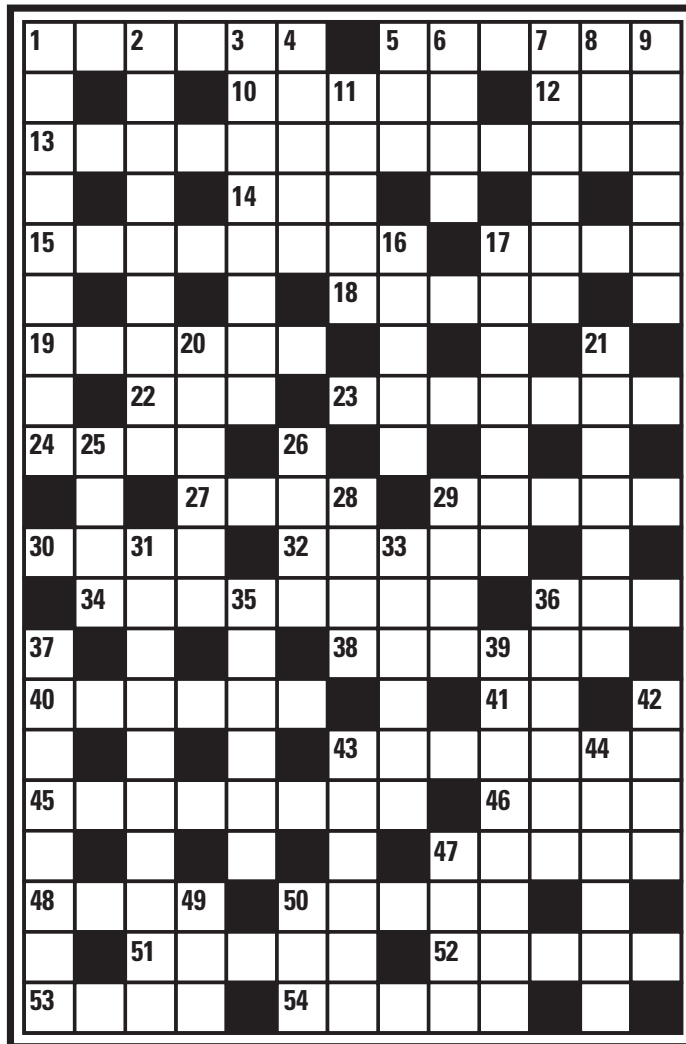
Увидев, в каком состоянии его постоялец явился от мисс Мак-Картри, Джефферсон Мак-Пантиш сочувственно покачал головой и проворчал:

— Похоже, она никогда не изменится.

— Похоже, она никогда не изменится.

Донесение Мак-Хантли о событиях в Каллендере так рассмешило суперинтенданта, что он дал его почитать Берту Джонсону, а тот, даже десять лет спустя, давно выйдя в отставку, рассказывал эту историю всякий раз, когда ему хотелось повеселить друзей. ▀

Окончание следует.



По горизонтали. 1. Над морем летает, а по суше ездит. 5. Острота в стог сена. 10. Средство перевозки угля в кинофильме П.Лунгина «Остров». 12. Напротив веста. 13. Счет времени от условно взятого исторического момента. 14. Заведение для тех, у кого мушки в глазах. 15. «Белый лист, на котором чувства выводят свои узоры, отражения своих общений с действительностью» (Э.Кондильяк). 17. Предмет, показывающий квалификацию дзюдоиста. 18. Мозг цирка. 19. Цветок, христианский символ смирения. 22. Искра, капля, кроха, малость (по В.Далю). 23. Спортсменка, наступающая на пятки взрослым. 24. Самоцвет, в чьих рисунках фантазеры видят то птиц с картин Врубеля, то сирень с полотен Кончаловского, а то вечерние сумерки с холстов Левитана. 27. Сподвижник М.К.Ганди в борьбе за национальное освобождение Индии. 29. Пересчитать ... (измудузить). 30. Форма

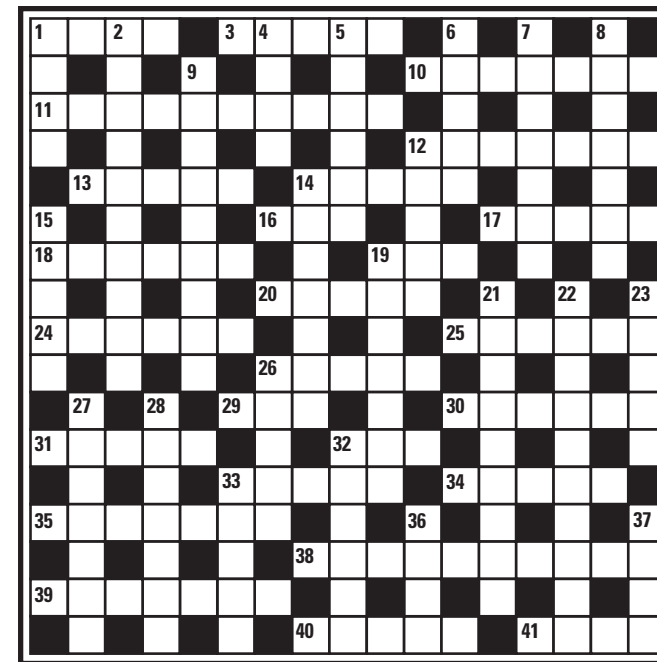
лекарства. 32. Дерево, «одевшее» Адама и Еву. 34. Владелица шпика в «Горе от ума» А.Грибоедова. 36. Белый пес с черным ухом в повести Г.Тропольского и фильме С.Ростоцкого. 38. На свой ... (по-своему, на свой лад). 40. Собачка для поисков истины. 41. Сапропель по своей сути. 43. Материал для системы Станиславского. 45. Представительница народа, которого в Афганистане гораздо больше, чем в граничащей с ним родной стране. 46. Пастуший щелкунчик. 47. Французский поэт, теоретик классицизма. 48. Знаменитая немецкая фигуристка по имени Катарина. 50. Просторечное название охотничьей собаки со способностью к стойке перед дичью. 51. Знаменитый киноактер, чьим любимым писателем был М.Зощенко. 52. Образ жизни семьи, социальной группы. 53. Кустарник или полукустарник, особенно распространенный в Средиземноморье. 54. Вертикальный памятник.

По вертикали. 1. «Поэзия мысли» (А.Исаакян). 2. «Не что иное, как духовное опьянение» (Д.Байрон). 3. Вынужденный или добровольный уход с должности. 4. Первое действие в новом деле. 5. Мистер, прославивший Г.Отса. 6. Светлые круги, дуги, столбы вокруг Луны или Солнца. 7. Столица, где гимнастка Людмила Турищева в 1975 году своим мужеством покорила весь стадион. 8. Тринадцатая буква после альфы. 9. Человек, не боящийся Страшного суда. 11. Советская десятирублевка на жаргоне. 16. Обширная лесная или луговая прогалина. 17. Ленивая, лежебока, лодырь. 20. Вранье. 21. Старик Хваттабыч. 25. Дело ... (никуда не годится). 26. Остров, куда Зевс в образе быка доставил похищенную им Европу. 28. Увлечение предмета силой движения, течения. 29. Денежная единица Ирана. 31. Усмешка в адрес человека, которому не до смеха. 33. Резинка, не дающая покоя зубам. 35. Нрав природы, пугающий ее царей. 36. Фольклорный жанр, с большой силой отразивший дух русского народа. 37. Специалист, который землю роет, чтобы вырастить живые краски. 39. Кулик, похожий, особенно в полете, на большую ласточку. 42. Блок, постепенно беруший Россию в клещи. 43. «Душа речи» (Ж.Ж.Руссо). 44. Соцветие многих злаков. 47. Сумка, вытянутая, как такса. 49. Плотная льняная или хлопчатобумажная ткань. 50. Муж Лизаветы Патрикеевны.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В №10

По горизонтали. 7. Терпимость. 8. Болгария. 9. Мозгляк. 13. Абдулла. 14. Клио. 15. Река. 16. Страх. 18. Тромб. 19. Франко. 21. Сделка. 23. Чувство. 25. Анчар. 26. ... онучи 28. Эссе. 29. Шпион. 32. Наряд. 35. Витамин. 39. Бугаев. 40. Укорот. 42. Умник. 43. Робот. 44. Сидр. 45. Осин. 47. Идиотия. 48. Меджлис. 49. Гирлянда. 50. Жилплощадь.

По вертикали. 1. Ледостав. 2. Эпиграф. 3. Амаяк. 4. Злоба. 5. Лахудра. 6. Дипломатия. 10. Клянча. 11. Розов. 12. Пруст. 13. Актеон. 17. Хрен. 18. Ткач. 20. Курение. 22. Двойник. 24. Соска. 27. Целомудрие. 30. Паук. 31. Овация. 33. Аноним. 34. Явор. 36. Тварь. 37. Мусор. 38. Иродиада. 39. Биноколь. 41. Торжище. 44. Сиена. 46. Нерль.



По горизонтали. 1. Особый знак, по которому только и мог быть опознан одетый в доспехи рыцарь. 3. Английский учитель и драматург XVI века, автор первой английской комедии «Ральф Ройстер Дойстер». 10. Город, куда П.Столыгина в 1903 году назначили губернатором. 11. Вечнозеленая родственница черемухи и черешни, чьи листья при изломе пахнут горьким миндалем. 12. «Первая и самая необходимая собственность, самая хорошая и самая важная» (Аристотель). 13. Домашний «зверь», сильно покалечивший юного Жоржа Дантона, сразившегося с ним. 14. Предсказатель, прорицатель на Руси. 16. Маршал Франции, получивший в 1812 году титул «Князь Московский». 17. Цена потерянной до брака девственности в древней Месопотамии. 18. Причина, по которой, как показалось Астреину, он умирает, когда фельдшер облепил ему рот и нос ватой и наплатил ее эфиром (А.Куприн. «Мелюзга»). 19. Обычный материал, каким метили рабов на рынках Древней Греции. 20. Переводчик в первом посольстве, отправленном в 797 году Карлом Великим к халифу Харуну ар-Рашиду. 24. Поэт, о котором А.Пушкин говорит, не называя его, в «Цыганах». 25. Музыкальный инструмент, на каком в Древней Греции обычно играла женщина. 26. Вюртембергский генерал, чьи успехи и злоключения описал в рассказе «Игра судьбы» его крестник Ф.Шиллер. 29. «Золотой эликсир» Лао-цзы. 30. Ор-

ган, в который Платон поместил «начало вожделения». 31. Обрядное время, когда древние египтяне сбрасывали ресницы. 32. Толстое сукно, распространенное у белорусов в XVI—XVIII веках. 33. Ученое поприще композитора А.Бородина. 34. Каждый из мудрецов, ученых мужей, принесших дары младенцу Христу. 35. Послеледниковая эпоха в геологической истории Земли. 38. Машина или прибор, разделяющий смесь на составные части. 39. Б.Окуджава: «Она по проволоке ходила» (выпадение гласного звука как прием). 40. «Самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека» (А.Чехов). 41. На Руси говорили: ... по телу встали (то есть мороз пробежал по коже).

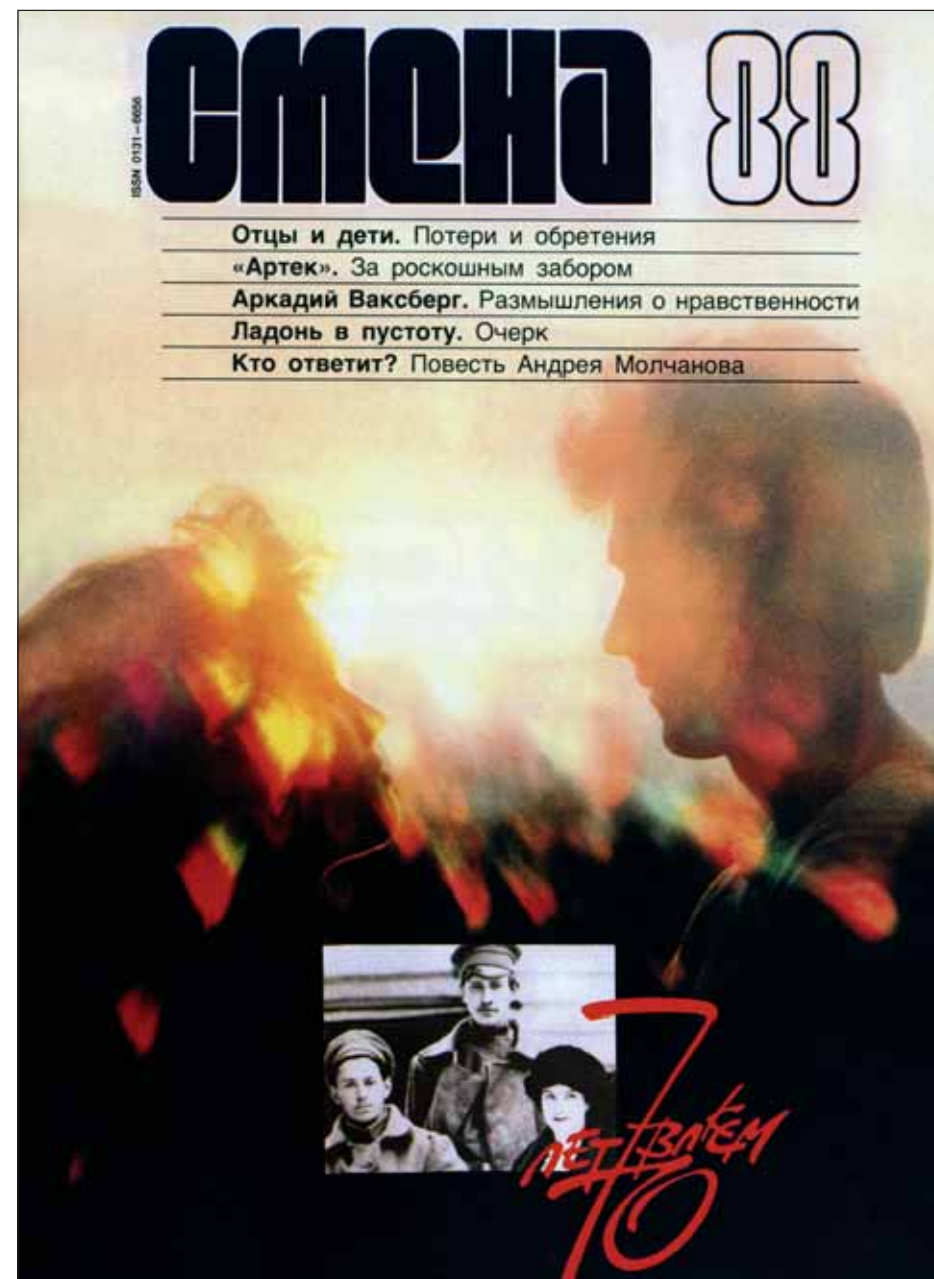
По вертикали. 1. Ирландский монах, чьим атрибутом был петух; основал в Швейцарии знаменитый монастырь, названный его именем. 2. «Наилучшая охрана добродетели» (Наполеон). 4. Живущая в Западной Африке обезьяна, чьи кисти рук с подвижными пальцами напоминают человеческие. 5. Шведский натуралист-систематизатор, высоко оценивший русскую водку, посланную ему в подарок Екатериной Великой. 6. Французский киноактер, панически боявшийся огня и электричества. 7. Каждый из левого крыла гуситов — «ревнителей слова Божьего», чьим идеалом была демократическая республика и освобождение чехов от немецкого влияния. 8. «Высокая ...» —

поэма Б.Пастернака; ее название Ю.Лотман считал перефразировкой «высокой страсти» А.Пушкина. 9. Всадник с птицей в руке в старой русской геральдике. 12. Хлеб на столике в саде Садо (Л.Толстой. «Хаджи-Мурат»). 14. Поэт-сатирик-конек, автор едких пародий на К.Бальмонта, В.Брюсова, З.Гиппиус, М.Кузмина и других. 15. Всесильный фаворит Екатерины II, сначала приблизивший Н.Резанова ко двору, но потом, испугавшись его обаятельности, отправившись в Иркутск, навстречу судьбе. 19. «Сгущенная энергия» (Шри Ауробиндо Гхош). 21. Обычный троп в баснях и притчах. 22. Американский президент (XX век), которому за изобилие общих рассуждений в речах присвоили титулы «блестящий представитель американского баналитета» и «генерал от общих мест». 23. Шапка русского царя, какую он никогда не снимал перед боярами. 26. Этой тканью крыта лисья шуба в «Капитанской дочке» А.Пушкина. 27. То ли итальянский, то ли хорватский скрипач и композитор, до 1786 года какое-то время бывший придворным камерным музыкантом Екатерины Великой. 28. Магическая статуэтка, какую древние египтяне клали в гробницу порой сотнями как «рабов» покойника. 32. Великая мать богов, Диндимины, Идейская богиня в греческой мифологии. 33. Фараон, первым назвавший себя вторым солнцем. 36. Немецкий художник и скульптор, чья картина «Сфинкс» — смесь символизма, натурализма и салонной эротики — стала наиболее ярким воплощением югендштиля в живописи. 37. Самосожжение жены индийца вместе с телом покойного мужа.

ОТВЕТЫ НА «ЭРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В №10

По горизонтали. 4. Агела. 7. Уэллс. 10. Дракон. 12. Безразличие. 13. Еретик. 15. Мидас. 16. Головин. 17. Сага. 19. Надежда. 21. Война. 22. Иннах. 24. Рео. 26. Флюид. 27. Авгит. 31. Баш. 33. Якин. 34. Сикст. 35. Черешня. 37. Учуг. 38. Карагач. 39. Отчим. 42. «Каисса». 43. Льноводство. 44. Вигвам. 45. Милый. 46. Цекки.

По вертикали. 1. Одоевский. 2. Палеограф. 3. Зосим. 5. Гренадер. 6. Лари. 8. Этимология. 9. Луизиана. 11. ... вздор. 14. Кипарис. 18. ... юдо. 20. Жерар. 23. Хлестаковы 25. Овинник. 28. Ткачество. 29. Анаграмма. 30. Вивальди. 31. Бег. 32. Шестовик. 36. Катон. 40. Магия. 41. Эссе.



Номер «Смены», посвященный последнему «прижизненному» юбилею комсомола, в октябре 1988 года открывается материалом об Александре Косареве, секретаре ЦК ВЛКСМ, который осмеливался писать Сталину о массовых арестах комсомольцев и не побоялся публично заявить делегатам конференции: «...Вы посмотрите, что у нас творится. Вы исключаете за связи с «врагами народа», не разобравшись в существе дела». С трибуны он уходил под гром овации. А позже пришли и за ним...

«За «врагом народа» Косаревым приехал сам Берия. Кажется, это был первый случай, когда Берия присутствовал при аресте. Косарева он ненавидел».

В этом же месяце были опубликованы: исторический очерк Алексея Николаева «Грабеж», о том, как распродавали сокровища Эрмитажа, первый в истории Союза фотоочерк о похоронах «афганца» (до этого тема была закрыта), прекрасный рассказ Юрия Нагибина «Спринтер или стайер» с рисунком Геннадия Новожилова.